

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

THE NEW HISTORICAL BULLETIN

№ 4 (58)

2018

Москва 2018

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Журнал основан в 2000 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
С.В. Карпенко

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**А.Б. Безбородов, О.Г. Буховец, В. Голдман, Н.Т. Ерегина,
В.П. Зиновьев, В.Г. Корнелюк, Н.Г. Кулинич, О.В. Павленко,
А.М. Пашков, А.А. Симонов, В.Л. Успенский,
Д. Фильцер, Л. Чех, П.П. Шкаренков**

Ответственный секретарь **П.Н. Лебедев**
Переводчики **О.Н. Судакова, К.Дж. Сторэлла**
Обложка **А. Надточенко**

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
121433, Москва, Б. Филевская, 69-2-67
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс по каталогу «Урал-Пресс»: ВН002537

© Новый исторический вѣстникъ, 2018
© Редакция «Нового исторического вестника»
ООО «Смелый дизайн», 2018
© Издательство Ипполитова, 2018

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES**

INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES

Founded in 2000

EDITOR-IN-CHIEF
Sergey V. Karpenko

EDITORIAL BOARD

**A. Bezborodov, O. Bukhovets, L. Čech, N. Eregina, D. Filtzer,
W. Goldman, V. Karnialiuk, N. Kulinich, A. Pashkov, O. Pavlenko,
P. Shkarenkov, A. Simonov, V. Uspensky, V. Zinoviev**

Executive Secretary **P. Lebedev**
Translators **O. Sudakova, C.J. Storella**
Cover Designer **A. Nadtochenko**

Quarterly journal

Address:
69-2-67, Bolshaya Filevskaya St., Moscow, Russia, 121433

«Ural-Press» Catalogue Subscription Index: ВН002537

© Novyy Istoricheskiy Vestnik, 2018
© Novyy Istoricheskiy Vestnik Editorial Staff LLC
“Smelyi Dizayn”, 2018
© Ippolitov Publishing House, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Российская государственность

- Алешина С.А., Ковальская С.И.* Деятельность оренбургских губернских властей по просвещению «инородцев» во второй половине XIX века.....6
- Киличенков А.А.* Эхо гражданской войны в Испании: Опыт применения танков в восприятии высшего командного состава Красной армии (1936 – 1939 годы).....19
- Заярный С.А., Очиров У.Б.* «Разбежавшаяся» 110-я Калмыцкая кавдивизия: реальность войны и исторический миф.....34
- Хаминов Д.В.* «Оттепель» для провинциальных историков: содержание, противоречия, неоправдавшиеся надежды.....63

Россия и мир

- Ряжев А.С.* Религиозная политика Петра I на южных рубежах России накануне и в ходе Великой Северной войны.....88
- Липкин М.А.* «Мы идем с открытым забралом на разговор с “Общим рынком”»: История переговоров СЭВ и ЕЭС об основах отношений в 1972 – 1979 годах.....101

Европа в прошлом

- Павленко О.В.* Панславизм в оценках чехословацкой историографии эпохи Холодной войны.....136

События и судьбы

- Ермацанс И.А., Болотский Ю.Л.* Горный инженер Константин Егоров – первооткрыватель динозавров на территории России.....148
- Каиль М.В.* Епископ Леонид (Скобеев): Опыт «негероической биографии».....164

CONTENTS

Russian Statehood

- Aleshina S.A., Kovalskaya S.I.* The Efforts of the Orenburg Provincial Authorities to Establish Basic Education among Indigenous Peoples in the Second Half of the 19th Century.....6
- Kilichenkov A.A.* Echo of the Spanish Civil War: The Experience of Tank Use in the Perception of the Red Army High Command, 1936 – 1939.....19
- Zayarnyy S.A., Ochirov U.B.* The “Runaway” 110th Kakmyk Cavalry Division: The Reality of the War and Historical Myth.....34
- Khaminov D.V.* Khrushchev’s “Thaw” for Provincial Historians: Contents, Contradictions, and Unmet Expectations.....63

Russia and the World

- Ryazhev A.S.* The Religious Policy of Peter I on the Southern Borders of Russia before and during the Great Northern War.....88
- Lipkin M.A.* “We are Coming with Visor Raised for a Talk with the “Common Market””: A History of Negotiations between the CMEA and European Communities on Relationship Fundamentals in 1972 – 1979.....101

Europe in the Past

- Pavlenko O.V.* Pan-Slavism in the Evaluation of Czechoslovak Historiography of the Cold-War Era.....136

Landmarks in Human History

- Ermatsans I.A., Bolotsky Yu.L.* Mining Engineer Konstantin Egorov – Discoverer of Dinosaurs on the Territory of Russia.....148
- Kail M.V.* Bishop Leonid (Skobeev): The Experience of a “Non-Heroic Biography”.....164

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Russian Statehood

С.А. Алешина, С.И. Ковальская

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРЕНБУРГСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЛАСТЕЙ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ «ИНОРОДЦЕВ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА*

S.A. Aleshina and S.I. Kovalskaya

The Efforts of the Orenburg Provincial Authorities to Establish Basic Education among Indigenous Peoples in the Second Half of the 19th Century

Проблематика образовательной политики в отношении «инородцев» давно вызывает исследовательский интерес у научного сообщества. В этом плане особое внимание привлекает специфика Оренбургского края: она состояла в том, что губернские власти задолго до принятия «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1870 г. приступили к созданию начальных школ нового типа – для «инородцев» с обязательным изучением русского языка, – так как нуждались в местных служащих и переводчиках¹.

Замыслы и намерения начальствующих лиц Оренбургского края, в разной мере поддержанные и проведенные в жизнь местным аппаратом управления, во многом способствовали включению «инородцев» в общеимперское социокультурное пространство.

* * *

Вторая половина XIX в. отмечена реформами в сфере образования, которые распространялись и на систему «инородческого» образования. Причин тому было достаточно. Одной из главных при-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Имперская политика аккультурации и проблема колониализма (на материалах урало-поволжских и центрально-азиатских территорий Российской империи)» (проект № 17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете.

нято считать следование «либеральному духу» Великих реформ. Современный западный исследователь Ричард Уортман доказывает, что Россия как империя на всех этапах своего развития придерживается концепции целостности, которая основывалась в том числе и на культурно-языковой общности². Исследователь увидел в инициативах российского публициста М.Н. Каткова разработку идеи национального единства империи, согласно которой связь народа с государством не могла быть всеобъемлющей без приобщения «инородцев».

Этот вывод не противоречит мнению ряда современных историков³, но другие исследователи считают иначе. Вообще, разнообразие исследовательских подходов к изучению этой проблематики – характерная особенность современной историографической ситуации⁴.

Скажем, А.А. и А.Н. Гафаровы обращаются к проблеме становления образования и формирования национальной интеллигенции через призму государственной социокультурной политики по отношению к мусульманам Российской империи. Вывод авторов однозначен: социокультурная политика российского правительства по отношению к мусульманским народам была нацелена на дальнейшее колониальное расширение, а стратегия государственного просвещения была направлена на подготовку лояльных «инородцев». Слабое развитие европейского образования и малочисленность интеллигенции авторы объясняют отторжением российскими мусульманами социокультурной политики правительства⁵.

Более взвешенный подход содержится в работе Р.С. Буктугутовой, которая исследует вклад российской интеллигенции в развитие образования среди казахского населения Степного края в начале XX в. Инициатива создания русско-казахских аульных школ наталкивалась на противодействие казахского населения в силу его неготовности к данным нововведениям, а также из-за агитации мусульманского духовенства. Вся тяжесть разъяснительной работы, пишет автор, легла на представителей российской интеллигенции. Вывод автора сводится к следующему: за короткий срок в крае была построена разветвленная сеть школ, в которых учились и русские, и казахи. Внедрение системы российского образования способствовало формированию национальной интеллигенции. Культурные ценности, и в этом Р.С. Буктугутова уверена, остались в сознании казахского народа и сыграли свою положительную роль в развитии казахского общества⁶.

В названных работах, как и в других по этой проблематике, упоминаются оренбургские губернские власти, но обычно им отводится роль проводника правительственной политики. Мы попытаемся доказать, что перспектива создания целостной системы образования была воспринята ими как возможность выразить собственное видение наиболее рациональных подходов к обучению представителей различных населявших край этносов. Это и определило важную

особенность, суть которой состоит в том, что решением проблемы просвещения «инородцев» активно занялись не столько Министерство народного просвещения и Священный Синод, сколько оренбургские генерал-губернаторы и губернаторы.

* * *

По статистическим данным, в 1866 г. в Оренбургской губернии проживало 769 519 человек, в том числе русских 507 218, украинцев – 11 979, белорусов – 85, мещеряков – 10 803, чувашей – 1 391, татар – 19 776, мордвы – 9 966, тептярей – 15 071, калмыков – 5 999 человек⁷.

По конфессиональному составу в том же году жители распределялись следующим образом: православные всех сословий: 1 298 525, христиан неправославных – 43 560, магометан – 1 836 638, евреев – 16, сектантов – 16 272, идолопоклонников – 13 227⁸. Преобладание в регионе мусульманского населения делало насущным для оренбургских властей вопрос о том, какими методами включать «инородцев» в общеимперское социокультурное пространство.

Начиная с 1850-х гг., в крае началось обустройство разнообразных русско-национальных школ, которые правительство организовывало специально для «инородцев». В таких школах часто практиковалось совместное обучение русских и «инородцев». Для мусульман преподавали, помимо общеобразовательных предметов, русскую грамоту, основы ислама.

22 августа 1850 г. начала работу школа при Оренбургской пограничной комиссии. «Положение о школе» свидетельствовало о весьма широкой программе обучения.

Согласно положению, целью школы было не только «распространение между киргизами русского языка и некоторой грамотности», но и «приготовление способных людей к занятию по пограничному управлению мест путеводителей при султанах-правителях»⁹. Набор предполагал до 30 учеников от 8 до 12 лет «из одних киргизов, преимущественно из тех, чьи родители оказали услуги правительству». Учились в школе 7 лет: по два года в нижнем, среднем и верхнем классах и год в «практическом». В программу обучения входили русский и татарский языки, чистописание, арифметика, основы ислама, составление документов судебного разбирательства, составление деловых бумаг на русском и татарском языках, гимнастика. В 1859 г. курс предметов расширился: стали преподавать математику, геометрию, всеобщую и русскую географию. Курс «практического» класса предполагал обучение кровопусканию и оспопрививанию, основам ветеринарии¹⁰.

В июне 1857 г. состоялся первый выпуск школы при Оренбургской пограничной комиссии (к слову, в числе первых 22 воспитанников был будущий казахский просветитель И. Алтынсарин). Из пер-

вого выпуска три человека стали переводчиками при укреплениях, пять – начальниками дистанций, трое значились при киргизских школах в Степи, один стал фельдшером и один – чиновником в канцелярии генерал-губернатора. Всего за 19 лет существования школы ее воспитанниками были 48 человек, многие из которых стали чиновниками в Тургайской области¹¹.

2 декабря 1868 г. школа была закрыта, а ученики переведены в особый пансион и приготовительный класс Оренбургской гимназии. Это было вызвано разгоревшейся дискуссией по поводу обучения детей «инородцев». Одни считали совместное обучение русских и казахских детей более результативным, другие были категорически против того, чтобы казахи учились не только в гимназиях, но и в университетах. Среди последних был известный миссионер и будущий основатель программы обучения «инородцев» Н.И. Ильминский, считавший наиболее продуктивным «создание небольших доступных школ в Степи, где бы казахские дети учили казахский язык в своей природной среде, а уже затем лучших учеников определяли в гимназии»¹².

В 1859 г. с инициативой обустройства русско-киргизских школ при степных укреплениях выступил председатель Оренбургской комиссии, видный российский исследователь Казахской степи Василий Васильевич Григорьев. Согласно его концепции, должен был соблюдаться принцип добровольности. В.В. Григорьев был против установления четких возрастных рамок и считал, что приоритет следует отдавать тем детям, чьи родители служили в органах управления степными районами. В.В. Григорьев оговаривал также наполняемость классов: не более 25 учеников на одного учителя. Программа, сделанная по проекту В.В. Григорьева, предусматривала обучение чтению и письму на русском и казахском языках, русской грамматике и арифметике. Курс обучения был рассчитан на четыре года. В предложенном проекте также было указано, что финансирование школы должно осуществляться из сумм кибиточного сбора кочующих казахов¹³.

Модель русско-казахской школы, автором которой выступил В.В. Григорьев, получила одобрение как у оренбургского генерал-губернатора Александра Андреевича Катенина, так и у императора Александра II. Подтверждением тому стало принятие 9 февраля 1860 г. Положения «Об учреждении школ в области Зауральских киргизов», закрепившее решение об обустройстве русско-казахских школ в Оренбургском и Уральском укреплениях, в форте Перовском № 1 и г. Троицке¹⁴.

Оренбургские власти и в этом случае опередили решение правительства: местное военное начальство позаботилось о том, чтобы русско-киргизская школа при Уральском военном укреплении начала работу в сентябре 1859 г. В 1860 г. в ней училось 10 русских мальчиков и 3 казахских, в Оренбургской – 10 русских (3 девочки)

и семь казахов¹⁵.

В.В. Григорьев нашел единомышленника в лице оренбургского генерал-губернатора Александра Павловича Безака. И уже летом 1861 г. император Александр II подписал распоряжение об открытии русско-киргизской школы в г. Троицке. Программа школы осталась прежней, т.е. четко соблюдалась установка на то, чтобы магометанское вероучение не преобладало (так как «школа выпускает не мулл»), а объем «магометанского закона» соответствовал объему «Закона Божьего», что преподавался в приходских училищах¹⁶.

При выработке моделей просвещения отдельных этносов, подходивших под определение «инородцы», местная власть учитывала менталитет, образ жизни, степень состоятельности, привычки и другие характеристики того или иного этноса. Это видно и по отношению к башкирам.

Начиная с конца 1850-х гг., стали открываться и успешно работали кантонные школы для башкир. Их выпускники хорошо говорили, читали и писали по-русски, продолжали учебу в приходских училищах Оренбурга, Челябинска, Троицка. Так, ревизия, проведенная в 1868 г., установила, что в уездном училище Оренбурга обучается 22 башкира: в первом приходском – 8, во втором – 16. Проживали учащиеся в Караван-Сарае «в тесноте и плохих условиях». Кроме того, начали открываться русско-башкирские деревенские школы, в которых преподавали русские писари и отставные чиновники. На территории Оренбургской губернии было 11 школ данного типа со 165 учениками¹⁷.

В 1866 г. оренбургский губернатор Н.А. Крыжановский внес изменения в систему начального образования башкир. Русско-башкирские школы, по его мнению, должны были способствовать распространению в сельском населении русской грамоты и приучать молодое население к порядку, труду и оседлой жизни. Школы, считал он, «не должны быть ступенькой в какое-нибудь другое учебное заведение, с окончания их башкиры должны возвращаться к своему природному быту»¹⁸.

Мнение генерал-губернатора легло в основу проекта создания четырехлетних русско-башкирских школ, в которых обучалось бы по 25–40 учеников. По этому проекту школа должна была иметь не менее трех преподавателей: учитель русского языка русского происхождения, его помощник из числа башкир, знающих русскую грамоту, и сельский мулла. В школе могли учиться не только башкиры, но и русские. Программа обучения включала в себя изучение ремесел и основ хозяйственной деятельности, связанной с уходом за скотом и огородничеством. Следить за обучением должны были мировые посредники. В 1866 г. Оренбургское губернское правление рассмотрело и одобрило проект, и в октябре того же года он был утвержден генерал-губернатором.

Так распространение в Оренбургском крае русско-инородче-

ских школ, начавшееся по инициативе губернских властей задолго до внедрения в жизнь «системы Ильминского», способствовало процессу включения «инородцев» в общеимперское социокультурное пространство.

* * *

Подход к представителям отдельных этносов был различным. Большой строгостью отличались русско-казахские школы, поскольку велико было опасение «татаризации». Башкир считали более лояльными, менее подверженными влиянию сепаратистских настроений, в которых оренбургские губернские власти подозревали татарских мулл.

Стремясь распространить школьное образование среди «инородцев», власти брали в расчет и традиционные мусульманские школы, целью которых было дать детям знание о нормах «магометанского закона». И хотя, помимо этого, провозглашалось обучение детей чтению и письму, с этим положением обнаруживался «провал»: дети не усваивали материал из-за сложной методики преподавания, а муллы не считали таким уж необходимым иметь грамотную паству, а потому не осознавали важность задачи.

После учреждения в 1788 г. Оренбургского Магометанского Соборания образовательные процессы в среде мусульманского населения стали частью государственных проектов. С одной стороны, усилился политический контроль над мусульманским населением, но с другой, – мусульманское духовенство, обретя функции чиновников, получило право открывать конфессиональные школы.

Согласно сведениям дореволюционного исследователя-краеведа В.М. Черемшанского, в селах, аулах, деревнях Оренбургского края к середине XIX в. насчитывалось 600 мусульманских школ с почти 20 тысячами учащихся¹⁹. По современным данным, в 1866 – 1870 гг. было 150 подобных учебных заведений²⁰. Разночтения, как считают исследователи, могут быть вызваны тем, что местное мусульманское население скрывало наличие мусульманских учебных заведений, боясь их закрытия и русификации. Не учитывались и школы «домашнего обучения», так как обучение на дому было противозаконным. Если же исходить из числа мечетей, которых в 1860 г. в Оренбургской губернии было 500, то цифра учебных заведений заметно возрастет, тем более что, вступая в должность, каждый настоятель мечети давал своей общине клятву обучать детей, достигших определенного возраста, арабской грамоте и основам ислама²¹.

Оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский был в числе первых, кто предложил подчинить русско-инородческие и конфессиональные школы Министерству народного просвещения, но в 1867 г. это предложение посчитали несвоевременным, могущим «встревожить фанатизм жителей, к чему магометанское

духовенство направит все силы и влияние»²². В Санкт-Петербурге уже обдумывали подобную идею, пытаясь побороть распыленность начальных школ по разным министерствам и ведомствам, которые, не будучи заинтересованными в надлежащем состоянии школ своих ведомств, относятся к последним, как «к предмету второстепенной важности».

Оренбургские власти имели основания для того, чтобы выдвинуть идею «сблизить русское и магометанское население посредством внесения изменений в систему обучения». Примером может служить Стерлибашевское медресе, мудеррис которого Х. Тукаев, «поняв необходимость русского языка для магометан», обратился в 1864 г. к генерал-губернатору А.П. Безаку с просьбой разрешить в своем учебном заведении преподавание русского языка. После получения такого разрешения мектебе завоевало большую популярность, а количество учеников исчислялось в 500–700 человек²³.

Другой пример относится к чуть более позднему времени и связан с уроженцем пригорода Оренбурга – Сеитовского посада (Каргалы) – Ахмедом Хусаиновым. Купец, «миллионщик», просветитель и меценат, он считал так: «Мусульмане любым способом должны учиться, читать, писать по-татарски, и по-русски. Надо добиться того, чтобы не было ни одного мусульманского ребенка, не знающего религию, чтобы стало меньше мусульман ленивых и без ремесла; чтобы внутри нации были в достаточном количестве людей, хорошо знающих основы ислама, и умных и благочестивых ученых»²⁴.

Однако вернемся к 1860 гг., когда оренбургский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский внес предложение о включении в программу обучения в традиционных мусульманских школах преподавание русского языка и об устройстве экзамена на знание русского языка для муллы, претендующего на роль учителя. Тогда эти предложения показались преждевременными, и правительство Н.А. Крыжановского не поддержало²⁵. Вскоре пришли «Инструкции инспекторам башкирских, киргизских школ», которые содержали правила наблюдения за такими школами²⁶. Для учителей (мударрисов) в инструкции прописывалось обязательное наличие свидетельства на звание учителя при удовлетворительном знании программы русских классов медресе. Стали обязательными программы занятий, что ранее в конфессиональных школах не практиковалось. Необходимо напомнить, что мектебе и медресе подходили под ранг частных учебных заведений, притом специфических: в них не предусматривалось официально обозначенных программ и уставов. Мулла, мударрис учили тому, что знали сами, методы преподавания также были повторением того, как учили их самих. В зависимости от того, насколько компетентен был учащий, образовательное учреждение при мечети могло быть мектебом (начальным учебным заведением), либо, если позволяли знания того же муллы, медресе (учебным заведением повышенного типа), те же причины обуславливали глубину и ширину

охвата изучаемых наук.

Прошение об открытии школ удовлетворялось только в том случае, если учредители соглашались на содержание русских классов за свой счет. В инструкции прописывалась сумма – 350 руб. в год – на содержание учителя русского языка. В случае отказа от соблюдения данного требования инспектор инициировал закрытие мектебе, а попечитель учебного округа накладывал запрет на учебную деятельность. Возобновить работу мектебе могло только при условии открытия русского класса²⁷.

Генерал-губернатор Н.А. Крыжановский не стал полагаться только на собственное мнение, а предпочел выяснить, что думают о нововведениях губернаторы Тургайской, Оренбургской и Уральской губерний, лучше знавшие обстановку в крае. Отвечая ему, Оренбургский губернатор М.И. Астафьев резко выступил против предусмотренной в инструкции суммы в 350 руб., назвав ее непосильной для крайне бедных башкирских семейств. М.И. Астафьев заявил о том, что закрытие из-за отсутствия русских классов традиционных мусульманских школ приведет к озлобленности в среде «инородцев». Муллы в подавляющем большинстве не знают русской грамоты, а насильственное навязывание русского языка непременно породит слухи о том, что русский царь задумал обратить магометан в православие²⁸.

На основании собранных мнений Н.А. Крыжановский отправил в столицу следующие предложения: вводить курс русского языка только в медресе, но отнюдь не в мектебах; определить временной отрезок (не менее 10 лет, взяв за точку отсчета дату введения «Инструкции инспекторам...») относительно усвоения и экзаменовки по русскому языку для мулл; относительно суммы в 350 руб. для вознаграждения учителя русского языка исходить из возможностей мечети.

* * *

Таким образом, благодаря продуманным и осторожным действиям оренбургских властей, хорошо понимавших все риски, которые могут перерасти в реальные проблемы из-за излишнего вмешательства в традиционный образовательный уклад мусульман, мектебы и медресе сохранили свою относительную самостоятельность.

Именно оренбургская губернская власть разрабатывала и апробировала модели включения в имперское социокультурное пространство «инородцев» посредством образовательных механизмов, показав тем самым не только заинтересованность, но и компетентность в этом важном и сложном вопросе.

Рискнем утверждать, что зачастую имперская власть шла по следам оренбургских администраторов, принимая или отвергая предлагаемые ими проекты. Деятельность оренбургских губернских вла-

стей по просвещению «инородцев» с помощью образовательных учреждений становилась предметом рассмотрения на высшем уровне.

Примечания Notes

¹ *Любичанковский С.В.* Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: Исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX вв.). Оренбург, 2018. С. 129; *Васильев Д.В., Любичанковский С.В.* Казахи и русские: Бытовая аккультурация в XIX в. // Вопросы истории. 2018. № 3. С. 151–165.

² *Wortman R.* The «Integrity» (Tselost') of the State in Imperial Russian Representation // *Ab Imperio*. 2011. № 2. С. 44.

³ *Султангалиева Г.С.* Общее и особенное в развитии просветительства тюркоязычных народов волго-уральского региона и Казахстана (вторая половина XIX в.) // *Этнопанорама*. 2001. № 4. С. 34–38; *Савицкий Г.В.* Начальное образование в Оренбургском крае во II половине XIX – начале XX вв.: Власть и общество – аспекты взаимодействия. Оренбург, 2010; *Блинова О.В.* Этноконфессиональные школы Западной Сибири на рубеже XIX – XX вв.: Положение и роль учителей и особенности образования // *Вестник Омского университета*. 2010. № 2 (56). С. 154–161; *Анохина И.А.* Государственная политика в деле просвещения нерусских народов Поволжья (вторая половина XIX – начало XX века) // *Известия Пензенского государственного педагогического университета*. 2007. № 7. С. 85–90.

⁴ *Любичанковский С.В.* Историографические подходы к проблеме формирования казахской интеллигенции на территории Оренбургского края: Между аккультурацией и инкорпорацией // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2018. Т. 20. № 3. С. 178–185.

⁵ *Гафаров А.А., Гафаров А.Н.* Колониальная аккультурация традиционного уклада мусульман Российской империи // *Вестник Казанского технологического университета*. 2012. Т. 15. № 17. С. 296–302.

⁶ *Буктугутова Р.С.* Вклад российской интеллигенции в развитие образования среди казахского населения Степного края в начале XX века // *Вестник Тюменского государственного университета*. 2006. № 4. С. 29–37.

⁷ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 6. Д. 12941. Л. 40.

⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 8. Д. 772. Л. 5.

⁹ *Тажигаев Т.Т.* Казахская школа при Оренбургской пограничной комиссии (1850 – 1869 гг.). Алма-Ата, 1961. С. 12, 13.

¹⁰ *Тажигаев Т.Т.* Казахская школа при Оренбургской пограничной комиссии (1850 – 1869 гг.). Алма-Ата, 1961. С. 18.

¹¹ *Тажигаев Т.Т.* Казахская школа при Оренбургской пограничной комиссии (1850 – 1869 гг.). Алма-Ата, 1961. С. 36.

¹² *Тажигаев Т.Т.* Казахская школа при Оренбургской пограничной комиссии (1850 – 1869 гг.). Алма-Ата, 1961. С. 36

¹³ *Васильев А.В.* Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург, 1896. С. 42.

¹⁴ Полное собрание законов Российской империи: Собрание 2-е (ПСЗРИ-2). Т. XXXV. № 35428

¹⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 7846. Л. 191об.

¹⁶ ГАОО. Ф. 11. Оп. 6. Д. 21. Л. 28.

¹⁷ ГАОО. Ф. 11. Оп. 6. Д. 12. Л. 1–7; *Савицкий Г.В.* Начальное образование в Оренбургском крае во II половине XIX – начале XX вв.: Власть и общество – аспекты взаимодействия. Оренбург, 2010. С. 86.

¹⁸ ГАОО. Ф. 11. Оп. 6. Д. 21. Л. 45

¹⁹ *Черемшанский В.М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859. С. 108.

²⁰ *Фархшатов М.Н.* Народное образование в Башкирии в пореформенный период: 60 – 90-е годы XIX в. Москва, 1994. С. 56.

²¹ *Фархшатов М.Н.* Народное образование в Башкирии в пореформенный период: 60 – 90-е годы XIX в. Москва, 1994. С. 55

²² ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14097/5. Л. 45.

²³ *Фархшатов М.Н.* Народное образование в Башкирии в пореформенный период: 60 – 90-е годы XIX в. Москва, 1994. С. 58, 59.

²⁴ *Хайрутдинов Р.Р., Салихов Р.Р.* «На нужды моих единоверцев»: Стенограмма слушания духовного завещания казанского купца Ахмеда Гале-евича Хусаинова // *Гасырлар авазы = Эхо веков*. 2001. № 1-2. С. 21.

²⁵ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14045/8. Л. 54об., 56.

²⁶ ПСЗРИ-2. Т. XLV. № 48185.

²⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 170. Д. 20. Л. 121–127.

²⁸ ГАОО. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14586. Л. 47.

²⁹ *Настольная книга по народному образованию: Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и прочее по школьному и внешкольному образованию народа*. Т. 3. Санкт-Петербург, 1904. С. 2205, 2206.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Алешина Светлана Александровна – канд. пед. наук, ректор, Оренбургский государственный педагогический университет (Оренбург)
aleshina_s_a@mail.ru

Ковальская Светлана Ивановна – докт. ист. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан)
skovalsk@mail.ru

В статье рассматривается деятельность начальствующих лиц и аппарата управления Оренбургской губернии по просвещению «инородцев» во второй половине XIX в. Основными источниками для написания статьи

послужили ранее не известные архивные документы. Главное внимание уделяется организации начального школьного образования для казахов и башкир, которые проживали на территории Оренбургского края. Распространяя начальное школьное образование среди «инородцев», оренбургские губернские власти учитывали этническую и конфессиональную специфику края, а также опыт работы мусульманских школ. С другой стороны, они учитывали менталитет, образ жизни, материальный достаток и культурные традиции «инородцев». Стремясь вовлечь подрастающее поколение «инородцев» в имперскую образовательную систему, оренбургские губернские власти проявили немало инициатив и творчества, в частности в создании начальных школ, в которых казахские и башкирские дети учились совместно с русскими детьми. При этом в своей «губернской образовательной политике» они проявили предусмотрительность и осторожность, избегали излишнего вмешательства в традиционную организацию мусульманского школьного образования. Благодаря такой политике мусульманские школы в Оренбургской губернии сохранили некоторую самостоятельность. По мнению авторов, начальствующие лица Оренбургской губернии и их подчиненные в решении такого важного и сложного вопроса, как просвещение «инородцев», проявили и хорошее знание российского школьного образования, и способность к проявлению творческой инициативы. В результате российское правительство при разработке образовательной политики на окраинах империи зачастую шло по стопам оренбургских губернских властей, основываясь на их новаторском опыте, на результатах воплощения в жизнь их собственных образовательных проектов.

Оренбургская губерния, генерал-губернатор, губернатор, образование, религиозное образование, образовательная политика, начальная школа, «инородцы», казахи, башкиры, татары, ислам, Н.А. Крыжановский.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Anokhina, I.A. Gosudarstvennaya politika v dele prosveshcheniya nerusskikh narodov Povolzhya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [State Policy Concerning the Education of the Non-Russian Peoples of the Volga Region (Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Centuries)]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2007, no. 7, pp. 85–90. (In Russian).
2. Blinova, O.V. Etnokonfessionalnye shkoly Zapadnoy Sibiri na rubezhe XIX – XX vv.: Polozheniye i rol uchiteley i osobennosti obrazovaniya [Ethno-Constitutional Schools of Western Siberia at the Turn of the 19th and 20th Centuries: The Position and Role of Teachers and the Characteristics of the Educational Program.]. *Vestnik Omskogo universiteta*, 2010, no. 2 (56), pp. 154–161. (In Russian).
3. Buktugutova, R.S. Vklad rossiyskoy intelligentsii v razvitiye obrazovaniya sredi kazakhskogo naseleniya Stepnogo kraya v nachale XX veka [The Con-

tribution of the Russian Intelligentsia to the Development of Education among the Kazakh Population of the Steppe Region in the Early 20th Century.]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2006, no. 4, pp. 29–37. (In Russian).

4. Gafarov, A.A.; Gafarov, A.N. Kolonialnaya akkulturationsiya traditsionnogo uklada musulman Rossiyskoy imperii [Colonial Acculturation of the Traditional Life of Muslims of the Russian Empire.]. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2012, vol. 15, no. 17, pp. 296–302. (In Russian).
5. Lyubichankovskiy, S.V. Istoriograficheskiye podkhody k probleme formirovaniya kazakhskoy intelligentsii na territorii Orenburgskogo kraya: Mezhdru akkulturationsiyey i inkorporatsiyey [Historiographical Approaches to the Problem of the Formation of the Kazakh Intelligentsia in the Orenburg Region: Between Acculturation and Incorporation.]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, 2018, vol. 20, no. 3, pp. 178–185. (In Russian).
6. Sultangalieva, G.S. Obsheche i osobennoe v razvitiye prosvetitelstva tyurkoyazychnykh narodov volgo-uralskogo regiona i Kazakhstana (vtoraya polovina XIX v.) [The General and the Particular in the Development of Basic Education among the Turkic-Speaking Peoples of the Volga-Ural Region and Kazakhstan (Second Half of the 19th Century.]. *Etnopanorama*, 2001, no. 4, pp. 34–38. (In Russian).
7. Vasilyev, D.V.; Lyubichankovskiy, S.V. Kazakhi i russkiye: Bytovaya akkulturationsiya v XIX v. [Kazakhs and Russians: Daily-Life Acculturation in the 19th Century.]. *Voprosy istorii*, 2018, no. 3, pp. 151–165. (In Russian).
8. Wortman, Richard. The “Integrity” (Tselost’) of the State in Imperial Russian Representation. *Ab Imperio*, 2011, no. 2, pp. 20–45. (In English).

(Monographs)

9. Cheremshanskiy, V.M. Opisaniye Orenburgskoy gubernii v khozyaystvenno-statisticheskoy, etnograficheskom i promyshlennom otnosheniyakh [A Description of Orenburg Province in Economic, Statistical, Ethnographic, and Industrial Terms.]. Ufa, 1859, 472 p. (In Russian).
10. Farkhshatov, M.N. Narodnoe obrazovanie v Bashkirii v poreformennyy period: 60 – 90-e gody XX v. [Popular Education in Bashkiria in the Post-Reform Period, 1860s – 1890s.]. Moscow, 1994, 144 p. (In Russian).
11. Lyubichankovskiy, S.V. Politika akkulturationsii sredstvami prosveshcheniya islamskikh poddannyykh Rossiyskoy imperii: Istoricheskiy opyt Orenburgskogo kraya (seredina XIX – nachalo XX vv.) [The Policy of Acculturation by Means of the Basic Education of Islamic Subjects of the Russian Empire: The Historical Experience of the Orenburg Region (mid 19th – early 20th Centuries.]. Orenburg, 2018, 263 p. (In Russian).
12. Savitskiy, G.V. Nachalnoye obrazovaniye v Orenburgskom kraeye vo II polovine XIX – nachale XX vv.: Vlast i obshchestvo – aspekty vzaimodeystviya [Primary Education in the Orenburg Region in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Power and Society – Aspects of Interaction.]. Orenburg, 2010, 189 p. (In Russian).
13. Tazhibayev, T.T. Kazakhskaya shkola pri Orenburgskoy pogranichnoy komissii (1850 – 1869 gg.) [The Kazakh School under the Auspices of the Orenburg Border Commission, 1850 – 1869.]. Alma-Ata, 1961, 39 p. (In

Russian).

14. Vasilyev, A.V. Istoricheskiy ocherk russkogo obrazovaniya v Turgayskoy oblasti i sovremennoye ego sostoyaniye [A Historical Essay on Russian Education in the Turgay Region and its Current Condition.]. Orenburg, 1896, 298 p. (In Russian).

Authors, Abstract, Key words

Svetlana A. Aleshina – Candidate of Pedagogical Sciences, Rector, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russia)
aleshina_s_a@mail.ru

Svetlana I. Kovalskaya – Doctor of History, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan)
skovalsk@mail.ru

The article examines the efforts made by the authorities and governance bodies of the Orenburg Province to educate the indigenous peoples in the second half of the 19th century. Most sources which the authors resort to are unknown archival documents. The main focus is laid on the establishment of primary school education for Kazakhs and Bashkirs who inhabited the territory of the Orenburg krai. Disseminating primary education among “inorodtsy” (indigenous peoples), the Orenburg provincial authorities took into consideration the ethnic and confessional specifics as well as the operational style of Muslim schools. The mentality, life style, income and cultural traditions of the indigenous peoples were also considered. Seeking to involve the young generation of “inorodtsy” into the imperial educational system the Orenburg provincial authorities put forth a lot of initiative and creativity, particularly, in creating primary schools where Kazakh and Bashkir children were taught together with Russia children. Alongside with that, in their “provincial educational policy” they exercised caution and foresight by avoiding excessive intervention in the traditional framework of Muslim school education. Due to this policy Muslim schools in the Orenburg Province enjoyed certain independence. The authors conclude that dealing with such a hard and significant matter as educating “Inorodtsy” (indigenous peoples) the authorities and staff demonstrated good knowledge of Russian school education and creative initiative. Consequently, the Russian government while devising an educational policy for the outskirts of the Empire often followed the Orenburg authorities, based on their innovative experience and implemented educational projects.

Orenburg Province, Governor-General, Governor, education, religious education, educational policy, primary school, “inorodtsy” (indigenous peoples), Kazakhs, Bashkirs, Tatars, Islam, Nikolay A. Kryzhanovskiy.

А.А. Киличенков

ЭХО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ТАНКОВ В ВОСПРИЯТИИ ВЫСШЕГО КОМАНДНОГО СОСТАВА КРАСНОЙ АРМИИ (1936 – 1939 ГОДЫ)

А.А. Kilichenkov

Echo of the Spanish Civil War: The Experience of Tank Use in the Perception of the Red Army High Command, 1936 – 1939

Развитие отечественной историографии военной истории XX в. в последние десятилетия характеризуется, среди прочего, явным смещением традиционного фокуса исследований с событий мировых войн 1914–1918 гг. и 1939–1945 гг. на “interbellum” – межвоенный период. Возрождение интереса к периоду 1919–1939 гг. объясняется долгим нахождением событий этого времени в «историографической тени» эпохальных предшествующих и последующих событий, что, в итоге, стало одним из существенных стимулов новых исследований, значительная часть которых посвящена локальным военным конфликтам 1930-х – начала 1940-х гг.

Современными российскими исследователями история конфликтов и «малых войн» 1930-х гг., как правило, рассматривается в качестве пролога Великой Отечественной войны и, прежде всего, военно-политической катастрофы 1941 г. Поиск предпосылок и причин поражений Красной армии в начале войны с Германией до сих пор во многом остается «альфой и омегой» отечественной историографии военной истории XX в. Не удивительно, что эти поиски вышли за хронологические рамки самой катастрофы 1941 г., и главный вопрос «Почему не удалось предотвратить столь страшное начало войны?» теперь обращен и к событиям “interbellum”а. И тому имеется достаточно оснований.

Действительно, вооруженные силы СССР – и армия, и флот, и авиация – в 1930-е – начале 1940-х гг. оказались участниками большинства военных конфликтов на территории стран Европы и Азии, что, безусловно, было продиктовано политическими мотивами. Но в результате советское военное командование, в отличие от ряда других стран – будущих участников Второй мировой войны (Польши, Чехословакии, Франции, Англии) – получило редкую возможность накопления непосредственного опыта боевых действий. Эта возможность сама по себе имела колоссальное значение в силу того, что во второй половине 1930-х гг. в военном деле происходил очередной переворот: разрабатывались и поступали на вооружение

новые виды боевой техники и оружия, готовилась новая тактика и стратегия ведения войны. Локальные конфликты превращались в пространства военных полигонов, где испытывались новые средства и приемы ведения вооруженной борьбы.

Советский Союз в полной мере использовал эти возможности. Но они не уберегли страну от военной катастрофы.

В данной статье предпринята попытка найти один из ответов на вопрос, почему полученный военный опыт не предотвратил разгром 1941 г. Автор исходит из убеждения в том, что модель изучения опыта – и своего, и, особенно чужого, – есть важнейший, может быть ключевой, показатель уровня профессионализма. И даже более: отношение к опыту как таковому – свидетельство уровня не только профессиональной, но и общей культуры. Умение увидеть и выделить главное, важнейшее, то, что составляет суть происходящего, и в чем заключены тенденции будущего – задача не из простых. Не менее важным является и способность примерить этот опыт на себя, соотнести его со своими представлениями, при необходимости скорректировать их, и, наконец, применить зафиксированный и от-рефлектированный опыт в собственной деятельности.

* * *

Вооруженные силы СССР (в той или иной степени) приняли участие в гражданской войне в Испании 1936–1939 гг., двух вооруженных конфликтах с Японией в 1938 и 1939 гг., военном походе в Польшу 1939 г. и войне с Финляндией 1939–1940 гг. Опыта, и самого разнообразного, оказалось более чем достаточно.

С сожалением приходится констатировать: несмотря на достаточно давний интерес отечественной историографии к указанной теме, ее «поступь» в познании сего объекта была неуверенной и непоследовательной. И хотя первые шаги в этом направлении были сделаны достаточно давно, целенаправленного и поступательного движения не получилось¹.

И это при том, что советская военная элита весьма серьезно и обстоятельно отнеслась к изучению уже самого первого опыта военных конфликтов. Не будет преувеличением признать, что постижение опыта локальных конфликтов командованием Красной армии началось с момента их возникновения. Первой подобного рода «школой» стала гражданская война в Испании. Участие в ней Советского Союза было продиктовано не только идеологическими установками и политическими расчетами, но и желанием испытать только что появившуюся у советского руководства военную мощь. Вскоре после мятежа генерала Франко против законного правительства республики в Испанию были отправлены первые советские военные советники, а затем начались поставки техники и вооружения. За период 1936–1939 гг. из СССР поступило 648 самолетов, 347 тан-

ков, 60 броневых автомобилей и 1 186 артиллерийских орудий².

Необходимо отдать должное командованию Красной армии: военные специалисты, направлявшиеся в Испанию, получали особые инструкции по учету опыта боевых действий и, в первую очередь, по применению вооружений, поставляемых из СССР, для чего была создана целая система³.

Результаты фиксации и первого осмысления полученного опыта направлялись в Москву в форме отчетов военных советников и специалистов, принимавших непосредственное участие в боевых действиях. В обобщенном виде первый опыт локальных конфликтов был доступен не только высшему советскому руководству, но и командованию Красной армии в виде «Информационных сборников» серии «Война в Испании». Первый из них, посвященный важнейшим операциям на Центральном фронте боевых действий, был подготовлен уже в ноябре 1936 г., и в июне 1937 г. издан огромным тиражом – 7 тыс. экземпляров⁴. Подготовка и публикация сборников по опыту войны в Испании продолжалась до 1941 г. В общей сложности свет увидели 132 выпуска, в которых анализировались операции на фронтах и действия отдельных родов войск и видов вооруженных сил⁵.

Другими словами, ни советское политическое руководство, ни командование РККА не испытывали недостатка информации для обобщения опыта первой локальной войны. В самой полной мере это относилось и к действиям бронетанковых сил в Испании.

Танки и броневые автомобили составили значительную часть поставляемой из СССР в Испанию боевой техники. Наряду с авиационной техникой они стали символом советской военной помощи сражающейся республике. Всего за период войны Советский Союз поставил в Испанию около 400 танков и броневых автомобилей⁶ (опубликованные данные о поставках советской бронетехники расходятся – от 331 до 362 танка и от 60 до 120 броневых автомобилей⁷). В боевых действиях приняли участие 347 советских танкистов, что составило почти 15 % общего числа советских добровольцев. При этом из 59 человек, удостоенных звания Героя Советского Союза более трети – 21 были танкистами⁸ (данные о количестве советских танкистов в Испании расходятся в пределах от 257 до 351 человека⁹).

Не удивительно, что опыт применения танков в боевых действиях испанской войны стал объектом пристального изучения в Красной армии. Материалы о действиях бронетанковых войск вошли в состав шести информационных сборников, изданных в 1936–1938 гг.¹⁰

Здесь необходимо напомнить, что к началу описываемых событий автобронетанковые войска стали главным родом войск и, поистине, народным любимцем. Во время праздничных парадов сотни бронированных машин вместе с многочисленными истребителями и бомбардировщиками наглядно и убедительно демонстрировали

победы и достижения первых сталинских пятилеток. Грохот гусениц и тяжелый гул авиационных моторов сами собой давали ответ на немой вопрос о том, на что были потрачены в последние десятилетия колоссальные усилия всего народа. Красная армия первой получила на вооружение не только тысячи современных танков различных типов, но и самую современную теорию их применения. Теория «глубокой операции», призванная обеспечить сокрушительное поражение любого противника в будущей войне, делала ставку именно на массированное применение танков во взаимодействии с авиацией. До войны в Испании положения теории «глубокой операции», равно как и боевые качества танков, можно было проверять лишь в ходе маневров Красной армии. Отправка на Пиренейский полуостров сотен советских танков и танкистов впервые давала возможность испытать и теорию, и вооружения в реальном бою. Именно поэтому первые крупницы первого опыта вызвали столь пристальное внимание советского руководства.

* * *

Вполне объяснимо и то повышенное внимание, с которым встречали танкистов, вернувшихся из Испании. Среди них первым во всех отношениях стал майор Поль Арман. В октябре 1936 г. он первым прибыл в Испанию, первым возглавил танковое подразделение, вступил в бой и первым из советских танкистов в декабре 1936 г. был удостоен звания Героя Советского Союза¹¹. В январе 1937 г. майор П.М. Арман вернулся в Москву и сразу же оказался в центре внимания. 16 января 1937 г. в числе других «испанцев» – летчиков и инженеров он был приглашен к наркому обороны К.Е. Ворошилову на совещание советского военного руководства, посвященное опыту войны в Испании. Арман отвечал на вопросы четырех маршалов – самого наркома Ворошилова, первого замнаркома обороны М.Н. Тухачевского, начальник Генштаба РККА А.И. Егорова, инспектора кавалерии С.М. Буденного, а также начальника вооружений РККА командарма II ранга И.А. Халепского и начальника Политуправления РККА армейского комиссара I ранга Я.Б. Гамарника. В совещании также участвовали начальник ВВС РККА, командарм II ранга Я.И. Алкснис, начальник Разведуправления штаба РККА, комкор С.П. Урицкий, но в обсуждении доклада майора Армана участия они не принимали¹².

Анализ перечня и содержания вопросов, обращенных к майору Арману, раскрывает весьма примечательную картину представлений командования Красной армии о роли танков в современной войне, о самой войне в Испании, и, главное, отношение к опыту, полученному в ходе боевых действий (см. таблицу 1). С целью проведения контент-анализа текста «Записи приема у К.Е. Ворошилова» были выделены тематические блоки, расположенные в последовательно-

сти их обсуждения. Среди участников обсуждения на первом месте указаны инициаторы постановки вопроса.

Таблица 1. Вопросы совещания советского военного руководства, посвященного опыту применения танков в Испании 16 января 1937 г.¹³

№	Содержание вопроса, обсуждаемого на совещании	Участники обсуждения
1	Эксплуатационные качества танка Т-26	П.М. Арман
2	Пробивная способность танкового вооружения	К.Е. Ворошилов П.М. Арман
3	Качества вооружения танка Т-26	П.М. Арман
4	Поражающая способность осколочного 45-мм снаряда	М.Н. Тухачевский П.М. Арман
5	Уязвимость бронирования танка Т-26	П.М. Арман
6	Действия радиосвязи в ходе боя	П.М. Арман
7	Качество прицелов и приборов наблюдения	П.М. Арман
8	Проблемы эксплуатации танкового двигателя	П.М. Арман
9	Эффективность связей гранат против танков	П.М. Арман К.Е. Ворошилов М.Н. Тухачевский
10	Соответствие подготовки танкистов РККА требованиям войны	К.Е. Ворошилов П.М. Арман
11	Проблемы управления действиями танков в бою	П.М. Арман К.Е. Ворошилов
12	Способ буксировочного сцепления танкеток	К.Е. Ворошилов П.М. Арман
13	Эффективность бутылок с бензином против танков	К.Е. Ворошилов П.М. Арман
14	Необходимость танков дальнего действия (ДД)	К.Е. Ворошилов П.М. Арман
15	Расход боеприпасов советскими танкистами в ходе боя	А.И. Егоров К.Е. Ворошилов П.М. Арман
16	Эффективность и прицельность стрельбы танкового вооружения	К.Е. Ворошилов

17	Расход боеприпасов испанскими танкистами в ходе боя	А.И. Егоров П.М. Арман
18	Расход боеприпасов пулеметами	М.Н. Тухачевский П.М. Арман
19	Потери танков в бою	П.М. Арман К.Е. Ворошилов
20	Состав сил противника на поле боя (пехота, танки, артиллерия)	К.Е. Ворошилов П.М. Арман
21	Артиллерийская поддержка действий танков	М.Н. Тухачевский П.М. Арман
22	Характеристики трофейного немецкого пулемета	И.А. Халепский П.М. Арман
23	Расход горючего	И.А. Халепский П.М. Арман
24	Работа танковых двигателей во время стоянки	К.Е. Ворошилов П.М. Арман
25	Взаимодействие с авиацией в ходе боя	П.М. Арман
26	Причины неудачного взаимодействия с авиацией	К.Е. Ворошилов П.М. Арман
27	Случаи паники в войсках франкистов	М.Н. Тухачевский П.М. Арман
28	Численность истребителей в авиации франкистов	К.Е. Ворошилов П.М. Арман
29	Боевые качества представителей разных наций	Я.Б. Гамарник К.Е. Ворошилов П.М. Арман
30	Боевые качества представителей разных наций	К.Е. Ворошилов П.М. Арман
31	Боевые качества представителей разных наций	К.Е. Ворошилов П.М. Арман
32	Взаимодействие с анархистами в составе республиканской армии	К.Е. Ворошилов П.М. Арман
33	Взаимодействие с анархистами в составе республиканской армии	К.Е. Ворошилов П.М. Арман
34	Взаимодействие с анархистами в составе республиканской армии	К.Е. Ворошилов П.М. Арман
35	Взаимодействие с анархистами в составе республиканской армии	К.Е. Ворошилов П.М. Арман
36	Отношения с испанскими коммунистами	К.Е. Ворошилов П.М. Арман

37	Отношения с испанскими коммунистами	К.Е. Ворошилов П.М. Арман
38	Численность крестьян в республиканской армии	С.М. Буденный П.М. Арман
39	Столкновение с троцкистами	К.Е. Ворошилов П.М. Арман
40	Столкновение с троцкистами	К.Е. Ворошилов П.М. Арман
41	Столкновение с троцкистами	К.Е. Ворошилов П.М. Арман
42	Взаимодействие с социалистами	К.Е. Ворошилов П.М. Арман
43	Взаимодействие с социалистами	К.Е. Ворошилов П.М. Арман
44	Взаимодействие с социалистами	К.Е. Ворошилов П.М. Арман
45	Об испанской деревне	Я.Б. Гамарник П.М. Арман
46	Об отношении испанских крестьян к республиканской армии	Я.Б. Гамарник П.М. Арман
47	Об отношении испанских крестьян к республиканской армии	М.Н. Тухачевский П.М. Арман
48	Социальный состав республиканской армии	Я.Б. Гамарник П.М. Арман
49	О советских переводчиках в Испании	К.Е. Ворошилов П.М. Арман
50	Действия конницы	С.М. Буденный П.М. Арман
51	Бытовые условия действий танковых экипажей	П.М. Арман К.Е. Ворошилов
52	Обеспечение личного состава пищей	Я.Б. Гамарник П.М. Арман

Всего было обсуждено 52 вопроса (из перечня обсуждаемых вопросов исключены малозначимые реплики и уточняющие вопросы участников встречи). И первое, на что следует обратить внимание при анализе структуры состоявшейся встречи, это явная неготовность приглашенных участников к содержательному обсуждению. Фактически, ход совещания predetermined сам нарком обороны: «Какой порядок беседы мы установим? У нас тут присутствуют летчики, танкисты и инженеры, которые работали в стране “X”. Надо

будет, чтобы они рассказали нам о своей работе. Давайте начнем с танкистов. Пусть тов[арищ] Арман изложит нам свои впечатления относительно материальной части, что представляет собой наша материальная часть, затем пусть он расскажет о материальной части противника, с которым приходилось сталкиваться. Затем пусть затронет все другие вопросы, в том числе и бытовые, а также впечатления от страны “Х”, от их командования, а также о наших работах»¹⁴.

Как видим, нарком не сформулировал ни цели, ни задачи этой встречи в целом, не объяснил, чем определен состав ее участников, каково назначение предполагаемых результатов.

Не выдерживают критики и вопросы, предложенные наркомом для обсуждения. Вполне резонно было бы ожидать, что Климент Ефремович Ворошилов как высший военный руководитель, находившийся во главе вооруженных сил страны уже более 11 лет, как никто должен был увидеть в первом опыте современной войны гораздо больше. Прежде всего, соотнести с реальностью представления и ожидания советской военной элиты в отношении войны будущего. Задаться вопросами о том, насколько оправдали себя основные положения теории развития и применения танковых войск в современной войне, каким в действительности оказались место и роль танков в ходе сражений в Испании, насколько соответствовала требованиям войны модель развития автобронетанковых войск Красной армии и их подготовка к войне.

Удивительно и то, что никто из заместителей наркома, военный опыт которых намного превосходил таковой маршала Ворошилова, ничего не предложил. Следует напомнить, что участниками встречи были ключевые фигуры высшего руководства Красной армии, но ни дополнений, ни корректировок по организации обсуждения с их стороны не последовало. Сама эта встреча, очевидно, носила спонтанный характер, подготовленного плана не было, и он не обсуждался. Судя по его ответам, майор Арман тоже специально не готовился к этому обсуждению. «Жанр» состоявшегося мероприятия более уместно было бы определить не как обсуждение опыта танковой войны в Испании, а как «расспросы путешественника о его впечатлениях».

* * *

Неподготовленность, импровизационный характер встречи у наркома обороны полностью отразились и в структуре интереса советского военного руководства к опыту войны в Испании, что подтверждается результатами анализа содержания и количества обсуждавшихся вопросов (см. таблицу 2).

Таблица 2. Приоритетность интереса советского военного руководства в отношении опыта танковой войны в Испании.

№	Содержание вопроса, обсуждаемого на совещании	Количество вопросов
1	Социально-политические характеристики республиканской армии	17
2	Боевые и эксплуатационные характеристики танка Т-26	12
3	Организация боя	3
4	Взаимодействие разнородных сил на поле боя	3
5	Боевые качества представителей разных наций	3
6	Эффективность средств противотанковой обороны противника	2
7	Характеристики вооружения и сил противника	2
8	Бытовые условия работы советских танкистов	2
9	Моральный дух противника	1
10	Проблемы боевой подготовки советских танкистов	1
11	Проблемы управления действиями танков в бою	1
12	Структура танковых войск	1
13	Уровень боевых потерь танков	1
14	Состав сил противника на поле боя	1
15	Деятельность советских переводчиков	1
16	Действия конницы в ходе войны	1
	Всего:	52

Наибольший интерес командования Красной армии вызвали отнюдь не военные, а социально-политические вопросы, составившие ровно треть общего числа (17 из 52). Среди них на первом месте оказались аспекты взаимодействия советских военных специалистов с представителями различных политических партий (11 вопросов К.Е. Ворошилова), а на втором – отношение крестьян к республиканской армии (шесть вопросов – Я.Б. Гамарник, С.М. Буденный и М.Н. Тухачевский). Вторую по количеству группу составили вопросы о качествах танка Т-26 – основной боевой машине, поставляемой из СССР в Испанию (9 вопросов – К.Е. Ворошилов, 2 вопроса – М.Н. Тухачевский, 1 вопрос – И.А. Халепский).

В ходе обсуждения майор Арман, следуя предложенной наркомом схеме, сосредоточился в первую очередь на эксплуатационных характеристиках танка, поставляемого в Испанию: «Раньше не любил Т-26 из-за его маленькой скорости. После Испании полюбил за высокие технические качества»¹⁵. Ответы Армана были содержательны, точны, лаконичны, подкреплялись яркими и убедительными примерами. Ответам была присуща системность, стремление представить объективную картину. Так, характеризуя качества танков Т-26, выявившиеся в ходе боевых действий, майор Арман остановился на скоростных характеристиках машины, надежности двигателя и недостатках ходовой части, «плюсах» и «минусах» вооружения, бронирования, прицелах и приборах наблюдения, радиосвязи.

Вернувшийся с войны командир пытался выделить главное из полученного опыта, затрагивая, весь комплекс проявившихся проблем. Но внимание маршалов привлекли другие вопросы. Так, нарком перебил рассказ Армана вопросом: «А какая пробивная сила нашего оружия – хорошая?» По сути, этот вопрос Ворошилова был совершенно излишним, поскольку пробивная способность орудия Т-26 давно была известна по результатам его испытаний. Майор Арман подтвердил это: «Отличная. Наши орудия пробивают всю броню». И вновь попытался перевести разговор на проблемы танкового вооружения: «Но пулеметы отказывались работать, особенно Дегтярева, и это происходило из-за дисков. Диски нужно очень аккуратно набивать <...> Возможно тут виновата смазка». Нарком охотно включился в обсуждение этой «проблемы»: «Нужно было промыть керосином». Но этот «секрет» уже был известен в Испании: «Промывали, товарищ народный комиссар, но все-таки неуверенность в пулемете оставалась <...> иногда вместо пулеметов действовали орудиями, т.к. пулеметы отказывались работать»¹⁶.

В обсуждение включился замнаркома маршал Тухачевский: «Поражают наши осколочные снаряды?» И это был единственный раз, когда военачальники попытались поддержать друг друга в анализе опыта войны. Но фактически ответ и на этот вопрос не требовал отправки танков на войну в Испании. Поражающие способности 45-мм осколочно-фугасного снаряда также были хорошо известны еще со времен принятия его на вооружение.

Майор Арман в очередной раз вернулся к реальным трудностям: «В бою нельзя было совершенно управлять по радио. Как только начинается бой, прекращается действие радио». Вопрос действительно имел важнейшее значение и требовал срочных решений военного руководства. Но никакого интереса не вызвал. Вместо проблем связи маршалы Ворошилов и Тухачевский предпочли обсуждать эффективность действия связок гранат против гусениц танков.

Упрямый танкист Поль Арман, удовлетворив интерес руководства, вновь вернулся к острой проблеме: «Очень важный вопрос

об управлении <...> радио у нас отказывается работать <...> Пробовали мы производить управление флажками, но не смогли применять эту систему. Если высунешь желтый и белый флажок, тогда пехота начинает бить нас с тыла: они думают, что танк сдастся. Если высунешь красный флажок, тогда противник усиливает огонь по этому танку <...> значит это – танк командира, а, следовательно, его нужно в первую очередь вывести из строя». Но все обсуждение завершилось меланхоличной констатацией наркома обороны: «Вот чем мы у себя совсем не занимаемся». Куда более Ворошилова заинтересовал вопрос о возможном устройстве буксировочной сцепки танков на поле боя – «по принципу вагонеток в шахтах»¹⁷.

Далее майор Арман опять же по своей инициативе коснулся другой «больной» проблемы – полного отсутствия взаимодействия танков и авиации: «<...> Мы никакой помощи от авиации не получали, несмотря на то, что мы несколько раз с комбригом [Авиации. – А.К.] пытались договориться, чтобы после его налета мы атаковали противника. Не получалось это». На этот раз К.Е. Ворошилов заинтересовался причинами неудач. Арман объяснил их быстрой сменой обстановки на поле боя, частыми случаями паники в частях. Но здесь в ход обсуждения вмешался маршал М.Н. Тухачевский с неожиданным вопросом: «А у белых бывает паника?»¹⁸. В результате, важнейшая проблема оказалась забыта.

Когда же М.Н. Тухачевский сам затронул близкую тему – взаимодействия танков и артиллерии на поле боя, и Арман пояснил, что в республиканской армии нет даже такого понятия, обсуждение важнейшей проблемы было, по сути, сорвано таким же вопросом «вразрез», на этот раз И.А. Халепского: «Привезенный немецкий пулемет – крупнокалиберный или мелкокалиберный?»¹⁹ Трудно понять и объяснить истинные мотивы этого интереса командарма Халепского. Иннокентий Андреевич, как никто другой, знал и понимал всю огромную череду недостатков боевой подготовки советских танкистов. Именно он – фактический создатель и начальник автобронетанковых войск РККА в 1930–1937 гг. не мог не знать, что поднятый Тухачевским вопрос оставался острейшим, своего рода «ахиллесовой пятой» боевой подготовки всей Красной армии в 1930-е гг., но предпочел увести разговор в сторону.

* * *

Контент-анализ стенограммы совещания у наркома обороны дает основания для нескольких выводов.

В первую очередь, это – полное отсутствие взаимодействия и взаимопонимания в среде высшего командования Красной армии в попытке совместной оценки первого опыта танковой войны. Никакого «мозгового штурма» не получилось. Возможно, впрочем, что организаторами встречи такая задача и не ставилась. Маршалы и коман-

дармы даже не пытались совместными усилиями, дополняя друг друга, сформулировать важнейшие вопросы, обращенные к первому носителю опыта, столь важного для развития всей армии в преддверии ее скорого вступления в большую войну. В том же случае, когда важные вопросы все же звучали, например проблема полного отсутствия взаимодействия танков, пехоты, артиллерии и авиации в ходе сражения, они не находили никакой поддержки других участников совещания.

Поиск и интерпретация причин этой неудачи выходит за рамки данной статьи. Но вопрос о том, насколько подобное взаимодействие имело место или хотя бы было возможным, представляет собой чрезвычайно перспективный объект исследований историков межвоенного периода.

Другой примечательной чертой совещания у наркома обороны стало разительное несоответствие статуса высших командиров Красной армии и уровня их вопросов. Пожалуй, единственное исключение составил вопрос К.Е. Ворошилова о соответствии подготовки советских танкистов реальным требованиям войны. Это, действительно, входило в сферу прямых обязанностей наркома, равно как и в сферу ответственности его заместителя маршала Тухачевского, начальника Главного штаба маршала Егорова. Однако никто из них не проявил никакого интереса к этой проблеме. Точно также вопросы Ворошилова о составе сил противника, причинах неудачного взаимодействия с авиацией более соответствовали сфере деятельности и М.Н. Тухачевского, и А.И. Егорова. Но ни в первом, ни во втором случае никто из них даже не принял участия в обсуждении этих вопросов.

В итоге, вполне обоснованным представляется вывод о том, что ни само совещание, ни его участники не были готовы к серьезному и обстоятельному выявлению важнейших уроков войны в Испании. Резонно возникает вопрос об истинных мотивах организаторов приема у наркома обороны. Можно предполагать, что это совещание носило скорее демонстративный характер, и было продиктовано желанием подчеркнуть важность и значение советской помощи Испанской республике в ее борьбе с фашизмом.

Примечания Notes

¹ *Коротков И.* Обобщение опыта войн в межвоенный период // Военно-исторический журнал. 1976. № 6. С. 95–100; *Богданов И.О.* Использование советскими конструкторами опыта локальных войн 30-х годов XX в. при создании новой танковой техники // Вестник Самарского государственного университета: История. Педагогика. Филология. 2011. № 4 (85). С. 97–100.

² *Рыбалкин Ю.Е.* Операция «Х»: Советская военная помощь республи-

канской Испании (1936 – 1939). Москва, 2000. С. 44.

³ *Дайнес В.О.* Применение бронетанковых войск в Испании, 1936 – 1939 гг. // Русский Сборник. Т. XX. Москва, 2016. С. 101, 102.

⁴ *Тархова Н.С.* Документальное «золото» отделения «Х» (об информационных сборниках РУ РККА о гражданской войне в Испании) // Русский Сборник. Т. XX. Москва, 2016. С. 290–292.

⁵ *Тархова Н.С.* Документальное «золото» отделения «Х» (об информационных сборниках РУ РККА о гражданской войне в Испании) // Русский Сборник. Т. XX. Москва, 2016. С. 300.

⁶ *Шубин А.В.* Сталин и Испанская республика (1936 – 1939) // Русский Сборник. Т. XX. Москва, 2016. С. 63.

⁷ *Дайнес В.О.* Применение бронетанковых войск в Испании, 1936 – 1939 гг. // Русский Сборник. Т. XX. Москва, 2016. С. 103, 104.

⁸ Из Москвы – в страну «Икс»: Книга памяти советских добровольцев – участников Гражданской войны в Испании 1936 – 1939 гг. Т. 1. Москва, 2015. С. 5.

⁹ *Дайнес В.О.* Применение бронетанковых войск в Испании, 1936 – 1939 гг. // Русский Сборник. Т. XX. Москва, 2016. С. 102.

¹⁰ *Тархова Н.С.* Документальное «золото» отделения «Х» (об информационных сборниках РУ РККА о гражданской войне в Испании) // Русский Сборник. Т. XX. Москва, 2016. С. 304.

¹¹ Из Москвы – в страну «Икс»: Книга памяти советских добровольцев – участников Гражданской войны в Испании 1936 – 1939 гг. Т. 1. Москва, 2015. С. 119.

¹² Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1026. Л. 10, 37.

¹³ Составлено по: РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1026. Л. 10–36.

¹⁴ Там же. Л. 10.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 11–12.

¹⁷ Там же. Л. 13.

¹⁸ Там же. Л. 21.

¹⁹ Там же. Л. 20.

Автор, аннотация, ключевые слова

Киличенков Алексей Алексеевич – докт. ист. наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
kilichenkov@yandex.ru

В статье предпринята попытка анализа восприятия советской военной элитой опыта применения танков в ходе гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. Подчеркивается особое внимание советского военно-политического руководства к организации процесса получения и фиксации опыта ведения войны различными родами войск и видами вооруженных сил. Статья подготовлена на основе применения контент-анализа к тексту стенограммы встречи в январе 1937 г. высшего военного руководства Красной армии с первыми советскими военными специалистами, вер-

нувшимися из Испании и приглашенными на обсуждение полученного опыта боевых действий. Предпринятое автором исследование позволило установить, что сама встреча не была тщательно продумана и подготовлена. Анализ и реконструкция структуры и глубины преимущественного интереса к первому опыту применения танков в современной войне выявил, что внимание представителей высшего командования РККА было сосредоточено, преимущественно на социально-политическом аспекте войны в Испании. Главный интерес советских военных руководителей вызвала политическая ситуация на фронтах гражданской войны: вопросы взаимодействия военных специалистов с представителями политических партий, отношение крестьян к республиканской власти и ее армии. Способность взаимодействия наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова и его заместителей в процессе анализа опыта войны оценена как крайне низкая. Контент-анализ также позволил установить явно выраженное несоответствие между содержанием интереса участников обсуждения к опыту войны и их официальным статусом. Результаты контент-анализа позволили сделать вывод о неготовности представителей высшего военного руководства СССР к адекватному восприятию опыта применения танков в ходе гражданской войны в Испании.

Гражданская война в Испании, иностранная военная помощь, военный специалист, военный опыт, Рабоче-крестьянская Красная армия, Главное разведывательное управление, высшее командование, танк, танковые войска, контент-анализ, К.Е. Ворошилов, М.Н. Тухачевский, А.И. Егоров.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Bogdanov, I.O. Ispolzovaniye sovetskimi konstruktorami opyta lokalnykh voyn 30-kh godov XX v. pri sozdanii novoy tankovoy tekhniki [Soviet Tank Designers' Utilization of Local War Experience from the 1930s in the Creation of New Technology.]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta: Istoriya. Pedagogika. Filologiya*, 2011, no. 4 (85), pp. 97–100. (In Russian).

2. Korotkov, I. Obobshchenie opyta voyn v mezhvoyennyi period [The Generalization of War-Time Experiences in the Inter-War Period.]. *Voyenno-istoricheskii zhurnal*, 1976, no. 6, pp. 95–100. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. Daynes, V.O. Primenenie bronetankovykh voysk v Ispanii, 1936 – 1939 gg. [The Use of Armored Forces in Spain, 1936 – 1939.]. *Russkiy Sbornik* [Russian Collection.]. Moscow, 2016, vol. 20, pp. 100–147. (In Russian).

4. Shubin, A.V. Stalin i Ispanskaya respublika (1936 – 1939) [Stalin and the Spanish Republic, 1936 – 1939.]. *Russkiy Sbornik* [Russian Collection.]. Moscow, 2016, vol. 20, pp. 55–80. (In Russian).

5. Tarkhova, N.S. Dokumentalnoye “zoloto” otdeleniya “X” (ob

informatsionnykh sbornikakh RU RKKA o grazhdanskoy voyne v Ispanii) [Documentary “Gold” from Section “X” (On the Information Collections of the Red Army Intelligence Directorate on the Spanish Civil War).]. *Russkiy Sbornik* [Russian Collection.]. Moscow, 2016, vol. 20, pp. 290–314. (In Russian).

(Monographs)

6. Rybalkin, Yu.E. Operatsiya “X”: Sovetskaya voyennaya pomoshch respublikanskoy Ispanii (1936 – 1939) [Operation “X”: Soviet Military Assistance to Republican Spain, 1936 – 1939.]. Moscow, 2000, 149 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Aleksey A. Kilichenkov – Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
kilichenkov@yandex.ru

The article analyzes the soviet military elite's perception of the tank use during the Spanish Civil War in 1936–1939. An emphasis is put on the particular attention paid by the top soviet military and political command to the experience of conducting a war by different branches and types of armed forces to be obtained and recorded. The article is based on a content analysis applied to the verbatim report which was made at a meeting of the Red Army High Command with the first military experts in 1937. The latter having returned from Spain were invited to share the obtained combat experience. As the author finds out, the meeting was not thoroughly worked out and prepared. Having analyzed and reconstructed their insight into the first experience of applying tanks in a modern war, the author concludes that that the Red Army command were mostly interested in the social and political aspect of the Spanish Civil War. The priority interest was the political situation on the fronts of the war: the interaction between the soviet military experts and representatives of political parties, the peasants' attitude to the Republican authority and its army. According to the analysis of the military experience, the ability of cooperation between People's Commissar for Defense Kliment E. Voroshilov and his subordinates is rated extremely low. The content-analysis revealed the incongruity between the content of the participants' interest toward the experience of the war and their official status, which leads to the conclusion that the USSR's High Military Command were not prepared for an adequate perception of the experience of the tank use in the course of the Spanish Civil War.

Spanish Civil War, foreign military assistance, military specialist, military experience, Worker-Peasant Red Army, Main Intelligence Directorate (GRU), high command, tank, tank troops, content analysis, Kliment E. Voroshilov, Mikhail N. Tukhachevsky, Alexander I. Egorov.

С.А. Заярный, У.Б. Очиров

**«РАЗБЕЖАВШАЯСЯ»
110-Я КАЛМЫЦКАЯ КАВДИВИЗИЯ:
РЕАЛЬНОСТЬ ВОЙНЫ И ИСТОРИЧЕСКИЙ МИФ***

S.A. Zayarnyy and U.B. Ochirov

**The “Runaway” 110th Kakmyk Cavalry Division:
The Reality of the War and Historical Myth**

В составе Красной армии во время Великой Отечественной войны существовало несколько тысяч соединений различных видов и родов войск. Одни со славой прошли всю войну, и их знамена, украшенные почетными наименованиями и орденами, теперь составляют золотой фонд в военных музеях. Другие, волею судьбы, оказались в тылу и в боевых действиях участия не принимали или принимали очень короткий период. Боевой путь третьих, не вышедших из окружения или истребленных в ходе длительных боев, завершился в годы войны. Были дивизии, которые из-за трусости или глупой случайности утратили свои боевые знамена, и подверглись за это расформированию.

История 110-й отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии выделяется среди судеб таких же дивизий своей трагичностью. Эта трагичность и уникальность не в том, что за короткий период жизни 110-й кавдивизии пришлось испытать и неравные бои с бронированными армадами противника, и горечь тяжелых отступлений, и радость побед и освобождения сел и городов нашей Родины: такое приходилось испытывать многим в те тяжелые времена. И даже не в том, что большинство уцелевших за два года боев воинов-калмыков этого соединения буквально за год за Победы стали снимать с фронтов и отправлять в Сибирь или Широковский лагерь ГУЛАГа НКВД, в котором немало фронтовиков умерло от тяжелых условий и непосильного труда. Наибольшая трагичность заключается в том, что это соединение, доблестно сражавшееся с врагом, показавшее многократные примеры героизма и мужества, зафиксированные в архивных документах, высоко оцененное своим непосредственным командованием, в истории почему-то оказалось облепленным целым рядом разного рода мифов, искажающих или неправильно отражающих истинный ход событий.

Самым лживым и грязным мифом, с которым авторы и их колле-

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Участники Великой Отечественной войны – уроженцы Калмыкии: поиск, составление списков, анализ» (№ АААА-А16-116053010033-1).

ги борются уже много лет, являются утверждения о том, что 110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия в ходе уже первых боев на Дону в июле 1942 г. «проявила неустойчивость», «ушла в банды», а то и вообще «ушла к немцам».

* * *

Этот миф зародился почти сразу после отхода 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии с Дона.

Уже в ноябре 1942 г. тогдашние руководители Калмыкии – первый секретарь Калмыцкого обкома ВКП(б) П.В. Лаврентьев и председатель Совнаркома Калмыцкой АССР Н.Л. Гаряев с возмущением писали об этом руководящим лицам партии и Наркомата обороны. Лживость подобных утверждений для них была очевидной, поскольку в августе-сентябре 1942 г. они неоднократно видели и саму 110-ю кавдивизию, которая после отхода с Дона по приказу Ставки Верховного главнокомандования и Северной группы Закавказского фронта защищала железную дорогу Астрахань–Кизляр на территории Калмыкии, и неоднократно беседовали с очевидцами боев на Дону, в том числе с новым командиром дивизии В.А. Хомутниковым.

Н.Л. Гаряев в одном из писем заместителю наркома обороны Е.А. Щаденко прямо указал на источник распространения слухов: «Между тем о 110 К.Д. в сентябре-октябре месяцах распространились различные провокационные разговоры, якобы дивизия разбреглась и занимается бандитизмом. Например, штаб 51-й армии официально сообщил Военному совету Северной группы Закавказского фронта о том, что будто бы полковник Хомутников с личным составом около 2 000 человек ушел в неизвестное направление в банду. Чем руководствуется штаб 51-й армии, нам неизвестно»¹.

Среди бумаг Нальджи Гаряева, сохранившихся в Национальном архиве Республики Калмыкия (НАРК), есть и черновые варианты этого письма, которое автор неоднократно и кардинально переделывал, вычеркивая или дописывая своей рукой целые абзацы или даже страницы. В одном из зачеркнутых абзацев после слов «нам неизвестно» было дописано: «Видимо штаб этой армии сообщил об этом Наркомату обороны, так как 9.10.1942 года из Наркомата обороны по телефону просили у командующего 28 армии генерал-лейтенанта Герасименко [сведения] по тому же вопросу»².

Таким образом, источником этого мифа стал штаб 51-й армии, в состав которой 110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия входила с 12 июня по 23 июля 1942 г.

Появление этого мифа сразу привело к политическим последствиям: заметно ухудшилось отношение военных властей к калмыкам. Вот что писал об этом первый секретарь Калмыцкого обкома ВКП(б) П.В. Лаврентьев в своем докладе от 18 ноября 1942 г.: «110

Калмыцкая кавалерийская дивизия... с боями отходила на юг. В августе-сентябре месяцах этого года главные силы дивизии в количестве 2 000 человек под командованием полковника Хомутникова вышли к Кизляру, зачислены в состав 44 армии Закавказского фронта и сейчас находятся на линии Кизляр–Черный Рынок. В тоже время кто-то усердно стал распространять слухи, что якобы т. Хомутников с 2 000 человек ушел в банды. Эта провокация дошла даже до т. Щаденко. В частях 28 и 51 армии отдельные командиры смотрят на калмыков как на отсталую часть и как на сплошных бандитов. Всякий верховой калмык, встреченный в степи, изображается бандитом. Примером этого является такой факт: представители 28 армии решили выслать из с. Юсты и Эрдниевки Юстинского улуса всех калмыков, а население других национальностей оставить на месте и только после нашего вмешательства эта грубая политическая ошибка была исправлена военным советом 28 армии»³.

Указанное в письме П.В. Лаврентьева выселение из Юстинского улуса проводилось согласно требованию советского командования о выселении населения из 25-километровой прифронтовой полосы. Перед этим, 15 октября 1942 г., Калмыцкий обком и Совнарком Калмыцкой АССР договорились с управлением 28-й армии, что выселение всего населения указанных сел будет завершено постепенно, без спешки к 10 ноября после обмолота и вывоза убранных хлеба, однако войска 28-й армии 20 октября внезапно вывезли оттуда калмыков, оставив представителей других национальностей на месте⁴.

Профессор В.Б. Убушаев в одной из своих работ о принудительном переселении калмыков, ссылаясь на слова В.М. Молотова, сказанные ему в личной беседе в 1974 г., указал в качестве источников мифа о «разбежавшейся» 110-й Калмыцкой дивизии «донесения командования 37-ой и 51-ой армий»⁵. Мало того, по мнению В.Б. Убушаева, именно заявление на заседании Государственного комитета обороны Г.К. Жукова о том, что 110-я кавдивизия «разбежалась», со ссылкой на донесения вышеуказанных объединений, имело ключевое значение при принятии решения о высылке всего калмыцкого народа на спецпоселение⁶.

В другой своей работе В.Б. Убушаев привел фрагмент воспоминаний управляющего делами Совнаркома Калмыцкой АССР С.-Г.М. Манджиева. Накануне принудительного переселения калмыцкого народа, вечером 27 декабря 1943 г., в кабинете первого секретаря Калмыцкого обкома был собран «руководящий партийно-советский состав республики», на котором комиссар государственной безопасности 2-го ранга И.А. Серов сообщил о высылке всего калмыцкого народа. Заместитель председателя Совнаркома Калмыцкой АССР Д.Г. Гахаев задал вопрос о причинах депортации калмыцкого народа «в целом»⁷. Очевидно, что заместитель наркома НКВД СССР отлично знал, что обвинения, перечисленные в указе Президиума Верховного Совета СССР № 115/144 от 27 декабря 1943 г. (частично

просто переписанные из другого аналогичного указа), не соответствуют действительности.

Отвлечемся на время от воспоминаний С.-Г.М. Манджиева и разберем обвинения, приведенные в указе, по пунктам, по хронологии.

1) «Захватывали и передавали немцам эвакуированный... колхозный скот».

На самом деле эвакуация из районов республики до 31 июля – 2 августа руководством страны не разрешалась, а затем была разрешена с большим запозданием. Например, телеграмма об эвакуации скота в Казахстан от заместителя наркома земледелия СССР пришла в Калмыкию только 4 сентября, а член Комиссии по эвакуации при ГКО А.И. Микоян в разговоре по телефону с Н.Л. Гаряевым 4 августа на вопрос о разрешении на эвакуацию рекомендовал «руководствоваться правилом “30-ти и 70-ти”, то есть скот начинать трогать с места тогда, когда противник находится в 70 км, а все остальное – при 30 км. Кроме того, было сказано, что с северо-запада Калмыкия будет прикрыта войсками. Все это до известной степени успокаивало нас»⁸.

Между тем, уже 1 августа немцы вторглись на территорию Калмыкии, причем никто им не противодействовал, за исключением Восточного отряда 51-й армии (один сводный батальон и один эскадрон, усиленные артиллерией и танками), сражавшегося два дня за Приютное и Элисту⁹. Даже в этих условиях удалось эвакуировать из оккупированных улусов более 42 % скота, в том числе более 80 % совхозного скота и около 38 % колхозного скота. Разумеется, в число оставленного скота вошел скот индивидуального сектора и свиньи, которых эвакуировать можно было только на транспорте. При этом наибольшие потери скота вполне закономерно легли на западные улусы (в Западном улусе оставлено более 57 % скота, Яшалтинском – почти 70 %, Приютненском – почти 68 %, Троицком – 67 %, Сарпинском – более 73 %, в пригородных колхозах Элисты – почти 95 %)¹⁰, в которых преобладало русское население (за исключением Троицкого улуса, где оно незначительно уступало в численности калмыкам), в то время, как в Кетченеровском и Черноземельском улусах, где преобладали калмыки, было оставлено около 40 и 35 % скота соответственно¹¹.

И это не считая потерь скота при перегоне к Волге. Например, колхозы и совхозы Яшалтинского улуса потеряли более половины перегоняемого скота¹². Дело, конечно, не в национальности колхозников, а в географических, военных и личностных факторах: удаленности от Волги, близости к линии фронта, направлении движения немецких моторизованных колонн, распорядительности руководящих лиц и перегонщиков на местах.

2) «Предавали немцам честных советских граждан».

На самом деле единичные случаи предательства оккупантам подпольщиков и партизан осуществлялись представителями разных

национальностей. К тому же первоначально оккупанты проводили относительно мягкую политику к местному населению (за исключением евреев, которых почти сразу после регистрации немцы расстреляли в сентябре 1942 г.), благодаря чему «окруженцы» – одиночные командиры и бойцы Красной армии, оказавшиеся в оккупированных улусах Калмыкии, смогли там легализоваться, получить работу и дожидаться прихода частей 28-й армии.

3) «Вступали в организованные немцами воинские отряды для борьбы против Красной Армии».

Коллаборационистские отряды создавались оккупантами на всех захваченных территориях. Были созданы и калмыцкие эскадроны, которые применялись для борьбы с партизанами. При этом большая часть была сформирована уже после изгнания немцев с территории Калмыкии из угнанной оккупантами молодежи, не призванной и не вывезенной военкоматами. Весной 1943 г. они были сведены в немецком тылу в специальное формирование под руководством офицера абвергруппы-103 О. Вербы (больше известного как «доктор Долль») – Kalmückenverband Dr. Doll (калмыцкая часть доктора Долля). Командир этого формирования именовал его «корпусом», по свидетельству начальника штаба Д.Ц. Арбакова, он мечтал о звании генерала¹³.

На самом деле этот якобы «корпус» состоял из 20 эскадронов, сведенных в 4 дивизиона, и больше, чем на полк или бригаду, не тянул. По данным сотрудника Исследовательского центра военной истории бундесвера во Фрайбурге Й. Хоффмана к маю 1943 г. в нем было 3 232 калмыка, а в июле 1944 г. – 3 438 калмыков, при этом он был вооружен лишь винтовками, полутора сотней автоматов (большой частью советских) и 30 пулеметами¹⁴. Тем не менее, миф о «Калмыцком карательном корпусе» оказался очень живуч, несмотря на многократные разоблачения¹⁵.

Большая часть «фербанда», повторимся, состояла из угнанной оккупантами молодежи, другую ее часть составляли военнопленные из концлагерей, вынужденные согласиться на эту службу для элементарного выживания, а также бывшие полицейские и бандиты-скотокрады, которые являлись наиболее активной частью этого формирования. Его боеспособность была невелика, и использовался он в основном против партизан, при этом имели место переходы калмыков на сторону антифашистов (например, эскадрона И.С. Манцына 20 августа 1944 г. на сторону отряда Н.В. Донцова «Победа» в составе Армии Людовой)¹⁶.

В конце 1944 г. «фербанд» был выведен на переформирование, пополнен военнопленными из концлагерей и переименован в полк, который включили в состав 15-го казачьего корпуса СС. Однако следует учесть, что к концу 1943 г. советское руководство еще не знало о существовании этого формирования, хотя имело сведения о наличии отдельных эскадронов.

4) «После изгнания Красной Армией оккупантов организовывали банды и активно противодействуют органам Советской власти по восстановлению разрушенного немцами хозяйства, совершают бандитские налеты на колхозы и терроризируют окружающее население».

На самом деле, к августу 1943 г. были ликвидированы все 23 банды с 786 участниками (из которых 64 убили, а 341 и вовсе легализовали, то есть отпустили домой). В октябре 1942 г. в Калмыкии десантировались два парашютиста абвера (Б. Огдонов и С. Эренценов), которые, используя свои довоенные связи, сумели сколотить новую банду. За весь 1943 г., по данным Отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР указанные 24 банды совершили 28 налетов и участвовали в 18 боевых столкновениях с охотящимися за ними частями НКВД, при этом в общей сложности погибло 12 работников НКВД, включая сотрудников, подорвавшихся на советских минах, 28 военнослужащих, 35 гражданских лиц¹⁷.

Много ли это или мало?

Сравним с другими регионами. В 1943 г. по данным все того же Отдела по борьбе с бандитизмом в СССР было ликвидировано 3 875 банд с 30 312 участниками (из них 2 341 человек убит, 5 396 – легализованы), а также убито и арестовано 10 706 немецких агентов, полицеев и их пособников, при этом погибло 446 сотрудников НКВД и их помощников. Было зафиксировано 7 714 «бандитских проявлений», в результате которых погибло 1 505 человек. Если смотреть данные за 1943 г. по регионам, то, например, в Кабардино-Балкарии было ликвидировано 33 банды с 2 398 участниками (из них 1 190 – легализовали), в Ставропольском крае – 134 банды с 2 905 участниками (из них 1 349 – легализовали), в Краснодарском крае – 207 банд с 2 250 участниками (из них 987 – легализовали), в Дагестане – 82 банды с 807 участниками (из них 208 – легализовали), в Азербайджане – 163 банды с 748 участниками, в Ростовской области – 205 банд с 853 участниками, в Калининской области – 110 банд с 542 участниками (в следующем полугодии еще 61 банда с 233 участниками), в Киргизии – 126 банд с 904 участниками¹⁸ и т.д. В годы войны бандитизм развился на всей территории СССР, вплоть до Дальнего Востока.

Таким образом, уровень бандитизма в Калмыкии по сравнению с другими регионами нам представляется не слишком высоким. Однако еще раз подчеркнем, что к августу бандитизм в Калмыкии был ликвидирован, а одна новая банда на политическую ситуацию в республике повлиять никак не могла. При этом более 43 % участников калмыцких банд фактически амнистировали, что свидетельствует об отсутствии реальных преступлений, совершенных ими. По утверждению историка М.Л. Кичикова, занимавшегося проблемами истории Калмыкии в годы Великой Отечественной войны, некоторые из амнистированных смогли даже призваться в ряды Красной

армии и попасть на фронт¹⁹.

Видимо, именно поэтому хорошо информированный комиссар госбезопасности И.А. Серов постеснялся врать партийному активу республики, знавшему истинное положение с эвакуацией скота, бандитизмом и прочим, и повторять слова из указа от 27 декабря 1943 г., поэтому в своем ответе на вопрос Д.Г. Гахаева о причинах депортации калмыцкого народа «в целом» он взвалил вину на 110-ю Калмыцкую дивизию. Эти слова, изложенные в воспоминаниях С.-Г.М. Манджиева, процитируем полностью: «На этот вопрос, помню, Серов сказал: “Ваша дивизия целиком разбежалась и ушла к немцам”. Затем, некоторое время помолчав, вдруг сказал, махнув рукой: “И этот ваш Городовиков”. Совершенно было непонятно, что он имел под этим в виду»²⁰.

Таким образом, вопрос чисто военного характера о то ли «разбежавшейся», то ли уже «ушедшей к немцам» дивизии начинает приобретать уже важнейшее политическое значение.

В июле 1944 г. начальник Отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР комиссар госбезопасности 2-го ранга А.М. Леонтьев подал многостраничную справку о борьбе с бандитизмом за три года войны. Фрагмент, посвященный Калмыкии, он также начал со 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. «Находившаяся на фронте в районе Ростова-на-Дону 110 калмыцкая национальная кавалерийская дивизия проявила неустойчивость. В частях дивизии началось массовое дезертирство. Дезертиры группами, в некоторых случаях со своими командирами [Правда, ни одной фамилии командира или фактов действий групп дезертиров с датой, местом или иными подробностями приведено не было. – С.З., У.О.], возвращались домой и среди населения распускали всевозможные пораженческие слухи. С приближением фронта к Калмыкии... из дезертиров 110-й дивизии они создали крупные банды, которые своими действиями сорвали эвакуацию скота из Калмыкии... немецкое командование сформировало из бандитско-дезертирского элемента калмыцкий кавалерийский легион, состоящий из 14 эскадронов»²¹. Из этого следует, что национальное соединение не просто разбежалось, а еще и послужило основой для коллаборационистского формирования.

Исходя из вышеизложенного, мы видим, что миф о «разбежавшейся» 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии – это уже не просто частный военный эпизод, а важнейшее событие, имевшее далеко идущие последствия для всего калмыцкого народа и для советской национальной политики в целом. Поэтому история этого национального соединения требует тщательного и объективного рассмотрения и анализа.

* * *

110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия начала формироваться

согласно постановлению ГКО № 894сс от 13 ноября 1941 г. По этому постановлению ЦК, обкомы и Совнаркомы ряда союзных и автономных республик Средней Азии, Северного Кавказа, Нижнего Поволжья и Среднего Приуралья должны были сформировать 20 национальных кавалерийских дивизий и 15 стрелковых бригад. Особенностью этих национальных соединений было то, что они должны были формироваться ЦК, обкомами и Совнаркомом указанных республик и на этот период содержаться, обмундироваться и даже частично вооружиться за счет республиканских бюджетов²². Разумеется, мобилизацию личного и конского состава, снаряжения, техники проводили военкоматы, а формирование, обучение и вооружение осуществлялось по штатам и уставам Красной армии.

Следует заметить, что к национальным соединениям у командования Красной армии к тому времени уже сложилось достаточно скептическое отношение. Значительная часть призывников, особенно из числа ранее не служивших, слабо владела или не владела вовсе русским языком, плохо понимала команды командиров и лекции политруков. При принятии указанного постановления в ноябре 1941 г. этот фактор был учтен. В пункте 2 постановления № 894сс особо подчеркивалось: «Начальствующим составом обеспечить по возможности также из местных национальностей, недостающих пополнить русскими»²³. Этот шаг позволял преодолеть языковой барьер между командным и рядовым составом, что создавало условия для более эффективного управления национальными частями и соединениями. Очевидно, что командование Красной армии учло уже имевшийся опыт по формированию национальных соединений, тем более что инициатором этого предложения был генерал-инспектор кавалерии РККА генерал-полковник О.И. Городовиков, который в 1932–1938 гг. руководил кавалерией Среднеазиатского военного округа и имел большой опыт формирования и управления национальными кавалерийскими соединениями.

К личному составу вновь формируемых соединений предъявлялись достаточно жесткие требования: партийно-комсомольская прослойка должна была достигать 25 %, возраст бойцов – не более 40 лет, а в строевых частях – не более 35 лет, разрешалось включать в национальные соединения новобранцев 1922–1923 гг. рождения. В некоторых документах даже встречались квоты: 50 % – 18–19-летняя молодежь, 50 % – более старшие возрасты (указанные квоты оказались не выполнимыми, но тенденция предпочтения молодежи очевидна). Следует учесть, что молодежь в возрасте до 30 лет, воспитанная при Советской власти, в большинстве своем верила в коммунистические идеалы и готова была самоотверженно отстаивать их в борьбе против злейшего врага. При этом руководящими органами предписывалось «отбор личного состава произвести особо тщательно, дивизии комплектовать исключительно проверенными стойкими и преданными Советской власти гражданами»²⁴.

В Калмыцкой АССР формировалось две кавдивизии – 110-я и 111-я, по 3,5 тыс. каждая. К тому времени на учете в Калмыцком военкомате числился 581 представитель командно-начальствующего состава запаса и 17 495 призывников 1901–1921 гг. рождения, из которых соответственно 234 и 15 593 человек относилось ко 2-й категории (то есть ранее не проходивших службу). Из них 8 241 (89 командиров и политработников и 8 152 рядовых) являлись калмыками. Кроме того, на учете в военкомате значилось 5 207 допризывников 1922–1924 гг. рождения, из которых, как минимум, половина также была калмыками²⁵. Таким образом, с учетом того, что специальные подразделения дивизий (почти четверть штата) разрешалось комплектовать из лиц некоренной национальности, то оставшихся калмыков (даже без учета молодежи 1922–1924 гг. рождения) было достаточно для укомплектования даже трех кавдивизий. При этом следует учесть, что хотя большинство призывников относились ко 2-й категории (ранее не служивших), но многие из них прошли допризывную подготовку в системе Всеобуча.

Комплектование обеих дивизий проходило с большим патриотическим подъемом. Жители Калмыкии добровольно приходили в военкоматы и просили призвать их именно в национальные части, отказывались от «брони». Однако выяснилось, что значительная часть населения Калмыкии призывного возраста в этот момент находилась на строительстве оборонных объектов – Донского оборонительного рубежа, железной дороги Кизляр–Астрахань и других. С большими задержками шло прибытие командного состава, направленного Инспекцией кавалерии РККА и управлением Сталинградского военного округа. Впрочем, к тому времени положение на фронте улучшилось, поэтому решено было не спешить с вводом этих соединений в бой, дать им время на завершение укомплектования и обучение.

К середине февраля обе кавдивизии практически полностью были укомплектованы рядовым составом, однако не хватало командно-начальствующего состава, а больше всего – младшего начальствующего состава. Для подготовки сержантов и старшин в 110-й и 111-й кавдивизиях были созданы четыре полковые школы. В состав обеих соединений прибыло более полусотни офицеров-калмыков, собранных по всем фронтам и училищам. Кроме того, в составе Новочеркасского кавалерийского училища был создан специальный национальный курс из пяти взводов для ускоренного обучения офицеров. Три взвода из пяти были калмыцкими²⁶. Однако большая часть офицеров в дивизиях была других национальностей.

23 февраля, в день получения боевых знамен от Калмыцкого обкома и Совнаркома Калмыцкой АССР, в день присяги тысяч новобранцев, в соединения поступили новые штаты, которые увеличили численность кавалерийской дивизии до 4,5 тыс. человек. Поэтому военкоматам Калмыкии обком и Совнарком дал новые разрядки по мобилизации еще 1,7 тыс. новобранцев²⁷. К началу марта

1942 г. по новым штатам 111-я кавдивизия была укомплектована полностью и даже сформировала излишек для направления в сержантские школы, а 110-я кавдивизия должна была завершить доукомплектование в ближайшее время.

Однако к этому времени Ставка Верховного главнокомандования решила расформировать ряд кавалерийских соединений. Согласно приказам № 0043 от 3 марта и № 0054 от 16 марта 1942 г. было расформировано семь кавалерийских корпусов и тридцать шесть кавалерийских дивизий, в том числе двенадцать национальных и одна казачья. Среди них оказалась и 111-я Калмыцкая кавалерийская дивизия. Из ее состава 1 368 человек (8 – старшего командно-начальствующего состава, 89 – среднего, 151 – младшего, 1 120 – рядового состава), в том числе 677 калмыков, направили в 110-ю кавдивизию, около 2 тыс. калмыков (большой частью малообученные, плохо владеющие русским языком и/или в возрасте от 35 до 40 лет) – в 15-й запасной кавалерийский полк, 1 тыс. славян – в 16-ю запасную стрелковую бригаду²⁸. В 110-ю кавдивизию были переведены почти все сержанты, две полковые сержантские школы в полном составе, передано 15 автомашин, 22 тачанки, 87 повозок, а также 2 253 лошади (что позволило полностью укомплектовать ее также и конским составом)²⁹. В свою очередь, командование 110-й кавдивизии отобрало около 1 000 калмыков, малообученных и/или плохо владеющих русским языком, и направило их в 16-ю запасную стрелковую бригаду.

Бывшие военнослужащие 110-й и 111-й Калмыцких кавдивизий в запасных частях наскоро прошли курс обучения и в апреле в составе маршевых эскадронов и рот убыли на фронт, большей частью в состав 3-го гвардейского, 2-го и 5-го кавалерийских корпусов (которые в мае в ходе «харьковской катастрофы» оказались в окружении и почти полностью были уничтожены), а также 160-й стрелковой дивизии (разгромленной в летних боях 1942 г.).

Если вспомнить о том, что основной причиной формирования национальных соединений была необходимость эффективного использования национальных призывных контингентов, не владеющих русским языком, под управлением командиров и политработников соответствующих национальностей, то решение о расформировании полностью или почти полностью укомплектованных национальных кавалерийских дивизий представляется не совсем логичным. Тем не менее, благодаря расформированию 111-й кавдивизии в 110-й Калмыцкой кавдивизии оказался сконцентрирован отборный личный состав из числа наиболее подготовленных военнослужащих, призванных со всей республики.

110-я кавдивизия, завершив комплектование, продолжила свое обучение. Все это время она находилась на содержании Калмыцкой АССР, ее колхозов и совхозов. Значительная часть расходов была возмещена полностью или частично натуральными поставками

из колхозных и республиканских фондов (лошади, общая стоимость которых была определена в 5 348 тыс. руб., автотранспорт – 744,1 тыс. руб., продовольствие – 714 тыс. руб. в месяц, фураж – 749 тыс. руб. в месяц и т.д.). Предполагалось, что бойцы за свой счет приобретут большую часть своего обмундирования (на сумму 300 руб. из 485), а если каких-то вещей по номенклатуре не доставало, то боец обязан был покрыть их стоимость за свой счет³⁰. В реальности возможности Калмыкии для пошива формы были ограничены, поэтому всю зиму и большую часть весны абсолютное большинство призывников несло службу в своей гражданской одежде.

20 апреля 1942 г. полностью укомплектованная 110-я Калмыцкая кавдивизия (4 579 человек и 4 825 лошадей) была передана на бюджетное содержание Наркомата обороны. Командиром соединения являлся полковник В.П. Панин, комиссаром – полковой комиссар С.Ф. Заярный, заместителем командира по строевой части – полковник В.А. Хомутников, начальником штаба – подполковник М.Т. Бимбаев. В дивизии служили воины 15 национальностей, в том числе 63 % калмыков, 27 % русских и 7 % украинцев. В ней служили 384 бойцов и командиров, уже имеющих опыт Великой Отечественной войны (большой частью офицеры и сержанты), а партийно-комсомольская прослойка превышала 30 %³¹.

Личный состав получил наконец полностью военную форму, большую часть штатного вооружения и обозно-вещевого имущества, хотя недостающая часть вооружения поступала в дивизию вплоть до начала боев, а зенитные орудия не поступили вовсе. Благодаря длительному периоду обучения (продолжался до середины июля, вплоть до начала боев) рядовой состав прошел хорошую подготовку, знал своих командиров и политработников и доверял им.

16 мая дивизия была принята комиссией Сталинградского военного округа в состав Действующей армии и вскоре выступила на Северо-Кавказский фронт. Первоначально 110-я Калмыцкая кавдивизия, 115-я Кабардино-Балкарская кавдивизия и 255-й Чечено-Ингушский кавполк по приказу командующего фронтом С.М. Буденного были сведены в отдельный кавалерийский корпус генерал-майор Б.А. Погребова фронтового подчинения³² (формирование корпуса так и не было утверждено Ставкой вплоть до его разгрома в конце июля 1942 г., поэтому номера он не имел, и в советской историографии его именовали «корпусом Погребова»). Перед корпусом была поставлена задача борьбы с возможными десантами противника на огромном степном пространстве от Верхне-Курмоярской до Ростова, где других войск не было.

В начале июня на случай внезапного прорыва противника 110-я и 115-я кавалерийские дивизии заняли оборону на участках Багаевская–Семикаракорская и Батайск–Манычская соответственно. Командование фронта, конечно, понимало, что ширина таких протяженных участков (например, 110-я кавдивизия обороняла уча-

сток шириной 58 км)³³ превышает уставные плотности обороны в несколько раз даже для стрелковых дивизий, не говоря уже о том, что действующий на тот момент Боевой устав конницы (БУК-38) вообще не предусматривал использования кавдивизии в обороне. Поэтому предполагалось, что при первой возможности кавалерийские дивизии будут заменены на стрелковые.

Действительно, левый берег Дона начали занимать стрелковые дивизии 51-й армии (156-я дивизия заняла свою полосу правее калмыцкого соединения 10 июля, 91-я дивизия прибыла под Цимлянскую 15 июля), но им с марша пришлось вступать в бой. 11 июля 115-ю кавалерийскую дивизию сменила 157-я стрелковая дивизия, восстановленная после разгрома в Крыму, но смену 110-й кавалерийской дивизии, которая вошла в состав 51-й армии, осуществить не удалось, хотя такие планы были.

Так, 10 июля командование Северо-Кавказского фронта планировало замену 110-й кавдивизии на 138-ю стрелковую дивизию полковника И.И. Людникова. Однако 12 июля ее направили в район Верхне-Курмоярской³⁴. Впереди ее ждал Сталинград, легендарный «остров Людникова», славный боевой путь до Праги, почетные наименования «70-я гв. Глуховская» и шесть орденов на знамени. А 110-ю кавдивизию, которую она так и не сменила, ждали десятилетия забвения и клеймо «проявившей неустойчивость». Интересно, а как сложились бы их судьбы, если бы замена все же произошла?

Забегая вперед, скажем, что 22 июля аналогичное предложение внес временно принявший командование 51-й армией генерал-полковник Я.Т. Черевиченко: «110 кд необходимо вывести в район Большая Орловка, заменив ее одной боеспособной стрелковой дивизией из состава частей Южного фронта»³⁵. Правда, к тому времени, 110-ю кавдивизию передали в состав 37-й армии, но командование Южного фронта в тот же день приказало армии «оборону Дона занять тремя стрелковыми дивизиями [Имелись ввиду 230-я, 295-я и 74-я дивизии. – С.З., У.О.], выведя в армейский резерв район Павлов, Кирсановский, Старокузнецовский одну стрелковую дивизию и 110 кд»³⁶. Однако в указанных трех дивизиях, вместе взятых, людей было почти вдвое меньше, чем в 110-й кавдивизии, и они не имели артиллерии. Приказы о замене 110-й Калмыцкой кавдивизии на 230-ю и 295-ю стрелковые дивизии выпускались командованием 37-й армии и Южного фронта и в последующие дни, но так и не были выполнены.

28 июня войска группы армий «Юг» начали стратегическую операцию «Блау», первую из цепи операций, которая должна была окончательно переломить ход войны в пользу Третьего рейха. Вермахт планировал в ходе летне-осенней кампании 1942 г. захватить кавказские нефтяные промыслы и оставить Красную армию без топлива, выиграв таким образом войну. Глубина задуманной немцами цепи операций была невероятно огромной, доселе вермахт никогда

не решал задачи на такие расстояния в рамках одной кампании. Ведь от Курска до Баку по прямой (без учета рек и горных хребтов) было более 1 600 км, а с учетом обходов и маневров расчетная глубина операций всех трех этапов летне-осенней кампании 1942 г. могла достигать 2 100 км³⁷. Поэтому ключевым условием успеха кампании было уничтожение Юго-Западного и Южного фронтов советских войск до их отступления за Дон, чтобы в последующем движение по широким открытым пространствам юга России проходило беспрепятственно.

В ходе ожесточенных боев в конце июня – первой половине июля 1942 г. войска группы армий «Юг» (9 июля разделенной на группы армий «А» и «Б») прорвали позиции Брянского и Юго-Западного фронтов и стремительным броском механизированных колонн вышли в тыл Юго-Западного, а затем Южного фронта. Советские войска начали отступать к Дону, при этом отход был не подготовлен и проходил в очень тяжелых условиях. По этим же дорогам двигались огромные колонны эвакуируемого гражданского населения, промышленного оборудования, грузов, гуртов скота, подвергавшиеся бомбардировкам люфтваффе. В условиях создавшегося хаоса значительная часть войск обоих фронтов оказалась дезорганизована, бойцы в сутолоке и суматохе теряли своих командиров, отставали от своих частей, имели место случаи оставления тяжелого оружия и паники. Дивизии панцерваффе, прорвавшиеся в тыл Южного фронта, почти не встречая сопротивления, устремились к переправам через Дон, чтобы опередить советские войска³⁸.

Войскам Южного фронта и остаткам Юго-Западного фронта теперь было необходимо прорваться к переправам через Дон раньше моторизованных колонн вермахта, идущих параллельно. После окружения в районе Миллерова части 9-й армии и остатков уже расформированного Юго-Западного фронта советские войска могли использовать только две группы переправ через Дон – к западу Северского Донца: 1) в районе Ростова и его окрестностях (мосты в Ростове, Старочеркасской и Манычской, паромы в Аксайской и Арпачине); 2) в междуречье Маныча и Сала. Большая часть армий левого крыла Южного фронта (56-я, 18-я и 12-я) отходила через группу переправ вокруг Ростова, а большая часть армий правого крыла (37-я, 24-я, 9-я, а также остатки армий бывшего Юго-Западного фронта) – через группу переправ в междуречье Сала и Маныча, хотя, конечно, в условиях хаоса отступающие колонны могли сбиться с пути, сменить маршрут и т.д. При этом первый участок вскоре стал защищаться силами 56-й армии, опиравшейся на несколько построенных линий обороны, а второй участок оборонялся 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизией. На этом участке благодаря пяти понтонно-мостовым батальонам, начавшим работу 15–18 июля, функционировали три переправы: в Багаевской – наплавной мост довоенной постройки, в Мелиховской – 6 паромов 35 и 85-го понтонно-мо-

стовых батальонов (часть мостового парка они оставили на старых переправах на Северском Донце, поэтому мост навести не могли), в Раздорской – понтонный мост и 3 парома 37-го, 97-го и 98-го понтонно-мостовых батальонов, а также пароход, буксир и 2 баржи³⁹.

Люфтваффе, понимая значимость этих переправ, с 16 июля стали подвергать их ежедневным бомбардировкам крупными силами (от эскадрильи до группы в каждом налете). 110-я кавдивизия, как уже упоминалось, не имела зенитных орудий, да и крупнокалиберные пулеметы ДШК оказались неисправными. Противовоздушную оборону переправ пришлось осуществлять огнем пулеметных эскадронов из станковых «максимов» винтовочного калибра и противотанковых ружей. Некоторые командиры даже пытались приспособить к стрельбе по воздушным целям 45-мм противотанковые пушки.

Тем не менее, огонь пулеметчиков и бронебойщиков оказался вполне эффективным, бойцы 110-й Калмыцкой кавдивизии по итогам боев на Дону сделали заявки на пять сбитых немецких самолетов. Учитывая, что 1-я, 2-я, 77-я эскадры пикирующих бомбардировщиков, 1-я и 2-я эскадры тяжелых истребителей, 31-я группа разведки, сражавшиеся в большой излучине Дона, за июль 1942 г. потеряли 70 Ju-87 и 46 Bf-110 сбитыми и списанными из-за тяжелых повреждений, а также 18 Ju-87 и 5 Bf-110 поврежденными (большая часть из-за зенитного огня)⁴⁰, указанная заявка выглядит вполне достоверной.

Люфтваффе пытались подавить их огонь, нанесли значимые потери эскадронам 273-го кавалерийского полка, защищавшего переправу в Раздорской, и 292-го кавалерийского полка, защищавшего переправу в Багаевской, но успеха не достигли и были вынуждены уйти с малых и сверхмалых высот и перейти к бомбометанию со средних высот, что снизило его точность. Однако скопления людей и техники у переправ были слишком заметной целью, и немецкая авиация нанесла им серьезный урон. Лишь в ночь на 22 июля люфтваффе смогли разрушить понтонный мост в Раздорской⁴¹. Впрочем, если учесть, что Раздорская была захвачена уже утром 22 июля, то можно сказать, что этот мост почти полностью отработал максимально возможный объем времени.

Таким образом, благодаря умелым действиям и мужеству командиров и бойцов, работавших и охранявших донские переправы на участке 110-й Калмыцкой кавдивизии, было переправлено на южный берег более 425 тыс. человек, 215 танков, около 1 300 орудий, более 8 тыс. тракторов и автомашин (включая РСЗО БМ-13 «Катюша»), 10 тыс. повозок, 22 тыс. лошадей и т.д.⁴². Через эти переправы были выведены управления Южного фронта, 37-й, 24-й и 9-й армий, 3-го гвардейского стрелового и 5-го кавалерийского корпусов, десятки стрелковых и кавалерийских дивизий, несколько танковых бригад, артиллерийских и гвардейских минометных полков и других частей.

Все эти силы смогли прийти в себя после тяжелейшего отступления и сыграли важную роль в сдерживании наступления противника на начальном этапе Битвы за Кавказ. В результате этого, планы немецкого главного командования по окружению Южного и Юго-Западного фронтов оказались сорваны, что предопределило неудачу вермахта в достижении главной цели кампании 1942 г.

К началу боев 110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия была почти полностью укомплектована по штату (4 551 человек и 4 737 лошадей) и вооружена (за исключением зениток): 16 – 76-мм, 8 – 45-мм орудий, 8 – 120-мм, 18 – 82-мм, 48 – 50-мм минометов, 58 ПТР, 26 станковых, 67 ручных, 9 зенитных пулеметов, 3 166 винтовок, 532 автомата, 33 автомашины, 6 раций⁴³. Боевой дух личного состава был высоким, бойцы жаждали поскорее вступить в бой с врагом. При этом старые калмыки говорили своим юным соратникам, что Калмыцкая дивизия носит имя республики и народа и опозорить его никак нельзя. В период переправы войск Южного и бывшего Юго-Западного фронтов дивизия пополнила свой арсенал пулеметами, артиллерией и боеприпасами, которые оставляли отступающие. В противостоянии с люфтваффе 110-я кавдивизия понесла первые и довольно серьезные потери, но теперь ей предстоял бой с наземным противником.

Ее первым соперником стала элитная моторизованная дивизия «Великая Германия», укомплектованная отборным личным составом и новейшими образцами бронетехники и вооружения. К началу операции «Блау» в составе этого соединения числилось 20 006 человек, 20 – 150-мм гаубиц и орудий, 20 – 105-мм гаубиц и пушек, 12 – 88-мм зенитных орудий, 24 – 75-мм легких пехотных орудия, 41 – 50-мм противотанковое орудие, 9 – 20-мм счетверенных зенитных установок, 38 самоходных зенитных 37-мм и 20-мм установок, 6 – 150-мм шестиствольных минометов, 78 – 81-мм минометов, 54 ранцевых огнемета, 13 664 винтовки, 1 328 пистолетов-пулеметов (с учетом бортовых), 932 ручных пулемета (с учетом бортовых), 171 станковый пулемет, 11 ПТР и 24 тяжелых ПТР. Кроме того, дивизия имела 55 танков, 40 САУ, 101 броневомобиль и БТР, 3 796 автомобилей (включая полугусеничные тягачи, большегрузные, специальные и т. д.), 1 300 мотоциклов. Всего на бронетехнике (в дополнение к возимой артиллерии) имелось 104 орудия: 18 – 76,2-мм, 55 – 75-мм, 4 – 50-мм, 3 – 37-мм, 24 – 20-мм⁴⁴.

«Великая Германия» превосходила 110-ю кавдивизию по количеству личного состава более чем в 4 раза, по количеству орудий – более чем в 9,5 раз, по количеству автомобилей – более чем в 115 раз. Если же учесть разницу в калибрах орудий, то превосходство «Великой Германии» в артиллерии возрастет еще больше.

Сравнение же в технике просто бессмысленно. Например, против «полоторок» ГАЗ-АА и 3-тонных ЗиС-5 110-й кавдивизии «великогерманцы» могли использовать обширную номенклатуру грузо-

виков, начиная от знаменитых «Опель Блиц» и новейших полугусеничных «Маультир» и заканчивая тяжелыми тягачами и прицепами грузоподъемностью до 18–22 т. Новейшие немецкие танки и САУ сравнивать и вовсе не с чем.

В начале операции «Блау» дивизия «Великая Германия» под командованием генерал-майора В. Хёрнляйна успешно вела бои под Воронежем, захватила плацдарм и ворвалась в город, но затем была выведена с линии фронта и брошена в прорыв, проделанный 40-м танковым корпусом. Почти не встречая сопротивления, дивизия прошла более 600 км и 18 июля вышла к Дону в районе Константиновской. Здесь соединение Хёрнляйна повернуло на запад, форсировало Северский Донец и устремилось к Шахтам, пытаясь отрезать от Дона отступающие войска Южного фронта.

22 июля «великогерманцы» захватили Раздорскую, Пухляковскую и Мелиховскую и даже создали плацдармы напротив последних двух населенных пунктов. Во время боя за Раздорскую совершил свой подвиг сержант Э.Т. Деликов, первый из калмыков удостоенный звания Героя Советского Союза.

Однако гораздо больший интерес немцев вызвал мост в Багаевской. 22–24 июля мотоциклетный батальон «Великой Германии», усиленный танками и артиллерией, при активной поддержке люфтваффе произвел ряд атак на этом направлении, но 292-й кавалерийский полк 110-й кавдивизии успешно их отразил, а в полдень 24 июля мост был взорван. После этого немцы утратили интерес к Багаевской, а 292-й кавполк сдал свои позиции потрепанной 230-й стрелковой дивизии и перешел к хутору Карповка, где встал вторым эшелоном после 273-го кавполка и эскадронов 311-го кавполка 110-й кавдивизии⁴⁵.

23 июля, поняв, что внезапный захват моста в Багаевской не удался, командование дивизии «Великая Германия» и 24-го танкового корпуса, в состав которого она в тот день (за шесть дней «Великая Германия» побывала в составе пяти корпусов) входила вместе с 16-й моторизованной дивизией, избрали новое направление главного удара. Несмотря на наличие плацдармов напротив Мелиховской и Пухляковской, немецкие генералы решили наступать от Раздорской, где были удобные подъездные пути. В этот район было направлено 14 мостовых колонн (полностью или частично), 2 строительных и 3 моторизованных саперных батальона (не считая саперных батальонов «Великой Германии» и 16-й моторизованной дивизии), здесь начала концентрироваться мощная группа артиллерии РКК, в которую входили даже 211-мм мортиры и 150-мм реактивные минометы⁴⁶.

На рассвете 24 июля 1-й батальон 1-го полка «Великой Германии» при поддержке саперов на штурмовых лодках форсировал Дон напротив Раздорской и атаковал 2-й эскадрон 273-го кавполка старшего лейтенанта М.С. Джимбеева. Атаку поддержала и группа автоматчиков с близлежащего плацдарма напротив Пухляковско-

го. Эскадрон Джимбеева попал в окружение, но сумел вырваться из него⁴⁷.

После этого немцы стали активно перебрасывать на новый плацдарм мотопехоту (к вечеру 24 июля здесь был уже весь 1-й полк «Великой Германии», в полтора раза превосходивший 110-ю кавдивизию только по численности личного состава) и начали наводить 24-тонный мост, способный выдержать танки и тяжелую технику. За ночь на пароме был перевезен танковый батальон «Великой Германии», а к Раздорской уже подходили танковый батальон и мотопехота 16-й моторизованной дивизии.

В ночь с 24 на 25 июля шесть эскадронов 110-й кавдивизии под общим руководством В.А. Хомутникова ночной штыковой атакой ликвидировали плацдарм напротив Пухляковского, сбросив «панцергренадеров» в Дон⁴⁸.

Командование 37-й армии и Южного фронта явно недооценили значение плацдарма у Раздорской, их больше волновал плацдарм у Николаевской, захваченный 40-м танковым корпусом. Для ликвидации плацдарма у Раздорской 25 июля были направлены остатки 295-й стрелковой дивизии (250–300 человек, 110 винтовок, 6 станковых пулеметов без расчетов, 4 – 45-мм и 76-мм орудия) и 41-й мотострелковой бригады (до 100 человек) с 10 танками Т-60. 74-я стрелковая дивизия, также направленная против этого плацдарма, просто физически не могла успеть выйти на рубеж атаки⁴⁹.

Следует заметить, что в этот период в междуречье Сала и Маныча бродили неорганизованные массы солдат Южного и Юго-Западного фронтов. Заградотряды войск по охране тыла Южного фронта только за период с 20 по 23 июля направили в 180-й и 189-й запасные стрелковые полки 20 808 военнослужащих, оторвавшихся от своих частей после переправы и блуждающих по тылам⁵⁰. А всего в 40–50 км от передовых позиций 37-й армии находилась целая 9-я армия, в составе которой числились кавалерийский корпус, восемь стрелковых дивизий, две истребительные бригады, семь отдельных артиллерийских полков, но вместо усиления позиций на Дону она готовилась к выступлению на Егорлык⁵¹.

Разумеется, атака отрядиков (другое слово, наверно, подобрать сложно) 295-й дивизии и 41-й бригады 37-й армии успеха не имела. Мало того, развивая успех, немцы смогли захватить хутор Сусатский, который имел ключевое значение. Дело в том, что до этого «великогерманцам» приходилось сражаться в заболоченной пойме левобережья Дона, что заметно ограничивало возможность применения бронетехники. Немцам приходилось действовать в пешем строю, а калмыцкие кавалеристы в случае благоприятной обстановки могли атаковать их даже в конном строю, что они и делали по возможности. С захватом Сусатского соединения Хёрнляйна вышло на равнину, на оперативный простор, где могло успешно применять свою многочисленную технику. При этом панцерваффе отре-

зали от основных сил 110-й кавдивизии управление 311-го кавполка с одним эскадром. Израсходовав боеприпасы, эскадрон 311-го кавполка был вынужден отойти на соединение с корпусом Б.А. Погребова, в Большую Мартыновку⁵².

Уже к вечеру танки «Великой Германии» на плечах отступивших соединений 37-й армии атаковали тылы 110-й кавдивизии в хуторе Сарайский, но, получив отпор от расположенной рядом артиллерии, временно отошли. К западу от Сусатского продолжали вести бои с мотопехотой «Великой Германии» эскадроны 110-й кавалерийской дивизии, которой также приходилось блокировать плацдарм у Мелиховской силами двух эскадронов 311-го кавполка. Бои 25 июля были ожесточенными и неоднократно переходили в рукопашные схватки, которые немцы так не любили.

Однако с выходом «Великой Германии» на оперативный простор, завершением строительства моста у Раздорской и подходом 16-й моторизованной дивизии исход борьбы между панцерваффе и конниками калмыцкого соединения был предрешен.

В данной ситуации было бы правильнее отойти за Маныч и создать за ним новую оборону. Однако приказ на отступление так и не поступил, поэтому 110-я кавдивизия стала готовиться к новому бою. Командование понимало, что немцы будут стремиться прорваться к Манычу по кратчайшей дороге и захватить там переправы. Одна из таких дорог пролегла от Сусатского через хутора Карповка и Ажинов. В Карповке был сконцентрирован 292-й кавполк (без одного эскадрона) под командованием майора С.И. Ориночко, в Ажинове – артиллерийский дивизион, заградительный эскадрон, штаб дивизии с комендантским взводом под командованием начальника штаба майора А.А. Раабя. Общее руководство обороной Карповки и Ажинова осуществлял комиссар дивизии С.Ф. Заярный. Начдив В.П. Панин находился с эскадронами 273-го кавполка, занимавшими позиции между Карповкой и Доном⁵³.

26 июля 1-й полк и танковый батальон «Великой Германии» начали атаку на Карповку и Ажинов. Первую атаку удалось отразить, но затем немцы перегруппировались, подавили часть огневых точек и смогли ворваться в хутора. Примерно в полдень к Панину прибыл офицер связи, привезший приказ командира корпуса Б.А. Погребова об отводе 110-й кавдивизии за Маныч. Однако для сбора эскадронов, раскиданных на позициях, требовалось время, поэтому защитники Карповки и Ажинова продолжали вести бой. К 14.00 292-й кавполк начал отход из Карповки, оставив для прикрытия усиленный пулеметный эскадрон, который в ходе боя за хутор был полностью уничтожен.

Яростные бои разгорелись на улицах Ажинова. Начальник штаба дивизии Раабь, стремясь отвлечь внимание немецкого танка от автомашины с боевыми знаменами дивизии и ее полков, вскочил на коня и с гранатой в руке поскакал на танк. Офицер погиб, но знамена

удалось вывезти. Под ними 110-я Калмыцкая кавдивизия воевала до февраля 1943 г., а ныне они хранятся в Центральном музее Вооруженных сил РФ.

Комиссар С.Ф. Заярный, который ранее служил в артиллерии и хорошо стрелял из орудия, лично встал за прицел 45-мм противотанкового орудия и вместе с сержантом А.Б. Улановым вел огонь до последнего снаряда. Немцы пытались захватить его в плен, но комиссар отстреливался до конца, оставив последнюю пулю себе⁵⁴.

Ожесточенность этих боев подтверждают и документы «Великой Германии»: «В обороне установлены, в основном, подразделения 110 кд. В борьбе с пехотной дивизией “Великая Германия” по меньшей мере в течение 60 часов она показала внушительную боевую мощь... Только в Ажинове было насчитано 200 вражеских трупов... Черкесы и калмыки сражались азартно и часто очень жестко. Они считают, что Германия хочет подчинить себе и лишить их народ самостоятельности. От немецкой пропаганды они все еще полностью независимы»⁵⁵.

Благодаря самопожертвованию защитников Карповки и Ажинова, удалось вывести большую часть 110-й кавалерийской дивизии. В ходе боев на Дону 16–26 июля 1942 г. по оценке В.А. Хомутникова, выведшего основную часть соединения на Кавказ, 110-я Калмыцкая кавдивизия потеряла 600 человек убитыми, 700 – ранеными, около 200 – пропавшими без вести⁵⁶. Это подтверждает и справка «Об укомплектованности боевых частей Донской оперативной группы СКФ на 1 августа 1942 года», согласно которой после выхода за Маныч 110-я кавдивизия имела 2 979 бойцов и командиров с 2 061 винтовкой, 9 – 76-мм и 5 – 45-мм орудий⁵⁷. Как видно, дивизия, хотя и понесла большие потери, но вовсе не разбежалась, отступила с Дона последней, причем по приказу, и сохранила боевую мощь и артиллерию.

Заметные потери понесла и «Великая Германия». Если 18 июля (то есть до начала боев со 110-й кавдивизией) средняя численность семи ее батальонов (мотоциклетного и шести мотопехотных) составляла 88 % от штата, то 26 июля – 66 %, то есть указанные батальоны потеряли за 8 дней боев в среднем четверть своего состава. Разумеется, потери 1-го мотопехотного полка, вынесшего на себе основную тяжесть боев у Раздорской, Сусатского и Ажинова, были заметно больше: средняя численность его батальонов «просела» до 55 %⁵⁸.

В последующие дни 110-я кавдивизия, которую возглавил В.А. Хомутников, подверглась новым испытаниям. Первоначально планировалось отступать в район Армавира и Майкопа, но затем направление отхода было изменено на восточное: Сальск–Башанта–Ворошиловск–Моздок. Однако 292-й кавполк под командованием майора С.И. Ориночко и два эскадрона 311-го кавполка под командованием капитана А.К. Темирова не успели получить новый при-

каз и выдвинулись на юг. Таким образом, соединение потеряло 600 своих опытных бойцов, прошедших через горнило боев с «Великой Германией». В начале августа обе группы, отличившиеся в боях под Майкопом, были включены в состав 17-го казачьего корпуса.

Отход Донской оперативной группы Северо-Кавказского фронта к горам Кавказа проходил в очень тяжелых условиях. Немецкие моторизованные колонны, вырвавшись на оперативный простор после форсирования Дона и Маныча, обгоняли отступающие советские войска, нарушали систему управления и связи, перехватывали коммуникации, угрожая окружением. Люфтваффе безнаказанно наносили удары по отступающим, сея панику. Укрыться от них на широких степных пространствах было невозможно. Характерно, что в этих условиях командование 37-й армии неоднократно доверяло именно 110-й кавдивизии действовать в арьергарде, прикрывать отход остальных соединений. При этом в создавшемся хаосе и неразберихе, в ходе тяжелейшего 600-километрового марша калмыцкое соединение отступало с боями, сохраняя боевые порядки, удерживая на день или два порученные рубежи. В районе Сальска калмыцкой дивизии пришлось прорывать кольцо окружения. 10 августа ее 1,5 тыс. кавалеристов вышли к позициям 44-й армии. Калмыцкое соединение решили сохранить, доукомплектовать за счет 15-го запасного кавполка, где еще служили калмыки из бывшей 111-й кавдивизии, а 25 августа перебросили на территорию Калмыкии для охраны стратегически важной железной дороги Кизляр–Астрахань⁵⁹.

В ходе отступления Хомутникову пришлось дважды оставлять для прикрытия арьергардные группы – усиленный эскадрон 292-го кавполка младшего лейтенанта Б.Ц. Арбакова и отряд старшего политрука Д.И. Евграшева. Обе группы уцелели и после выполнения задачи вышли к своим войскам, причем эскадрон Арбакова, отступивший в Калмыкию, позже вернулся в состав 110-й кавдивизии.

Кроме того, при отступлении тыловая колонна соединения (продтранспорт, часть штаба, прокуратура, трибунал и т. д.) под руководством комиссара штаба дивизии батальонного комиссара И.И. Белкина сбилась с маршрута и через прикумские степи вышла к 28-й армии. Позже она также вернулась в состав 110-й кавдивизии.

Общая численность этих групп (с учетом отрядов Ориночко и Темирова, отошедших к Майкопу) составляет по разным подсчетам около 1,5 тыс. человек⁶⁰.

С учетом пополнений остается неясной судьба более трех сотен бойцов. Кто-то из них погиб в боях на промежуточных рубежах (под Сальском, у с. Донское и т.д.), кто-то попал в плен. Какие-то «безлошадные» бойцы, раненные или уставшие, отстали от основной колонны и, не имея сведений о месте пребывания дивизии, повернули домой, в Калмыкию. Нет никаких сведений, указывающих на то, что они возвращались толпами, захватывали колхозный скот и передавали его фашистам. Это были типичные «окруженцы», ко-

торые хотели дойти до дома, прийти в себя, а потом продолжить борьбу с врагом, уже убившим тысячи его земляков.

Приведем две судьбы таких «окруженцев» 110-й кавдивизии, которые нам представляются вполне типичными для этой категории.

Бора Мангаев, отстав от своей части, вернулся в хотон Ики-Бухус, которое не подверглось оккупации, и, переведя дух, явился в военкомат. Он был зачислен в 3-й гвардейский кавкорпус, с которым провоевал до Дня Победы, награжден орденом Славы 3-й степени, медалями «За отвагу» и «За оборону Сталинграда».

Судьба другого «окруженца» сложилась не столь удачно. Родственники просили не раскрывать его фамилию (просьба эта – сама по себе очень показательна), поэтому назовем его Чака Д.

Он тоже отстал от части и решил вернуться домой. Но его родное село было оккупировано немцами. «Окруженец» пережил, скрываясь дома четыре месяца оккупации, а после освобождения села явился в военкомат, но был арестован как дезертир. В ходе отправки в Астрахань Д. сумел выпрыгнуть из грузовика и сбежал в «камышы», где собрал группу из таких же дезертиров. Работники НКВД взяли в заложники его мать и сестру, чем и принудили его к переговорам, на которых обещали прощение при условии отсутствия тяжких преступлений. Все дезертиры сдались и были отправлены домой. В октябре 1943 г., во время очередного призыва бывший «окруженец» снова явился в военкомат, но не был принят по «политико-моральным соображениям». В декабре 1943 г. во время принудительного переселения калмыков его повторно арестовали и в мае 1944 г. решением Астраханского гарнизонного трибунала приговорили к расстрелу. Как видно, Д. не служил немцам и всеми силами пытался вернуться в Красную армию, но обстоятельства сложились против него⁶¹.

Конечно, среди военнопленных 110-й кавдивизии были люди, которые пошли на сотрудничество с оккупантами. Например, лейтенант С.А. Коноков (единственный калмык-коллаборационист – офицер Красной армии) и старшина Д.Ц. Арбаков, но такие случаи были редкостью. Повторимся, что большая часть «фербанда» доктора Долля состояла из угнанного оккупантами населения, вынужденного пойти на эту службу.

Таким образом, утверждения о том, что дивизия «проявила устойчивость», «разбежалась», «ушла в банды», «ушла к немцам» не имеют ничего общего с действительностью. 110-я Калмыцкая кавдивизия продолжала воевать и успела не только принять участие в обороне Кавказа, но и в освобождении более сотни городов и сел Ставропольского края, Калмыкии, Ростовской области – Буденновска, Прасковеи, Петровского (ныне Светлоград), Винодельного (ныне Ипатово), Башанты (ныне Городовиковск) и других.

Расформирована 110-я Калмыцкая кавдивизия была в начале февраля 1943 г. ввиду больших потерь и фактической утраты на-

ционального состава. К тому времени в ней оставалось всего около 11 % калмыков⁶².

* * *

После возвращения калмыков из мест, куда их принудительно переселила сталинская власть, на родную землю и восстановления автономии Калмыкии историки, и не только калмыки, начали работу по восстановлению честного имени оболганной и преданной забвению 110-й Калмыцкой кавдивизии.

В Калмыцком научно-исследовательском институте истории, языка и литературы (ныне Калмыцкий научный центр РАН) под руководством профессора М.Л. Кичикова сформировалась группа исследователей, которые начали разрабатывать историю кавдивизии, в том числе ее боев на Дону, оказавшихся первыми и самыми тяжелыми в ее короткой жизни. Они работали в архивах, опрашивали ветеранов, проводили источниковедческий анализ документов и воспоминаний, иногда весьма сильно расходившихся между собой в описании и оценке событий.

Одной из наиболее сложных проблем, с которой пришлось столкнуться исследователям, оказалась острая нехватка архивных документов.

О завершающей фазе боев на Дону, когда 110-я кавдивизия оказалась фактически в полуокружении, а ее штаб в течение нескольких часов отражал вражеские танковые атаки, документов в ЦАМО ни в фонде 110-й Калмыцкой кавдивизии, ни в армейских и фронтовых фондах найти не удалось, так как часть их архивов была уничтожена, утеряна или захвачена противником при отходе. После расформирования дивизии весь ее архив вместе со знаменами был вывезен в Москву и сдан по описи. Однако, когда в 1960-х гг. исследователи начали поиск этих документов в ЦАМО, то обнаружили, что в фонде 110-й кавдивизии сохранилось примерно 10 процентов того документального массива, который был сдан по описи.

Другой серьезной проблемой, препятствующей всестороннему изучению истории боев на Дону, являлось отсутствие информации с вражеской стороны. Долгое время историки даже не знали, с каким именно противником вела бои 110-я кавдивизия.

Все это, вместе взятое, не позволило исследователям 1960-х – 1970-х гг. полностью раскрыть историю тех боев и оценить реальное место и значение в них калмыцкого соединения.

Тем не менее, они сумели сделать огромный задел в изучении судьбы 110-й кавдивизии. Не менее важное значение имела и их борьба с мифом о «разбежавшейся дивизии», в которой группа исследователей под руководством М.Л. Кичикова пользовалась активной поддержкой советских и партийных органов Калмыкии.

Казалось, что они достигли успеха и смогли доказать лживость

этого мифа. Однако в постсоветский период, в эпоху безудержной свободы средств массовой информации этот миф снова возродился и стал размножаться и мутировать на просторах Интернета и на страницах различных изданий, причем не только «желтой прессы», но и вполне солидных изданий, претендующих на научность и академичность, с большими списками членов редколлегий, увешанных регалиями и званиями.

Происхождение и причины живучести этого исторического мифа, многолетняя борьба за возвращение 110-й Калмыцкой кавдивизии честного имени, как и ее славный и трагический боевой путь, судьбы ее бойцов и командиров – все это обстоятельно раскрыто в новой книге авторов «Клятве остались верны: История формирования и боевого пути 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии», которую готовит к выпуску Калмыцкий научный центр РАН.

Примечания Notes

¹ Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 86. Л. 132.

² Там же. Л. 139.

³ НА РК. Ф. П-1. Оп. 20. Д. 24. Л. 69.

⁴ НА РК. Ф. Р-131. Оп. 3. Д. 86. Л. 120, 129.

⁵ Убушаев В.Б., Убушаев К.В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение: 1943 – 1957 гг. Элиста, 2007. С. 152.

⁶ Убушаев В.Б., Убушаев К.В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение: 1943 – 1957 гг. Элиста, 2007. С. 152, 153.

⁷ Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение: 1943 – 1957 гг. Элиста, 1991. С. 18.

⁸ Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. Москва, 2010. С. 140.

⁹ Эмгенов С.Н. 51-я армия в оборонительных боях на Элистинском направлении в августе 1942 г. // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. № 2. С. 76–78.

¹⁰ Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. Москва, 2010. С. 132–137.

¹¹ Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. Москва, 2010. С. 134–135.

¹² Максимов К.Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. Москва, 2010. С. 112.

¹³ Гучинова Э.-Б. Улица «Kalmuk Road»: История, культура и идентичности в калмыцкой общине США. Санкт-Петербург, 2004. С. 38.

¹⁴ Hoffmann J. Deutsche und Kalmyken 1942 bis 1945. Freiburg: Verlag Rombach, 1974. S. 135, 136.

¹⁵ Максимов К.Н. Мифы доктора Долля // Военно-исторический журнал. 2011. № 3. С. 29–33.

¹⁶ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 14 (3-1): СССР и Польша. Москва, 1994. С. 153–155.

¹⁷ НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939 – 1956): Сборник документов. Москва, 2008. С. 526.

¹⁸ НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939 – 1956): Сборник документов. Москва, 2008. С. 524–534.

¹⁹ Кичиков М.Л. Во имя победы над фашизмом: Очерки истории Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны. Элиста, 1970. С. 162.

²⁰ Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение: 1943 – 1957 гг. Элиста, 1991. С. 18–19.

²¹ НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939 – 1956): Сборник документов. Москва, 2008. С. 525.

²² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 85–85об.

²³ Там же. Л. 85.

²⁴ НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1018. Л. 21.

²⁵ Там же. Л. 5–6.

²⁶ Личный архив У.Б. Очирова. Интервью Эрдни-Горяева Манджи Эрдни-Горяевича, 1923 г.р. (записано 9 мая 2010 г.).

²⁷ НАРК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1122. Л. 10.

²⁸ НАРК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1123. Л. 2–4

²⁹ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 143. Оп. 13049. Д. 6. Л. 330.

³⁰ НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 1018. Л. 16, 18.

³¹ Заднепрук А.И., Заярный А.С., Гучинов М.И., Илишкин Н.У., Бимбаев М.Т. В годы суровых испытаний: Боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста, 2003. С. 51, 59, 60.

³² ЦАМО. Ф. 224. Оп. 763. Д. 52. Л. 36.

³³ Заднепрук А.И., Заярный А.С., Гучинов М.И., Илишкин Н.У., Бимбаев М.Т. В годы суровых испытаний: Боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста, 2003. С. 69, 83.

³⁴ Заярный С.А. Новые данные о боевых действиях 110-й кд на Дону // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2016. № 2. С. 26.

³⁵ ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 11. Л. 168.

³⁶ ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 6. Л. 122.

³⁷ Сталинградская битва: Хроника, факты, люди. Кн. 1. Москва, 2002. С. 14, 15.

³⁸ Коломиец М., Смирнов А. Бои в излучине Дона 28 июня – 23 июля 1942 года // Фронтальная иллюстрация. 2002. № 6. С. 4–68.

³⁹ Заярный С.А., Очиров У.Б. 110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия на защите донских переправ и ее роль в спасении части войск Южного фронта летом 1942 г. // Вестник Калмыцкого института гума-

нитарных исследований РАН. 2017. № 6. С. 50, 51.

⁴⁰ *Заярный С.А., Очиров У.Б.* 110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия на защите донских переправ и ее роль в спасении части войск Южного фронта летом 1942 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 6. С. 55, 56.

⁴¹ *Заярный С.А., Очиров У.Б.* 110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия на защите донских переправ и ее роль в спасении части войск Южного фронта летом 1942 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 6. С. 57.

⁴² *Заярный С.А., Очиров У.Б.* 110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия на защите донских переправ и ее роль в спасении части войск Южного фронта летом 1942 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 6. С. 58–59.

⁴³ ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 26. Л. 97.

⁴⁴ U.S. National Archives and Records Administration (NARA). T315. R. 2282. Fr. 862.

⁴⁵ *Заярный С.А.* Новые данные о боевых действиях 110-й ОККД на Дону // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2016. № 2. С. 32–33.

⁴⁶ NARA. T 315. R 2282. Fr. 781–790.

⁴⁷ *Заднепрук А.И., Заярный А.С., Гучинов М.И., Илишкин Н.У., Бимбаев М.Т.* В годы суровых испытаний: Боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста, 2003. С. 107.

⁴⁸ *Заярный С.А., Очиров У.Б.* Дивизия «Великая Германия» против 110-й Калмыцкой кавдивизии // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. № 2. С. 57, 58.

⁴⁹ ЦАМО. Ф. 392. Оп. 8898. Д. 19. Л. 23–24.

⁵⁰ ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 2. Л. 203.

⁵¹ ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 824. Л. 245.

⁵² *Заярный С.А., Очиров У.Б.* Дивизия «Великая Германия» против 110-й Калмыцкой кавдивизии // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. № 2. С. 61, 62.

⁵³ *Заднепрук А.И., Заярный А.С., Гучинов М.И., Илишкин Н.У., Бимбаев М.Т.* В годы суровых испытаний: Боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста, 2003. С. 114–116.

⁵⁴ *Заднепрук А.И., Заярный А.С., Гучинов М.И., Илишкин Н.У., Бимбаев М.Т.* В годы суровых испытаний: Боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста, 2003. С. 118–128.

⁵⁵ NARA. T 315. R 2282. Fr. 169, 172–173.

⁵⁶ ЦАМО. Ф. 110 кд. Оп. 13380. Д. 55. Л. 122.

⁵⁷ ЦАМО. Ф. 224. Оп. 760. Д. 9. Л. 739–740.

⁵⁸ NARA. T315. R.2282. Fr. 629, 741, 811, 848.

⁵⁹ *Заднепрук А.И., Заярный А.С., Гучинов М.И., Илишкин Н.У., Бимбаев М.Т.* В годы суровых испытаний: Боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста, 2003. Элиста, 2003. С. 135–143.

⁶⁰ *Заярный С.А., Очиров У.Б.* Отход частей 110-й ОККД после боев на Дону в июле 1942 г. // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. № 1. С.

118, 119.

⁶¹ *Заярный С.А., Очиров У.Б.* Отход частей 110-й ОККД после боев на Дону в июле 1942 г. // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. № 1. С. 119.

⁶² *Заднепрук А.И., Заярный А.С., Гучинов М.И., Илишкин Н.У., Бимбаев М.Т.* В годы суровых испытаний: Боевой путь 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии. Элиста, 2003. Элиста, 2003. С. 135–143.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Заярный Сергей Альбертович – историк Великой Отечественной войны, пенсионер (Москва)
zajarnyj@mail.ru

Очиров Уташ Борисович – докт. ист. наук, главный научный сотрудник, Калмыцкий научный центр, Российская академия наук (Элиста)
utash-ochirov@yandex.ru

Статья раскрывает происхождение исторического мифа о 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии, которая была одной из дивизий, сформированных во время Великой Отечественной войны по национальному признаку. Согласно различным версиям мифа, зародившимся еще в годы войны, эта дивизия в своих первых боях на Дону в июле 1942 г. то ли «разбежалась», то ли «ушла в банду», а то и вовсе «ушла к немцам» и стала основой коллаборационистского вооруженного формирования. Иногда именно этот миф считают основной причиной принудительного переселения калмыцкого народа в Сибирь в 1943 г. В действительности, как явствует из сохранившихся архивных документов, 110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия, сформированная на территории Калмыкии за счет средств республиканского бюджета, обладала отборным личным составом, который прошел необходимый курс обучения. Дивизия достойно показала себя и в первых, и последующих боях на Дону. Ее первым противником оказалась элитная моторизованная дивизия вермахта «Великая Германия», которая была усилена 16-й моторизованной дивизией и артиллерийскими частями. Несмотря на многократное количественное и качественное превосходство противника, 110-я кавдивизия успешно отбивала атаки немцев в течение шести дней, удержала переправы через Дон и тем спасла часть войск Южного фронта. Она оставила свои позиции и последней отошла от Дона лишь после того, как был получен приказ об отступлении. В ходе тяжелейших боев дивизия понесла огромные потери, но сохранилась как боеспособное соединение и воевала до февраля 1943 г. Во время многотысячметрового отступления через позиции наступающего противника не более трехсот одиночных бойцов отстали и оказа-

лись в окружении. Одни попали в плен, другие вернулись в родные села. Кто-то из оказавшихся в плену ради сохранения жизни уступил принуждению немцев и стал коллаборационистом. Кто-то из оказавшихся в оккупации сумел уклониться от сотрудничества с врагом. Те же, кто смог вернуться в не оккупированные села, вновь вступили в ряды Красной армии и затем честно воевали на фронтах Великой Отечественной войны.

Вторая мировая война, Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг., Битва за Кавказ, Калмыкия, Рабоче-крестьянская Красная армия, кавалерия, национальное формирование, 110-я Калмыцкая кавалерийская дивизия, исторический миф, коллаборационизм, О.И. Городовиков.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Emgenov, S.N. 51-ya armiya v oboronitelnykh boyakh na Elistinskom napravlenii v avguste 1942 g. [The 51st Army in the Defensive Battles at the Elista Direction in August, 1942.]. *Magna adsurgit: historia studiorum*, 2017, no. 2, pp. 69–79. (In Russian).
2. Kolomiyets, M.; Smirnov, A. Boi v izluchine Dona 28 iyunya – 23 iyulya 1942 goda [Fighting at the Bend of the Don River, June 28 – July 23 1942.]. *Frontovaya illyustratsiya*, 2002, no. 6, pp. 4–68. (In Russian).
3. Maksimov, K.N. Mify doktora Dollya [The Myths of Dr. Doll.]. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*, 2011, no. 3, pp. 29–33. (In Russian).
4. Zayarnyy, S.A. Novye dannye o boevykh deystviyakh 110-y OKKD na Donu [New Data on the Combat Operations of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division on The Don River.]. *Magna adsurgit: historia studiorum*, 2016, no. 2, pp. 24–46. (In Russian).
5. Zayarnyy, S.A.; Ochirov, U.B. Diviziya “Velikaya Germaniya” protiv 110-y Kalmytskoy kavdivizii [The “Great Germany” Division versus the 110th Kalmyk Cavalry Division.]. *Magna adsurgit: historia studiorum*, 2017, no. 2, pp. 38–68. (In Russian).
6. Zayarnyy, S.A.; Ochirov, U.B. Otkhod chastey 110-y OKKD posle boev na Donu v iyule 1942 g. [The Withdrawal of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division after Fighting on the Don River in July 1942.]. *Magna adsurgit: historia studiorum*, 2017, no. 1, pp. 111–120. (In Russian).
7. Zayarnyy, S.A.; Ochirov, U.B. 110-ya Otdelnaya Kalmytskaya kavaleriyskaya diviziya na zashchite donskikh pereprav i eye rol v spasenii chasti voysk Yuzhnogo fronta letom 1942 g. [The 110th Separate Kalmyk Cavalry Division during the Defense of the Don River Crossings and Its Role in the Rescue of Part of the Troops of the Southern Front in the Summer of 1942.]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2017, no. 6, pp. 43–61. (In Russian).

(Monographs)

8. Guchinova, E.-B. Ulitsa “Kalmuk Road”: Istoriya, kultura i identichnosti v kalmytskoy obshchine SShA [“Kalmuk Road” Street: History, Culture, and Identity in the Kalmyk Community of the USA.]. St.-Petersburg, 2004, 328 p. (In Russian).
9. Hoffmann, J. Deutsche und Kalmyken 1942 bis 1945. Freiburg, Verlag Rombach, 1974, 214 p. (In German).
10. Kichikov, M.L. Vo imya pobedy nad fashizmom: Ocherki istorii Kalmytskoy ASSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [In the Name of Victory over Fascism: Essays on the History of the Kalmyk ASSR during the Great Patriotic War.]. Elista, 1970, 208 p. (In Russian).
11. Maksimov, K.N. Velikaya Otechestvennaya voyna: Kalmykiya i kalmyki [Great Patriotic War: Kalmykia and the Kalmyks.]. Moscow, 2010, 406 p. (In Russian).
12. Ubushayev, V.B.; Ubushayev, K.V. Kalmyki: vyseleniye, vozvrashcheniye, vozrozhdeniye: 1943 – 1957 gg. [The Kalmyks: Eviction, Return, and Revival, 1943 – 1957.]. Elista, 2007, 494 p. (In Russian).
13. Ubushayev, V.B. Kalmyki: vyseleniye i vozvrashcheniye: 1943 – 1957 gg. [The Kalmyks: Eviction and Return, 1943 – 1957.]. Elista, 1991, 95 p. (In Russian).
14. Zadnepruk, A.I.; Zayarnyy, A.S.; Guchinov, M.I.; Ilishkin, N.U.; Bimbayev, M.T. V gody surovyykh ispytaniy: Boyevoy put 110-y Otdelnoy Kalmytskoy kavaleriyskoy divizii [The Years of Severe Trial: The Battle Path of the 110th Separate Kalmyk Cavalry Division.]. Elista, 2003. 335 s. (In Russian).

Authors, Abstract, Key words

Sergey A. Zayarnyy – Historian of the Great Patriotic War, retired (Moscow, Russia)
zajarnyj@mail.ru

Utash B. Ochirov – Doctor of History, Chief Researcher, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Elista, Republic of Kalmykia, Russia)
utash-ochirov@yandex.ru

The article discloses the origin of a historical myth about the 110th Kalmyk Cavalry Division, one of the divisions which were formed during the Great Patriotic War on the national principle. According to various versions of the myth, this division allegedly “dispersed” in its first battles in the Don region in July 1942 or “joined a criminal group” or even “joined the German fascists” and became the bulk of a collaborationist armed group. The latter argument is sometimes viewed as the main cause for the forced relocation of the Kalmyk people to Siberia in 1943. In real-

ity, as seen from some preserved archival documents, the 110th Kalmyk Cavalry Division formed on the territory of Kalmykia and financed from the republican budget had a thoroughly selected trained personnel. The division proved itself in the first and following battles in the Don region. First it had to fight against the Wehrmacht's elite motorized division, dubbed "Great Germany", which was supported by the 16th motorized division and artillery units. Despite the enemy's manifold quantitative and qualitative superiority, the 110th Kalmyk Cavalry Division managed to fend off the fascists' attacks for six days, held the crossings over the Don river, thus saving part of the army of the Southern front. Only on receiving an order to retreat, did it leave its position and was the last to withdraw from the Don. In the course of heavy fights the division suffered huge losses and casualties. Nevertheless, it remained combat-ready and took part in military operations until February 1943. When retreating across hundreds of kilometers though the enemy's positions about 300 people fell behind and were marooned. Some of them were captured, some returned home. Some of those captured were forced by fascists to collaborate whereas others finding themselves in an occupation avoided collaboration with the enemy. Those who returned to unoccupied villages joined the Red Army again and honestly went all the way though the Great Patriotic War.

World War II, Great Patriotic War of 1941 – 1945, Battle for the Caucasus, Kalmykia, Worker-Peasant Red Army, cavalry, national unit, 110th Kalmyk Cavalry Division, historical myth, collaboration, Oka I. Gorodovikov.

Д.В. Хаминов

**«ОТТЕПЕЛЬ» ДЛЯ ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ИСТОРИКОВ:
СОДЕРЖАНИЕ, ПРОТИВОРЕЧИЯ,
НЕОПРАВДАВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ***

D.V. Khaminov

**Khrushchev's "Thaw" for Provincial Historians:
Contents, Contradictions, and Unmet Expectations**

Постановления и решения, принятые КПСС на XX съезде (14–25 февраля 1956 г.) и по его итогам (июнь 1956 г.), имели существенное влияние на все сферы общественно-политической и социокультурной жизни советского общества. Определяющее воздействие они оказали и на высшую школу. Партийные и государственные органы приняли целый ряд директивных документов, направленных на повышение качества учебной, научно-исследовательской, политико-воспитательной работы и подготовки молодых специалистов.

Ключевым среди них стало Постановление XX съезда КПСС по докладу Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева «О культуре личности и его последствиях», сделанного на закрытом заседании 25 февраля 1956 г. 5 марта Президиум ЦК КПСС принял постановление «Об ознакомлении с докладом Н.С. Хрущева "О культуре личности и его последствиях на XX съезде КПСС"». В нем обкомам, крайкомам и центральным комитетам компартий союзных республик было предложено ознакомить с этим докладом всех коммунистов и комсомольцев, а также беспартийный актив. Доклад в виде брошюры был разослан партийным организациям с грифом «не для печати» (гриф «строго секретно» был снят)¹. В соответствии с этим постановлением, доклад зачитывался на собраниях всех первичных партийных и комсомольских организаций.

Последовавшее после этого Постановление Президиума ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий», также в течение короткого времени было доведено через сеть первичных парторганизаций до коммунистов и обсуждено на партийных собраниях.

Скорым откликом советских идеологов от истории на принятые партийные документы, стали публикации программных статей в центральных исторических журналах «Вопросы истории» и в только что учрежденных отраслевых журналах «История СССР», «Вопро-

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Университетское сообщество Западной Сибири как основа интеллектуального капитала территории и драйвер социокультурной и экономической модернизации страны в XIX – XX вв.» (проект № 18-39-20008).

сы истории КПСС», «Советская археология», «Советская этнография» и других. Эти публикации были призваны выработать единое, согласованное направление в научных исследованиях, в организации исторического образования и политико-воспитательной работе среди историков. Со страниц журналов шла переориентация советских историков от прежнего «догматизма», «замкнутости» и «засилья культа личности» в исследованиях к «творческому марксизму» и к открытым научным дискуссиям².

Благодаря «оттепели», на страницах журналов широко развернулись научные дискуссии, которые имели прямое воздействие на организацию исторического образования и содержание научно-исследовательских процессов в вузах страны (например, дискуссии на страницах журнала «Вопросы истории» во второй половине 1950-х гг. об образовании русской нации, о роли личности в истории, о роли и месте Ивана Грозного в истории русского государства и т.д.). 40-летие Октябрьской революции, отмечавшееся в 1957 г., актуализировало революционную и ленинскую тематику. Все это должно было помогать историкам сместить акценты в своей работе и сконцентрировать больше внимание именно на этих сюжетах, установив противовес культу личности.

Не продолжительный по времени, но очень яркий и насыщенный по содержанию и важный по внутри- и внешнеполитическим последствиям период «оттепели» всегда был одним из наиболее популярных у зарубежных и отечественных исследователей.

Зарубежная советология второй половины XX в. впервые стала исследовать такие вопросы советской жизни как соотношение государственно-партийной идеологии с одной стороны, и науки и образования вообще, и исторической, в частности, с другой стороны. Советологи, основываясь на доступных им источниках, материалах и литературе первыми поставили и предприняли попытку решить важнейшие вопросы существования и сосуществования в условиях авторитарной модели Советского государства таких важных институтов как высшее образование и наука (их структура, управление и прочее), а также исторического образования и науки, особенностей их развития, их соотношения с идеологией, выявления степени и форм влияния на историческое образование и науку партийно-государственных механизмов, в том числе в период «оттепели»³.

Постсоветские англоязычные работы исследователей-русистов на протяжении 2000-х гг. сфокусированы на вопросах влияния идеологии и политики на высшее образование и науку. Исследования раскрывают суть и содержание советской политики в отношении ученых, научно-образовательных институций СССР. Специальным предметом исследований стало положение истории и историков в переходные периоды общественно-политического развития страны⁴.

Современная отечественная историография уделяет значитель-

ное внимание советской научно-педагогической интеллигенции, истории советской высшей школы периода «оттепели», развитию в ней исторического отраслевого знания, в том числе в региональном разрезе⁵.

* * *

В течение 1956 г. в сибирских вузах развернулся комплекс мероприятий по воплощению в жизнь решений XX съезда КПСС и по внедрению в учебный, научный и политико-воспитательные процессы новых установок. Стали пересматриваться учебные планы, характер, направления и содержание научно-педагогической работы и даже стиль преподавания. Кардинальным изменениям подвергалась доктрина гуманитарной науки, особенно исторической.

Документы о деятельности сибирских вузов того периода (отчеты о работе вузов и их структурных подразделений, протоколы партийных собраний, отчеты о работе партийных организаций, материалы проверок, справки о состоянии работы и т.п.) ярко иллюстрируют ситуацию второй половины 1950-х гг.

Первичной формой перестройки работы в вузах, на исторических факультетах и отделениях стала организация общих производственных и партийных собраний, основной целью которых было обсуждение итогов работы и материалов XX съезда КПСС, а также постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий».

На этих собраниях «вырабатывались» (вернее будет сказать «предлагались» сверху) магистральные пути и направления учебной, научной и политико-воспитательной работы, обсуждались пути изживания культа личности из всех процессов, а главное – историки сами должны были «выявлять» свои ошибки на всем протяжении предыдущего периода, клеймить себя и своих коллег за «политическую близорукость»⁶.

Характерным примером такого рода собрания стало прошедшее в марте 1956 г. на историко-филологическом факультете (ИФФ) Томского государственного университета (ТГУ) расширенное заседание ученого совета, посвященное итогам работы XX съезда КПСС. На нем также присутствовали преподаватели кафедр общественных наук, научно-педагогические работники, аспиранты, студенты ТГУ и других вузов Томска⁷.

Программным стал доклад профессора кафедры диалектического и исторического материализма ТГУ К.П. Ярошевского «Творческое развитие марксистско-ленинской теории XX съездом Партии»⁸. Основные теоретические проблемы, которые были поставлены съездом перед обществом в целом и научно-педагогическим сообществом (особенно гуманитариями), он видел в необходимости утверждения единства марксистской теории и практики государствен-

ного развития и в борьбе с культом личности. Заострение внимания в его докладе на роли теории в связи с практикой было направлено против догматизма, утвердившегося в науке и образовании в период позднего сталинизма: «Причиной догматизма и доктринерства являлась умственная леность, возникшая в условиях культа личности»⁹. Догматизм во многом предопределял выдвигание цитат вместо аргументов и внеисторический подход к событиям: «догматизм приводил к вытеснению живой речи заранее подготовленными текстами». Для борьбы с «начетничеством», по мнению К.П. Ярошевского, необходимо было на всех уровнях начать изучение работ К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и классиков науки, восстановить ленинские методы научной работы – «использование аргументации, творческого подхода к работе». Борьба с культом личности предполагала и восстановление коллективного руководства КПСС и страной, а, следовательно, по мнению университетского идеолога, необходимо было широко разъяснять студентам соотношение роли вождей, личности и народа, «покончить с иконописным стилем биографии». В конечном итоге, борьба с культом личности имела важное значение как для историков, так и для других обществоведов (для юристов) и означала необходимость разработки «положительной истории»¹⁰.

Профессор К.П. Ярошевский, переходя от общесистемных вопросов организации гуманитарного и исторического образования и науки («культ личности загнал в тупик историческую науку СССР»), обратился к анализу ситуации в ТГУ, которая была характерна в тот период для многих вузов периферии СССР. Он отмечал, что догматизм на ИФФ ТГУ переходил не только в науку, но и в образование: «Лекции преподавателей превращались в простой монтаж цитат, взятых формально, в отрыве от реальной жизни и событий, приводимых вне конкретного исторического контекста»¹¹.

На этом же заседании была обсуждена и проблема негативного влияния «Краткого курса истории ВКП(б)» на систему исторического знания. В частности, собравшиеся подвергли критике периодизацию истории Октябрьской революции, которая, по их мнению, не соответствовала действительности. А дальше – больше: «...Возвышение роли И.В. Сталина в “Кратком курсе истории ВКП(б)” приводило к умалению роли других крупнейших деятелей, например роли Я.М. Свердлова в период Октябрьской революции»¹².

В процессе обсуждения путей дальнейшего развития исторического образования и науки в стране и в университете, профессор И.М. Разгон (сам жертва сталинской кампании борьбы с космополитизмом) заявил всем собравшимся, что в его распоряжении имелись архивные документы, откуда было видно, что И.В. Сталин не был основным и центральным участником октябрьских событий 1917 г. Собрание пришло к выводу, что необходимо было подготовить новую программу по истории СССР и изучать «колоссальное

ленинское наследие»¹³.

После доведения до первичных парторганизаций решений XX съезда КПСС, обсуждения его положений и выработки первоочередных мероприятий, сибирские историки начали принимать меры по внедрению их в учебный процесс.

Так, кафедрой истории СССР ИФФ ТГУ, следуя линии на развенчание культа личности, уже в середине весеннего семестра 1955/56 учебного года, были сняты спецкурсы по истории Великой Отечественной войны и по образованию СССР, была пересмотрена программа и планы занятий по новейшей истории СССР, поскольку в содержании именно этих курсов наиболее ярко отражалась роль Сталина или его влияние на основные процессы. В новых условиях требовалось переосмысливать, перестраивать содержательную часть курсов, очищать их от напластований догм и культа личности.

Заведующий кафедрой истории СССР профессор И.М. Разгон, поясняя на партсобрании ИФФ ТГУ причины изменений в учебном процессе, аргументировал принятые решения тем, что «нет настоящей литературы, кроме общих решений», имея в виду, что при отсутствии новой учебной, научной и методической литературы, не было возможности выстраивать образовательный процесс согласно новым требованиям к содержанию исторического материала. Он обращал внимание членов Ученого совета факультета и на то, что «за последние два десятка лет вся литература фактически искажалась». В качестве иллюстрации своей мысли профессор приводил примеры с отношением в советской исторической науке к трудам академика М.Н. Покровского, который вместе с его школой были подвергнуты жесткой критике. При этом И.М. Разгон считал, что в советской историографии и в учебной литературе незаслуженно была возвышена роль генерала А.А. Брусилова в Первой Мировой войне (на фоне Великой Отечественной войны, и в последующие годы, во время идеологических кампаний первого послевоенного десятилетия)¹⁴.

Аналогичным образом на закрытом собрании парторганизации Тюменского пединститута (ТюмПИ) в конце марта 1956 г. доцент кафедры истории Д.Е. Григоров в обсуждении доклада отмечал, что на съезде КПСС большой критике подверглась работа историков: «... Это результат возвеличивания культа личности. Перед нами стоит задача, чтобы не откладывая, перестроиться в преподавании истории. Большое значение в этой перестройке будет иметь работа студентов над первоисточниками»¹⁵.

Кафедра истории ТюмПИ с этого периода начала апробировать реализацию нового направления и формы работы со студентами. В частности, студентам выдавались задания по сбору первичного источникового материала, в которых они освещали деятельность и жизнь рабочих предприятий Тюмени. Они самостоятельно разыскивали источники и материалы, описывали и анализировали их.

Таким образом, студенты, будучи сами вовлеченными в исследовательский процесс, и будучи не стесненными рамками догматики, самостоятельно разбирались в вопросах современности, соотносили теорию социалистического строительства с практикой и реальной жизнью.

В октябре 1956 г. на партсобрании Иркутского пединститута (ИГПИ) обсуждался вопрос «О выполнении решений XX съезда КПСС и Постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» и задачах дальнейшей работы парторганизации»¹⁶. Остро был поставлен вопрос о теоретических, глубинных выводах, связанных с преодолением культа личности в преподавании истории в вузе, а затем и в школе. Коллектив кафедры истории СССР ИГПИ отмечал, что недостатки относились не только к современному советскому, но и к древним периодам истории СССР. Например, в теме «Образование русского государства» долгое время присутствовала идеализация деятельности отдельных правителей, особенно Ивана IV. В курсе идеализировалась роль полководцев, «но забывалась их классовая принадлежность»¹⁷.

В первые месяцы после XX съезда КПСС, помимо чисто «ритуальных» выступлений при обсуждении партийных документов, порой встречались смелые позиции сибирских историков (например, упомянутое выше выступление профессора И.М. Разгона в марте 1956 г. на расширенном заседании ученого совета ИФФ ТГУ, посвященном итогам работы XX съезда). В конце марта 1956 г. на партсобрании Омского пединститута (ОмГПИ) с прямой и критичной речью выступил историк С.А. Сливко. Он заявил: «...Мне, как испытывшему последствия культа личности, очень трудно говорить об этом. И это испытали сотни тысяч наших людей. Я могу назвать многих сейчас работающих здесь людей, испытывших последствия культа личности. И если меньшевики опозорили большевистскую «Искру», то сейчас опозорена наша «Правда», ибо в ней каждая статья не прошла без упоминания о Сталине. Пострадавших нужно восстановить. <...> Делалось самоуправство при прямом содействии Сталина. Это трудно пережить, но нужно и необходимо давать нашим студентам правильное направление в сложившемся»¹⁸.

Историки всех вузов сходились во мнении, что в предшествующий период знания студентов, в большей степени, определялись количеством конспектов работ классиков марксизма-ленинизма (и, прежде всего, самого Сталина). А у преподавателей даже устанавливалась практика, когда один человек разрабатывал лекцию, а другие вслед за ним ее повторяли в разных аудиториях¹⁹. И это было понятно: в условиях боязни прочитать неверную, с идеологической точки зрения, лекцию, ошибиться в ее политическом содержании, правильном освещении тех или иных событий, лекторы перестраховывались и пользовались выверенным материалом.

Общей риторикой для всех выступавших на собраниях и в пре-

ниях в этот период, когда обсуждались съездовские документы, было мнение о том, что в предыдущие десятилетия в учебном, научном и политико-воспитательном процессах на кафедрах и факультетах все было не правильно. Сотрудники критиковали сложившуюся политическую систему, неумелое руководство, обстоятельства, которые довели над каждым из них, признавали системные и коллективные ошибки и недочеты в процессе подготовки гуманитариев вообще и историков, в частности. Однако никто не критиковал персонально себя или своих коллег (пофамильно), старались все «списать» на культ личности, «догматизм и начетничество», «общую ситуацию» и прочее.

При всех позитивных изменениях, продекларированных и начавших происходить в научно-образовательном и политико-воспитательном процессах, стала закономерным плохая обеспеченность высшей школы учебными и методическими материалами, что в условиях сверхцентрализации всех этих процессов (осложненная отсутствием инициативы на местах) негативно отражалась как на преподавателях, так и на студентах. Особенно сложной была ситуация с программами и учебной литературой по новой и новейшей истории СССР и зарубежных стран. Большинство имевшихся учебно-методических материалов по историческим дисциплинам после XX съезда КПСС значительно устаревали, теряли свою актуальность, требовали модернизации. Серьезной была проблема и с учебниками: по ряду исторических дисциплин новых учебников не издавалось. Особенно тяжелое положение возникло из-за отсутствия изданных учебников по советскому периоду истории СССР, по последнему периоду новейшей истории зарубежных стран, по современной истории стран Востока. Недостаток, а по некоторым дисциплинам и полное отсутствие, учебников и переработанных программ, создавали для преподавателей немалые трудности²⁰.

Идеологическая трансформация периода «оттепели» имела важные организационные последствия для высшей школы СССР. В особенности, для такого существенного ее сегмента как общественно-политическая работа при подготовке специалистов, и, прежде всего, историков.

18 июня 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС «О преподавании в высших учебных заведениях политической экономии, диалектического и исторического материализма и истории КПСС»²¹. Согласно ему, с 1956/57 учебного года в вузах вместо преподавания единого курса «Основы марксизма-ленинизма» вводилось преподавание трех самостоятельных дисциплин: диалектического и исторического материализма, политической экономии и истории КПСС. Последний должен был быть освобожден от излишнего синтеза с идеологией и выполнял конкретные познавательные историко-партийные функции. Реализация этого постановления, по мнению партийного руководства, должно было оказать положительное воз-

действие на улучшение работы по формированию молодых специалистов в духе марксизма-ленинизма, «воспитанию их убежденными, сознательными строителями коммунизма».

Для преподавания новых курсов и подготовки специалистов для системы высшего образования, кафедры их осуществлявшие, получали одноименное название. В первую очередь, эти кафедры открывались в университетах, так как в них имелись соответствующие специалисты, которые могли обеспечивать их работу, а также именно университеты должны были стать базой подготовки таких преподавателей для вузовской системы и последующего повышения их квалификации. Кафедры открывались путем реорганизации (разделения) кафедр основ марксизма-ленинизма (или выделения из них новых кафедр) и создания на их базе самостоятельных общеуниверситетских структур, получавших обобщенное название кафедр общественных наук: истории КПСС, политэкономии, научного коммунизма, диалектического и исторического материализма.

* * *

Решения XX съезда КПСС и последовавшие за ними директивные документы послужили толчком для преодоления недостатков в организации исторической науки, содействовали ее дальнейшему развитию. Во второй половине 1950-х гг. – 1960-е гг. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли ряд постановлений, ориентировавших историков на дальнейшее изменение не только тематики и направленности, но и принципов организации научной работы²². Соответственно, менялись направления исследований в регионах, способы и формы организации исторического сообщества.

Ранее разобщенность провинциальных историков обуславливалась отсутствием центра координации их исследований, что было характерным явлением для периферийных регионов СССР и РСФСР в первое послевоенное десятилетие. Это, в свою очередь, приводило к мелкотемью и дублированию исследований. Как следствие – отсутствовали обобщающие труды по региональной исторической тематике.

Новые установки требовали от региональных историков координации своей исследовательской работы. Теперь поступал государственный заказ на выпуск обобщающих трудов по истории отдельных регионов, их рабочего класса, крестьянства, интеллигенции и т.д.

Благодаря новым научно-организационным установкам стала возможна работа по подготовке на протяжении 1960-х гг. сибирскими историками при координации Сибирского отделения АН СССР фундаментального пятитомного труда по истории Сибири. До публикации в конце 1960-х гг. академического издания «История Сибири», подобного рода исследование по истории периферийного ре-

гиона отсутствовало в РСФСР. В течение 1980-х гг. в издательстве «Наука» вышли пятитомные монографии «История крестьянства Сибири» и «История рабочего класса Сибири», системная работа над которыми велась сибирскими историками на протяжении 1960-х – 1970-х гг.²³

Изменения в принципах и порядке организации политико-воспитательной и идеологической работы при подготовке историков имели самое прямое на них влияние. Именно эта составляющая была одним из важнейших элементов при формировании не только профессионала-историка, но и носителя особого идеологического знания, человека, способного реализовывать эти знания на практике и проводить их в жизнь при организации политико-воспитательной работы с учащимися (а шире – с населением). С другой стороны, изменения, хотя и не совсем кардинальные, общественно-политического климата в стране позволили и самим историкам (как студентам, так и преподавателям) на некоторое время занять активную общественно-политическую позицию, что в некоторых случаях приводило к проявлениям ограниченного диссидентства и иным неблагоприятным для партийно-государственных органов последствиям.

Проведение в течение нескольких месяцев после XX съезда КПСС большого количества теоретических конференций, диспутов, творческих дискуссий и иных мероприятий стало отличительной особенностью общественно-политической жизни вузов, особенно редким явлением для Сибири.

Декларируемая в программных партийных документах идея борьбы с культом личности, догматизмом, цитатничеством, начетничеством и с иными проявлениями диктата в области высшего образования и науки периода позднего сталинизма требовала активного включения в процесс построения новой системы и структуры научно-образовательного процесса самих же его участников – научно-педагогических работников, студентов и вузовской общественности. Без проведения подобного рода мероприятий невозможно было решать задачи, поставленные XX съездом.

Предыдущий период вообще не предполагал самой возможности существования реальных творческих дискуссий ни на локальном уровне (в вузах, в их структурных подразделениях и т.д.), ни на региональном и, тем более, на общегосударственном. Все дискуссии были контролируемые и режиссируемые, а не вписывавшаяся в идеологическую парадигму инициатива ученых всегда жестко пресекалась.

В позднесталинский период в вузах практиковалось проведение не дискуссий (их сложно было контролировать), а методологических семинаров, на которых в якобы творческой и свободной форме в виде докладов и следовавшими за ними обсуждениями, закладывались основные идеологические и методологические уста-

новки для научно-педагогических работников, согласно которым они должны были выстраивать свою научно-образовательную и воспитательную деятельность.

В большинстве случаев в сибирских вузах и в их исторических структурных подразделениях, общественно-политические мероприятия по итогам XX съезда КПСС проходили в «штатном режиме» и не вызывали серьезных потрясений. Исключением на рубеже 1956 и 1957 гг. оказался ТГУ (в нем преподаватели и студенты породили общественные волнения), а вместе с ним и Томский пединститут. В последнем, хотя и не велась подготовка историков (историческое отделение в нем было закрыто и переведено в ТГУ в 1955 г.), но выпускники ИФФ ТГУ (Ю.В. Куперт, А.А. Говорков и другие), работавшие на кафедре марксизма-ленинизма пединститута, оказались «зачинщиками» неблагоприятных для партийного руководства и администрации вуза процессов²⁴.

Предыстория конфликта была связана с событиями ноября-декабря 1956 г., когда во всех вузах Томска и их структурных подразделениях состоялись отчетно-выборные партийные и комсомольские собрания и конференции, а также проведен ряд диспутов. В отличие от подобного рода мероприятий прошлого периода эти форумы, в целом, «показывали возросшую политическую активность коммунистов и комсомольцев, более высокий уровень критики и самокритики недостатков всех сторон деятельности учебных заведений». Почти все выступления носили «деловой и принципиальный характер, чувствовалась забота коммунистов о дальнейшем улучшении работы вузов, повышении уровня партийно-организационной и политической работы парторганизаций». Основным содержанием выступлений большинства коммунистов на собраниях и конференциях была критика недостатков партийной и комсомольской работы, учебно-воспитательной и хозяйственной деятельности вузов. Большое внимание в прениях уделялось недостаткам в работе по воспитанию студентов²⁵.

Однако состоявшийся комсомольский диспут в ТГУ, который был посвящен вопросам дальнейшего развития ВЛКСМ на всесоюзном и на местном уровне, выбивался из общей благодушной картины. Студент Г. Швейник в ряду дежурных и достаточно осторожных высказываний своих коллег заявил о формализме и заорганизованности в комсомольской организации университета. Среди выступивших оказался и выпускник ИФФ ТГУ, заместитель секретаря комитета ВЛКСМ ТГУ, кандидат в члены КПСС, ассистент кафедры всеобщей истории ИФФ Н.С. Черкасов²⁶. В своем выступлении он развивал тезис о необходимости большей самостоятельности комсомола, указывал на то, что многие студенты лишь формально числились в ВЛКСМ, что назрела необходимость пересмотра порядка приема в комсомол в школе и т.д.²⁷ Это выступление с его стороны стало попыткой пересмотра организации комсомольской жизни

в сторону развития и претворения в жизнь идей XX съезда КПСС, чтобы вдохнуть реальную жизнь в эту уже закостеневшую общественную организацию.

Н.С. Черкасов уже после, на собрании парткома ТГУ (на котором рассматривалось его персональное дело) по поводу этого диспута говорил, что он согласился не со всеми тезисами докладчика, а лишь с теми, которые являлись, по его мнению, идеологически верными. Но один из членов парткома заявил, что «даже в речах Черчилля и Даллеса есть положительные высказывания по отношению к СССР»²⁸, чем явно указал на политическую неблагонадежность Н.С. Черкасова. На том же заседании парткома, один из его членов доцент Н.Ф. Бабушкин назвал этот диспут «антисоветчиной, махровым сборищем всего антисоветского, где партия была оклеветана, а Хрущев был поставлен в один ряд с Эйзенхауэром»²⁹.

Риторика, заданная общеуниверситетским диспутом, имела продолжение на комсомольском собрании ИФФ ТГУ, состоявшемся в декабре 1956 г. под лозунгом «Эй, товарищ, больше жизни!». «С точки зрения сегодняшнего дня, там не было никакого инакомыслия, но царило стремление студентов высказаться и выразить свое мнение», – вспоминал участник тех событий, молодой преподаватель ИФФ ТГУ Б.Г. Могильницкий (позже – профессор, декан факультета)³⁰.

Ноябрьский университетский диспут и декабрьское комсомольское собрание ИФФ ТГУ вызвали живую реакцию и волну обсуждений не только в студенческой и преподавательской среде, но и партийные органы вынуждены были вмешаться в эти события, которые явно выходили из-под их идеологического контроля. 20 декабря 1956 г. было проведено совещание ректоров, директоров и секретарей парторганизаций вузов Томска по итогам проведенных отчетно-выборных собраний в партийных и комсомольских организациях вузов. Заседание проходило под председательством второго секретаря Томского обкома КПСС Н.В. Лукьяненко. На этом совещании обсуждались события ноября-декабря 1956 г. в ТГУ, но, прежде всего, ход и итоги комсомольского собрания на ИФФ. Сами события участниками собрания были признаны вопиющим явлением для вузов Томска, отмечена слабость политико-воспитательной работы в вузах среди студентов, выявлено «присутствие демагогии, антисоветских настроений и негативных высказываний в студенческой среде»³¹.

9 января 1957 г. было принято решение Томского обкома КПСС «О политико-воспитательной работе среди студентов ТГУ». В отношении наиболее активных участников тех событий были приняты как дисциплинарные меры, так и меры административного воздействия. Seriously пострадал молодой историк Н.С. Черкасов: его исключили из кандидатов в члены КПСС «за политическую неустойчивость» и уволили с работы. Более того, в его доме и на ка-

федре были произведены обыски и изъяты документы (служебные и личные)³². Негативную роль здесь, разумеется, сыграла строка его анкеты: его отец был осужден в 1938 г. по 58 статье УК РСФСР. Возможно, органы госбезопасности в ходе этого разбирательства пытались найти более «серьезные» основания для его уже уголовного преследования, однако климат «оттепели» все-таки не давал возможность развернуть ширококомасштабных репрессий.

Многие студенты ИФФ сочувствовали подвергнутому гонениям преподавателю, который пользовался у них авторитетом и уважением³³. По этому поводу член партбюро ИФФ ТГУ М.Е. Плотникова отмечала, что «многие сочувствовали Черкасову и даже были участниками преподнесения подарков ему. Такая позиция многих коммунистов привела к плохим результатам – студенты стали требовать все, что им вздумается»³⁴. После своего увольнения Н.С. Черкасов вынужден был несколько лет проработать на заводе рабочим³⁵, но уже в 1965 г. вернулся на работу в ТГУ благодаря поддержке своего учителя А.И. Данилова, ставшего ректором ТГУ.

Такая острая и несоразмерная последствиям реакция партийного руководства области, города и вузов на имевшие место события в течение ноября-декабря 1956 г. и последовавшие затем жесткие организационно-дисциплинарные меры воздействия, объяснялись рядом обстоятельств.

Прежде всего, активно начавшийся процесс дискуссий по поводу возможного реформирования существовавшей социально-политической модели в стране грозил выйти за пределы контролируемых обсуждений и перерасти в неконтролируемые активные политические (вполне возможно, даже и силовые) действия. Июньские («Познанский июнь») и октябрьские («Польский Октябрь») события в Польше 1956 г., события в Венгрии (названные в советской историографии «Венгерским контрреволюционным мятежом») в октябре-ноябре 1956 г., показали, что ослабление идеологического контроля за населением, особенно за студенчеством, научно-педагогическими работниками и в целом за интеллигенцией, мог привести к прямому противостоянию. Поэтому с начала 1957 г. от кардинальных, внутренних, содержательных, сущностных дискуссий и обсуждений решено было уйти, сконцентрироваться исключительно только на внешних и во многом формальных вопросах организации жизни в стране и в общественно-политических организациях, а основной «удар» перенести исключительно на борьбу с культом одной только личности, не развивая эту проблематику.

В результате венгерских событий и имевших место в стране «антисоветских выступлений интеллигенции» осени-зимы 1956 г. 19 декабря 1956 г. было принято постановление Президиума ЦК КПСС и разослано «Письмо ЦК КПСС к партийным организациям “Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов”».

В письме содержалось требование обсудить постановление во всех первичных партийных организациях страны и принять меры в целях предупреждения в дальнейшем подобных событий и недопущения таких «вылазок»³⁶.

Спустя год после XX съезда, 2 марта 1957 г., было принято постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР. В нем отмечались «крупные недостатки в работе с интеллигенцией в Томской области»³⁷. Эти недостатки в постановке политической работы среди интеллигенции конкретного региона были затем положены в основу работы партийных организаций крупных сибирских городов, особенно там, где был большой вузовский сегмент, как, например, в Омске³⁸.

В самом Томске в мае 1957 г. было принято постановление IV пленума Томского обкома КПСС «О работе среди интеллигенции Томской области», которое подробно было обсуждено 21 мая в ТГУ на закрытом партсобрании ИФФ. В постановлении была проанализирована ситуация среди интеллигенции города, охарактеризован низкий уровень организации и проведения политико-воспитательной работы среди томской интеллигенции. В итоге Томский обком КПСС констатировал, что среди общественности города неправильно поняли решения XX съезда КПСС и последовавших за ним партийных документов³⁹.

Университетские историки (а если быть точными, то администрация и партийные функционеры ИФФ ТГУ), признавая и оправдывая свои промахи с идейно-политической подготовкой специалистов, все же старались уйти в сторону персоналий, таким образом снимая с себя самих большую долю ответственности. Прежде всего, речь шла о выпускнике ИФФ ТГУ, преподавателе истории КПСС в Томском пединституте Ю.В. Куперте, который стал активным участником тех событий и был уволен за свои выступления из вуза. В итоге партсобрание ИФФ ТГУ полностью одобрило решения Бюро ЦК КПСС по РСФСР и пленума Томского обкома КПСС о неудовлетворительном состоянии политической работы среди интеллигенции, и признало, что некоторые выпускники ИФФ «не оправдали доверия»⁴⁰.

При всем при этом на университетских историков по-прежнему продолжали возлагаться функции по формированию идеологической повестки, по подготовке кадров для учреждений и организаций разной специфики и направленности – начиная от научно-образовательных и заканчивая партийными, государственными и общественными. Выступивший на том же закрытом партсобрании ИФФ ТГУ ректор ТГУ А.П. Бунтин заявил, что ИФФ «является ведущим в идейном отношении и имеет исключительно большое значение для проведения политико-воспитательной работы среди интеллигенции города <...> Ведущую роль ИФФ надо проявлять больше, чем она есть»⁴¹.

Эти события в одном сибирском городе ярко характеризовали довольно распространенную в тот период ситуацию. На волне демократизации по результатам XX съезда КПСС, партийно-государственное руководство хотело разрядить общественно-политическую обстановку, но после событий в Восточной Европе и нарастания внутреннего «инакомыслия», стало понятно, что излишне был ослаблен политико-идеологический контроль за отдельными группами населения (прежде всего, за интеллигенцией и студенчеством). После этого вся развернувшаяся критика была поставлена под жесткий контроль и в конце свернута: «Этим антисоветским вылазкам был дан решительный отпор, клеветники и демагоги были подвергнуты общественному осуждению»⁴².

* * *

С началом «оттепели» изменяется содержание и направленность неформальных студенческих образований. Раньше они имели характер литературных и эстетических, зачастую тайных, законспирированных объединений студентов и неофициальных клубов по интересам, которые, хотя и не имели никакой общественно-политической нагрузки, но были крайне не желательными для партийно-комсомольских руководителей и администрации вузов.

Профессор Б.Г. Могильницкий (в то время студент ИФФ ТГУ), характеризуя деятельность одного из неформальных студенческих объединений томских студентов – «Лунного общества» (1948 г.), – куда входили, в основном, студенты ИФФ ТГУ и ТГПИ, определял его как «литературно-эротическое общество»⁴³.

Со второй половины 1950-х гг. неформальные объединения студентов начинают приобретать общественно-политический характер. В Москве, Ленинграде и некоторых других крупных вузовских центрах СССР стали создаваться неофициальные молодежные организации и кружки политической направленности.

Так, в Ленинграде в 1963–1965 гг. был организован и действовал «Союз коммунаров» (группа «Колокол»), выпустивший программную брошюру под авторством В.Е. Ронкина и С.Д. Хахаева «От диктатуры бюрократии к диктатуре пролетариата». Ее смогли прочитать довольно большое количество человек, тем более что основной аудиторией этого издания были студенты крупных вузов страны, включая сибирские, в том числе и Томска.

На этой волне студенты ТГУ и ряда других вузов Томска (из политехнического, педагогического и медицинского институтов) в 1963 г. тоже решили создать свой подпольный молодежный кружок. В него в основном входили действительные или бывшие студенты-историки – братья В. Мицко и И. Мицко, Н. Томилов, Ю. Ануфриев, В. Коврижкин, О. Гончаренко⁴⁴.

Своей главной задачей члены кружка видели пропаганду. На за-

седаниях члены кружка делали научные доклады, устраивали дискуссии по наиболее интересным для них политическим темам. Один из докладов назывался «О сущностном тождестве фашизма и сталинизма», другой был посвящен «венгерской революции» 1956 г. и т.д. Всего за время короткой деятельности кружка было сделано 10 докладов. В 1965 г. органы госбезопасности разогнали кружок. Никто из его членов не был осужден по уголовным статьям (в отличие от участников группы «Колокол»), но всех их исключили из комсомола, из университета и институтов. Юношей отправили в армию «на перевоспитание», а тех, кто работал на производстве, уволили. Студентов, кто не попал в армию, и некоторых девушек отправили на некоторое время на заводы Томска «для перевоспитания в заводских коллективах»⁴⁵.

Другим примером умеренного диссидентства историков, ставшим возможным в результате ослабления партийно-идеологического контроля и «оставления без внимания отдельных отрицательных фактов в жизни студенческих групп»⁴⁶, стали события в Барнаульском пединституте (БГПИ).

Группа студентов ИФФ и факультета иностранных языков организовала «Общество умслопогасовцев». Этимология названия общества восходила к недавно «реабилитированному» в советском литературоведении после многолетнего запрета (с 1948 по 1956 гг.) роману И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев» [«Мебель – древесных мастерских Фортинбраса при Умслопогасе им. Валтасара». – Д.Х.]. Этот коллектив студентов в 1959 г. выпустил самиздатовский рукописный журнал «Умслопогас»⁴⁷ и стал «проповедовать по существу антиобщественные взгляды»⁴⁸. Но вскоре разоблаченная группа была разогнана органами госбезопасности, ее участники получили дисциплинарные и административные наказания за свою деятельность.

Студенческое диссидентство наблюдалась и в вузах автономий сибирского региона, где они имели национальную подоплеку. В основном, это было связано с аспектами национальной идентичности, культурной и даже политической автономии народов этих субъектов.

Так, в Горно-Алтайском пединституте (ГАГПИ) в 1956/57 учебном году было инспирировано «дело Малташева» – студента ИФФ ГАГПИ, которого характеризовали как «националистический фрукт»⁴⁹. По информации партийного руководства, он выражал националистические мысли в отношении алтайского народа и «против русификации региона». Кроме националистических, он высказывал и антисоветские взгляды, «критиковал советскую действительность». В связи с его делом 30 марта 1957 г. бюро обкома Горно-Алтайской Автономной области приняло постановление «Об идейно-политическом воспитании студентов в Горно-Алтайском педагогическом институте», а 15 апреля 1957 г. состоялось общее партсобра-

ние ГАГПИ, где было обсуждено это постановление⁵⁰. Парторганизация ГАГПИ отмечала, что «отдельные студенты были подвержены нездоровым настроениям, некоторые поддавались порой влиянию чуждой нам идеологии. Некоторые студенты утверждают, что советская демократия стоит ниже по своей демократичности, в капиталистических странах она развита сильнее; О СЛАБОЙ РАБОТЕ СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ПРЕСЛОВУТАЯ ИСТОРИЯ МАЛТАШЕВА [Выделено в тексте документа. – Д.Х.]»⁵¹.

Вероятно, подобные «нездоровые настроения» стали результатом влияния «оттепели» на молодые национальные кадры гуманитарной интеллигенции.

* * *

Учебный, воспитательный и идеологический процессы при подготовке историков в период «оттепели» были неразрывно связаны. В сибирских вузах продолжали внедряться и реализовываться как общесистемные подходы к построению образовательного и воспитательного процессов при подготовке историков, так и вырабатываться собственные формы и методы, связанные с особенностями каждого конкретного коллектива историков, вуза, города и региона.

Особые акценты в эти процессы внес прошедший в начале 1959 г. XXI съезд КПСС. На рубеже 1950-х – 1960-х гг. в Новосибирском пединституте (НГПИ), основывая свою работу на решениях XXI съезда КПСС «и огромных задачах, поставленных партией и правительством», пошли по пути «решительного перелома в постановке преподавания всех исторических дисциплин и усиления идейно-политического воспитания студентов»⁵². Учитывая, что важнейшее значение в деле формирования коммунистического мировоззрения у будущего историка как педагога и воспитателя, имела отечественная история, члены кафедры истории НГПИ в лекциях, на семинарских занятиях и консультациях особо обращали внимание на правильную и четкую постановку важнейших разделов курсов в духе большевистской партийности, политической заостренности и классовой оценки явлений общественной жизни, деятельности исторических личностей, доказывая, что народные массы являлись решающей созидательной силой общества, главным рычагом общественного прогресса, что они создавали все материальные блага, без которых невозможно было бы не только развитие науки, искусства, культуры, но и существование самого общества⁵³.

Особо важная роль при подготовке историков отводилась изучению истории советского периода, лекционный курс и семинарские занятия по которому освещались, исходя из постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», решений XXI и XXII съездов КПСС и других партийных документов, с учетом выпуска новой документальной и монографической лите-

ратуры, посвященной вопросам истории Советского государства. Такое освещение курса сказывалось на всех видах работы со студентами по истории советского периода, но прежде всего на учебно-исследовательской работе – при написании курсовых работ. Студентам предлагались новые проблемы и темы, призванные по-новому взглянуть на сюжеты советской истории, ставшие к тому времени уже догматическими и требовавшие пересмотра: «Революционная инициатива рабочих Петрограда в проведении рабочего контроля», «Декрет о мире – декларация советского государства о новых принципах международных отношений и внешней политики» и т.д.

Важной составляющей учебного процесса являлись спецсеминары для студентов. В НГПИ они проводились по таким темам: «Ленин – идейный руководитель VI съезда партии», «Ленинская теория вооруженного восстания», «Решение национального вопроса в СССР»⁵⁴. Такие темы были призваны очистить историю от последствий культа личности, возвратиться к ленинским началам в исторической науке и т.п.

Преподавание истории СССР советского периода в процессе подготовки историков увязывалось с курсом всеобщей истории, в котором ставились задачи «вооружить студентов знанием законов общественно-исторического развития, воспитать их в духе марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма»⁵⁵. В НГПИ для этого, как в лекциях, так и на семинарских занятиях, уделялось особое внимание изучению таких тем: «Революционное рабочее движение и образование социалистических партий», «Международный характер и значение Великой Октябрьской Социалистической Революции», «Борьба В.И. Ленина с ревизионизмом в международном рабочем движении». Последняя тема стала особенно важной после событий в Восточной Европе и в связи с осложнением отношений между СССР и КНР). Также раскрывалась всемирно-историческая роль СССР как ведущей силы «могучего лагеря мира, демократии и социализма». Даже в лекциях по истории древнего мира и средних веков большое внимание уделялось раскрытию закономерностей исторического процесса, всестороннему показу роли народных масс в общественном развитии, критике взглядов представителей буржуазной исторической науки (как российских дореволюционных, так и современных зарубежных) на историю древнего мира и средних веков⁵⁶.

Значительное место в определении направлений развития научного творчества советских историков заняло «Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам», созванное по решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР в декабре 1962 г. Организация всевозможного рода совещаний с представителями творческой, научной и инженерной интеллигенции стала характерной чертой «оттепели»⁵⁷.

На Всесоюзном совещании историков речь шла о состоянии на-

учного сообщества историков и издаваемых ими трудов в новых общественно-политических условиях. В работе совещания участвовало около двух тысяч человек, которые работали по трем секциям – история КПСС, история СССР и всеобщая история. Большая часть выступлений на пленарных и секционных заседаниях совещания, прения по докладам и иные материалы были посвящены критике культа личности Сталина и его последствиям для самой исторической науки, а также шел разговор о состоянии и перспективах развития исторической науки в стране⁵⁸.

Совещание инициировало начало некоторых позитивных тенденций в развитии исторической науки. В частности, стали более доступны архивы, расширялись контакты историков с зарубежными коллегами, преимущественно, из стран социалистического блока. Так, со второй половины 1950-х гг. для сибирских историков впервые открылась уникальная возможность взаимодействия с иностранными учебными и научными заведениями стран Восточной Европы. Подготовка научно-педагогических кадров историков в стране стала приобретать более системный характер. В частности, расширялась сеть аспирантуры не только в центре, но и на периферии, в том числе в вузах Сибири, вводились должности старшего научного сотрудника для лиц, готовивших докторские диссертации, повышалась требовательность к отбору аспирантов и научных руководителей и т.п.

* * *

Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. наблюдались противоречивые процессы в развитии общественных и гуманитарных наук. Изменения, начавшиеся в стране после XX съезда КПСС, ознаменовали собой начало качественно нового этапа в истории советского государства и общества. По итогам съезда и начавшегося процесса десталинизации во всех сферах жизни советского общества, предполагалось внести важные изменения во все сферы, в том числе и в высшей школе. Повышение качества образования и подготовки специалистов, развитие творческого начала в учебном и научном процессах, приближение идейно-политического воспитания к реальным потребностям жизни советского общества, задумывались как неотъемлемая составляющая проводимых реформ. Следуя этим установкам, был издан ряд партийно-государственных документов, которые своей целью имели реформирование высшей школы и модернизацию научно-образовательного процесса при подготовке специалистов с высшим образованием.

Исторический сегмент советской высшей школы в большей степени подвергся воздействию этих процессов, поскольку именно на историю и историков была сделана ставка по преодолению многих деформаций и «извращений» марксистско-ленинской науки

и истории партии в предшествующие периоды. Это обуславливалось не только особой ролью истории как науки и учебной дисциплины, но и кадровыми факторами. Дело в том, что базой для пополнения профессорско-преподавательского состава кафедр общественных наук сибирских вузов (триада обществоведческих кафедр – политэкономии, диамата и истмата, истории КПСС) были как раз исторические факультеты и отделения университетов и отчасти пединститутов, что было характерно для периферийных научно-образовательных комплексов, поскольку иного источника пополнения кадров обществоведов не было. Ведь на периферию из центра специалисты ехали с неохотой. Именно поэтому историческое образование стояло в центре внимания, как важная составляющая всей высшей школы.

Но главные изменения происходили в области организации политико-воспитательной работы среди студенчества, что выражалось во включении как самих учащихся, так и молодых преподавателей в дискуссии по различным аспектам общественно-политической и профессиональной жизни советского государства и общества. Однако приобретавшее все более широкий масштаб свободомыслие (хотя и довольно ограниченное, не выходящее за пределы официальной марксистско-ленинской идеологии), события в Польше и Венгрии 1956 г. и ряд иных обстоятельств, не позволили этому движению развиваться в более яркое и значимое явление. Уже в 1957 г. в сибирских вузах все последствия диспутов и собраний, которые имели место во второй половине 1956 г. были сведены на «нет», партийные органы взяли под свой полный контроль дальнейшее развитие в области реформирования и обсуждения ситуации в стране и в высшей школе, а наиболее яркие участники этих событий (как правило, это были студенты и молодые историки, а также преподаватели кафедр общественных наук) подвергнуты дисциплинарному, административному или даже уголовному преследованию. Предлагавшиеся в высшей школе на разных уровнях (от кафедрального до вузовского и даже регионального) преобразования, которые могли бы иметь благоприятные последствия для высшей школы, были преданы забвению. Инициатива с мест не получала развития, и к периферийным вузовским работникам и студентам органы государственной власти так и не прислушались.

Утвердившиеся в сталинский период в общественных и гуманитарных науках и дисциплинах догматизм, невозможность поставить под сомнение «положения и выводы» речей и статей «вождя народов» и партийных идеологов, не позволяли осуществлять действительно научное познание прошлого и делать анализ настоящего. Постоянное вмешательство властей в деятельность ученых (не только гуманитариев, но и представителей естественнонаучного направления), идеологические накачки и идеологические кампании, отсутствие свободных дискуссий и связей с зарубежными специалистами

ми, осложняли ситуацию.

Непосредственно для исторического знания (как совокупности образовательного, научного и политико-воспитательного конструктов) «оттепель» означала некоторое ослабление идеологического диктата и контроля со стороны партийно-государственных органов, сделавшее возможными методологические поиски в рамках господствовавшей марксистской парадигмы в образовании и науке. Произошло значительное расширение сети научно-исследовательских учреждений, появление новых научных изданий, состоялся запоздалый выход советских историков на международную арену, установились их первые (весьма на тот момент ограниченные) контакты с зарубежными коллегами.

Однако сами историки, а тем более, периферийные, отлученные от центра, от основных интеллектуальных событий того периода, не имевших возможности не только воздействовать на них, но и вовремя адекватно разобраться в тех скорых изменениях, которые сваливались на них, не знали что делать с этими изменениями, с этими открывшимися возможностями, как ими распорядиться, как их применить на практике. Среднее и старшее поколение провинциальных историков, прошедших весь период (или, по крайней мере, последнее десятилетие) сталинского правления, череду идеологических кампаний, чехарду и смену научных исторических парадигм и направлений, низвержение авторитетов и целых отраслей науки и научных направлений, так и не отважились на решительные действия. А в большинстве случаев, все-таки, они и не хотели на это отваживаться, поскольку они были верными сторонниками и проводниками консервативной идеи о роли и месте истории в советском государстве и о месте историков в общественно-политической и идеологической жизни вуза, региона, страны... Проблема заключалась и в том, что они попросту не знали, что уже дозволено, а что нет, до какой степени можно ломать сложившиеся установления, а где следует остановиться. Напротив, у молодого поколения историков (преподавателей, аспирантов, большинства студентов) оказался творческий запал, интеллектуальный потенциал для введения каких-либо новшеств, но при отсутствии поддержки и политической воли со стороны руководства, их начинания закончились полным крахом.

Примечания Notes

¹ «О культе личности и его последствиях»: Доклад Первого секретаря ЦК КПСС тов. Хрущева Н.С. XX съезду КПСС 25 февраля 1956 г. // Известия ЦК КПСС. 1989 г. № 3. С. 128–166.

² XX съезд КПСС и задачи исследования истории партии [Передовая] // Вопросы истории. 1956. № 3. С. 3–12; За ленинскую партийность

в исторической науке! [Передовая] // Вопросы истории. 1957. № 3. С. 3–19; За творческое изучение истории Великой Октябрьской социалистической революции [Передовая] // Вопросы истории. 1957. № 7. С. 3–16; От редакции (О задачах и направлении журнала в связи с выходом первого номера) // История СССР. 1957. № 1. С. 3–6.

³ Heer Nancy W. Politics and History in the Soviet Union. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1971; Cohen Stephen F. Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. Oxford: Oxford University Press, 1986.

⁴ Markwick Roger D. Rewriting History in Soviet Russia: The Politics of Revisionist Historiography, 1956 – 1974. Palgrave Macmillan, 2001; Ferro Marc. The Use and Abuse of History, Or How the Past Is Taught to Children. London; New York: Routledge, 2003.

⁵ Сизов С.Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946 – 1964 гг. (На материалах Западной Сибири). Ч. 2. Омск, 2001; Ушмаева К.А. Историки и власть на юге России (1917 – 2000 гг.). Ставрополь, 2006; Хорошенкова А.В. Организация профессиональной подготовки историков в вузах Нижнего Поволжья в 1945 – 1991 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 397. С. 187–192.

⁶ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-815. Оп. 25. Д. 4364. Л. 58–60об; Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 2433. Л. 14–22; ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2402. Л. 1–7; Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 758. Л. 11–15; Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИ ИО). Ф. 143. Оп. 1. Д. 79. Л. 23–26об.; ГАНИ ИО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 79. Л. 41–53; ГАИО. Ф. Р-842. Оп. 1. Д. 361. Л. 240–243; Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1596. Оп. 1. Д. 159. Л. 70–71; Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. П-2236. Оп. 1. Д. 41. Л. 27–30; ИАОО. Ф. П-17. Оп. 1. Д. 7118. Л. 15–18; ИАОО. Ф. Р-1027. Оп. 1. Д. 126. Л. 30–31; Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. П-385. Оп. 1. Д. 19. Л. 9–12; Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИ ТО). Ф. П-1438. Оп. 1. Д. 34. Л. 67–71; Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО). Ф. Р-765. Оп. 1. Д. 88. Л. 194–195; ГАТюмО. Ф. Р-765. Оп. 1. Д. 189. Л. 1; Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-161. Оп. 1. Д. 50. Л. 25–30.

⁷ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 25. Д. 4364. Л. 58–60об.

⁸ За советскую науку! [Многотиражная газета ТГУ]. (Томск). 1956. 25 марта.

⁹ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 25. Д. 4364. Л. 58об.

¹⁰ За советскую науку! 1956. 25 марта.

¹¹ Там же.

¹² ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 25. Д. 4364. Л. 59об.

¹³ Там же.

¹⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 9. Д. 4. Л. 108.

¹⁵ ГАСПИ ТО. Ф. П-1438. Оп. 1. Д. 34. Л. 30.

¹⁶ ГАНИ ИО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 79. Л. 45–53.

- ¹⁷ Там же. Л. 47.
- ¹⁸ ИАОО. Ф. П-2236. Оп. 1. Д. 41. Л. 27–28.
- ¹⁹ ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 9. Д. 4. Л. 108.
- ²⁰ ГАТюмО. Ф. Р-765. Оп. 1. Д. 88. Л. 197; Д. 189. Л. 18–19.
- ²¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898 – 1988). Т. 9. Москва, 1986. С. 105.
- ²² Высшая школа: Основные постановления, приказы и инструкции. Москва, 1957. С. 215–218; Собрание постановлений Правительства СССР. 1964. № 3. ст. 15.
- ²³ Хаминов Д.В. Научно-организационная деятельность историков второй половины XX в. по подготовке фундаментальных трудов по истории сибирского региона // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 149–156.
- ²⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Л. 2486. Л. 7–8.
- ²⁵ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2416. Л. 137–140.
- ²⁶ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 29. Д. 735. Л. 7.
- ²⁷ ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 9. Д. 72. Л. 5.
- ²⁸ Там же. Л. 7.
- ²⁹ Там же. Л. 10.
- ³⁰ Могильницкий Б.Г. Вспоминая пережитое // Историческому образованию в Сибири 90 лет: Исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах. Томск, 2008. С. 145.
- ³¹ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2402. Л. 1–7.
- ³² ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 29. Д. 735. Л. 7.
- ³³ ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 10. Д. 67. Л. 4.
- ³⁴ Там же. Л. 2, 4.
- ³⁵ ГАТО. Ф. Р-815. Оп. 29. Д. 735. Л. 7.
- ³⁶ Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. Москва, 2002. С. 393–401.
- ³⁷ Справочник партийного работника. Вып. 1. Москва, 1957. С. 378–380.
- ³⁸ ИАОО. Ф. 17. Оп. 70. Д. 28. Л. 7–8.
- ³⁹ ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 10. Д. 67. Л. 33–38.
- ⁴⁰ Там же. Л. 37.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2435. Л. 123–124.
- ⁴³ Могильницкий Б.Г. Указ. соч. С. 137.
- ⁴⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 115. Оп. 10. Д. 283. Л. 85.
- ⁴⁵ Томский вестник. (Томск). 1992. 17 февр.
- ⁴⁶ ГААК. Ф. П-385. Оп. 1. Д. 23. Л. 28.
- ⁴⁷ Савенко Е.Н. Самиздат в Сибири и на Дальнем Востоке // Историческая энциклопедия Сибири. В 3 т. Т. 3. Новосибирск, 2009. С. 8, 9.
- ⁴⁸ ГААК. Ф. П-385. Оп. 1. Д. 23. Л. 28.
- ⁴⁹ Государственный архив социально-политической документации Республики Алтай (ГАСПД РА). Ф. П-1033. Оп. 1. Д. 12. Л. 20.
- ⁵⁰ Там же. Л. 15–21.
- ⁵¹ Там же. Л. 22.

⁵² ГАНО. Ф. Р-1596. Оп. 1. Д. 159. Л. 67.

⁵³ Там же. Л. 69.

⁵⁴ Там же. Л. 70.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ ГАНО. Ф. Р-1596. Оп. 1. Д. 159. Л. 70–71.

⁵⁷ «Мы собрались для того, чтобы искренне высказать свои мысли» (К истории встреч Н.С. Хрущева с творческой интеллигенцией в 1962 и 1963 гг.) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 196–214.

⁵⁸ Всесоюзное совещание о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам: 18 – 21 декабря 1962 г. Москва, 1964.

Автор, аннотация, ключевые слова

Хаминов Дмитрий Викторович – канд. ист. наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск) khaminov@mail.ru

В статье, благодаря привлечению большого массива неопубликованного ранее архивного материала, автором предпринята попытка реконструкции основных изменений, происходивших в системе высшего исторического образования и науки за десятилетие хрущевской «оттепели» (середина 1950-х – середина 1960-х гг.). В сибирских архивах автором были выявлены и введены в научный оборот разнообразные документы областных и первичных партийных организаций, государственных учреждений и высших учебных заведений Сибири. Реконструкция была проведена на примере сибирского научно-образовательного комплекса, уникального с точки зрения его истории и факторов его развития. Сибирь представляла собой периферийный регион по отношению к научно-образовательным процессам, проходившим в СССР, что обуславливало некоторые особенности ее политико-идеологического и социокультурного развития в эти годы. Исключительная важность и актуальность предмета исследования объясняется особым местом и ролью высшего исторического образования и исторической науки, которое они занимали в советский период в процессе формирования и реформирования основных политических, идеологических и социокультурных систем Советского государства и общества. Именно историки в период «оттепели» становились, с одной стороны, одними из наиболее активных участников десталинизации высшей школы, а с другой – их профессиональная деятельность неизбежно являлась объектом строго партийно-государственного контроля и активного воздействия, что имело самые серьезные последствия. В сибирских высших учебных заведениях эти последствия имели свою существенную специфику как для преподавания истории, так и для исследовательской работы историков. Наконец, они оказали решающее влияние на судьбы многих преподавателей и студентов.

«Оттепель», десталинизация, высшая школа, высшее учебное заведение, историческое образование, преподаватель истории, студент, студенческий кружок, диссидентство, самиздат, Сибирь, Томск, Томский государственный университет.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Khaminov, D.V. Nauchno-organizatsionnaya deyatelnost istorikov vtoroy poloviny XX v. po podgotovke fundamentalnykh trudov po istorii sibirskogo regiona [The Scientific and Organizational Activity of Historians during the Second Half of the 20th Century in the Preparation of Fundamental Works on the History of the Siberian Region.]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, no. 413, pp. 149–156. (In Russian).

2. Khoroshenkova, A.V. Organizatsiya professionalnoy podgotovki istorikov v vuzakh Nizhnego Povolzhya v 1945 – 1991 gg. [The Organization of Professional Training for Historians in the Universities of the Lower-Volga Region, 1945 – 1991.]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 397, pp. 187–192. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. Savenko, E.N. Samizdat v Sibiri i na Dalnem Vostoke [Samizdat in Siberia and the Russian Far East.]. *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia.]. In 3 vols. Novosibirsk, 2009, vol. 3, pp. 8–9. (In Russian).

(Monographs)

4. Cohen, Stephen F. Rethinking the Soviet Experience: Politics and History since 1917. Oxford: Oxford University Press, 1986, 222 p. (In English).

5. Ferro, Marc. The Use and Abuse of History, Or How the Past Is Taught to Children. London; New York: Routledge, 2003, 416 p. (In English).

6. Heer, Nancy W. Politics and History in the Soviet Union. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1971, 332 p. (In English).

7. Markwick, Roger D. Rewriting History in Soviet Russia: The Politics of Revisionist Historiography, 1956 – 1974. Palgrave Macmillan, 2001, 327 p. (In English).

8. Sizov, S.G. Intelligentsiya i vlast v sovetskom obshchestve v 1946 – 1964 gg. (Na materialakh Zapadnoy Sibiri) [The Intelligentsia and Power in Soviet Society, 1946 – 1964 (On Materials from Western Siberia).]. In 2 vols. Omsk, 2001, vol. 2, 226 p. (In Russian).

9. Ushmayeva, K.A. Istoriki i vlast na yuge Rossii (1917 – 2000 gg.) [Historians and Power in the South of Russia (1917 – 2000).]. Stavropol, 2006, 367 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Dmitriy V. Khaminov – Candidate of History, Senior Lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia)
khaminov@mail.ru

By resorting to a massive amount of archival materials that was never published before the author aims to reconstruct the major transformations that occurred in the system of higher historical education and science over the decade of Khrushchev's "Thaw" (mid 1950s – mid 1969s). In Siberian archives the author found and introduced into research circulation documents of regional and primary party organizations, state institutions and higher education institutions of Siberia. Reconstruction was made on the basis of a Siberian research and educational complex, which is unique in terms of its history and development. Siberia was a peripheral region in relation to research and educational processes going on in the USSR, which made for some peculiarities in political and ideological development as well as socio-cultural development during those years. The significance and relevance of the subject-matter is accounted for by the special place and role which the higher historical education and historical science had in the Soviet period during the process of forming and reforming the main political, ideological and socio-cultural systems of the Soviet state and society. During "the Thaw" period historians became the most active participants in the de-Stalinization of higher school, on the one hand, and, on the other, their professional activity was subject to strict party and state control and to active pressure, which would have most serious consequences. At Siberian higher education institutions those consequences were specific both for history teaching and for historical research. Last, but not least, they had a decisive impact on the lives of many teachers and students.

Khrushchev's "Thaw", de-Stalinization, graduate school, higher education institution, historical education, history teacher, student, student circle, dissidence, samizdat, Siberia, Tomsk (city of), Tomsk State University.

РОССИЯ И МИР

Russia and the World

А.С. Рязев

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА I НА ЮЖНЫХ РУБЕЖАХ РОССИИ НАКАНУНЕ И В ХОДЕ ВЕЛИКОЙ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ*

A.S. Ryzhev

The Religious Policy of Peter I on the Southern Borders of Russia before and during the Great Northern War

Религиозная (вероисповедная) политика российского абсолютизма в XVIII в. – актуальный вопрос современной историографии. Применительно к годам Северной войны эта политика исследована неравномерно. В частности, религиозная ситуация на южных рубежах государства, возникавшая в результате деятельности Петра I, остается во многом неизвестной¹.

Учитывая активную внешнеполитическую деятельность Петра I, его религиозную политику и, шире, вероисповедную обстановку на юге России во время его правления нужно изучать в международном контексте, что и составляет цель настоящей статьи. Основным источником – переписка Коллегии иностранных дел с Синодом, сохранившаяся в Архиве внешней политики Российской империи². Эти документы были созданы в 1730-х – 1750-х гг., однако они открывают возможность ретроспективного анализа политико-религиозных коллизий первой четверти XVIII в. на южных рубежах Российской империи.

* * *

Взаимодействие религии и дипломатии в южных пределах страны и близ них подразумевало три направления активности государства. Прежде всего, оно выступало участником связей с православными церквями и народами Греции, Балкан, Ближнего Востока. Далее, требовала внимания правительства католическая миссио-

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии по проекту «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII – XX вв.» (№ АААА-А17-117030910096-7)

нерская экспансия. Наконец, власти не могли оставаться безучастными к кавказским конфессиональным конфликтам, осложнявшим тамошнее российское присутствие. Сочетание указанных процессов вкупе с мерами властей и способствовало складыванию изучаемой вероисповедной ситуации.

Отношения Восточной Европы с греческим православием имели давнюю традицию. На пороге раннего Нового времени они привели к оформлению тенденции, свойственной православным властителям – провозглашать освобождение Константинополя от турок одним из императивов политики. Практически все правители – валахские господа, трансильванские князья, украинские казацкие гетманы, да и московские государи, оказавшись на вершине могущества, реального или мнимого, – отдавали дань подобному стремлению³. Петр I в 1690-е гг. также не составил исключения⁴.

Вследствие усилий греческих церковных кругов, желавших укрепить свое положение относительно Порты, в арсенал российской дипломатии вошла тема покровительства христианам Балкан и Ближнего Востока. Так, по просьбе иерусалимского патриарха Досифея (Нотара) на русско-турецких переговорах в рамках Карловицкого конгресса 1698–1699 гг. ее выдвигал глава российской делегации, посол при австрийском дворе П.Б.Возницын. В дальнейшем тема стала общей для турецкой дипломатии России: соответствующее подтверждение вошло в задачи миссии Е.И.Украинцева и И.П.Чередеева, затем представителей Петра I в Константинополе – П.А.Толстого и И.И.Неплюева⁵.

Тем не менее, отношения российских дипломатов с греческой иерархией в начале XVIII в. становились неустойчивыми, и это предвещало их грядущий кризис.

Упрочение позиций России и важная роль украинского казначества в дипломатических перипетиях эпохи наложились в сознании православного дунайско-балканского сообщества конца XVII в. на общие задачи борьбы против османской угрозы. В подобных условиях возникали проекты буферных государств между европейскими державами и Турцией. В украинском и молдавском православии обсуждалось еще одно начинание – государство в составе Молдавии, Валахии, южных земель Речи Посполитой под русской защитой. После победы Петра I в Полтавской битве замыслы такого рода оживились. Реакцией на рост влияния России и симпатий к ней среди православных стали слухи о намерении Петра I разрушить Османскую империю и основать на ее месте греко-восточное образование – «Ориентальное царство». Турецкий султан Ахмед III верил в распространявшиеся слухи и даже склонялся к убеждению, что Петр I завещал похоронить себя в храме Св. Софии. Слухи распространялись европейскими и османскими кругами, видевшими угрозу в усилении России. Между тем сам Петр I отвергал приписываемые ему планы⁶.

В этой связи без последствий в начале 1700-х гг. осталась инициатива молдавского господаря о переходе в русское подданство. О готовности выступить против турок царя извещали сербские делегаты, но Петр I, связанный Северной войной, не желал из-за религиозных симпатий доводить дело до обострения отношений с противником – Турцией и партнером – Австрией.

Однако идея православной солидарности представилась Петру I весьма привлекательной. К тому же текущие события, как думалось, подтверждали ее жизненность. После объявления в 1710 г. Турцией войны России молдавский господарь Д. Кантемир признал русское подданство, что оформилось договором обоих властителей 1711 г. в Луцке. Князь Ф. Ракоци обещал Петру I в обмен на поддержку отдать под его власть православных Трансильвании. Сообщения греческих и балканских информаторов о готовности принять сторону России с оружием в руках шли широким потоком. В этих условиях возник стратегический замысел Прутского похода – экспедиции на нескольких театрах военных действий вкуче с партизанской борьбой в тылу противника. Православный союз становился здесь дипломатическим основанием российской коалиции против турок.

В дополнение к Луцкому договору Петр I создал альянс с правящими кругами Молдавии и Валахии. В 1711 г. он выпустил грамоты, обращенные к православным народам под властью турок. На службу в русские консульства на Средиземном море по приказу царя нанимали православных греков, а на Балканы отрядили секретную миссию М. Милорадовича и И. Лукачевича⁷. Российскую поддержку получил и митрополит Антим Иверианул, отличавшийся на тот момент симпатиями к России.

Но Прутский поход выявил слабость расчетов на помощь православных народов: выступлений на стороне России не произошло. Исключением явились лишь черногорцы, но восстание в Черногории и Герцеговине оказалось на периферии событий, оно не могло сковать главные турецкие силы, да и вспыхнуло с опозданием: после отхода русской армии от Прута. Там же, где восстание было нужнее всего – в Валахии и Болгарии, – оно так и не началось⁸.

В целом православная верхушка на Дунае и Балканах не оказала России значимого содействия во время похода, а после неудачи российских сил на Пруте довольно быстро отошла от прежних замыслов. Так, занял проавстрийскую позицию митрополит Антим⁹. «Смена вех» имела причины: с конца XVII в. австрийские Габсбурги вели в отношении православного населения интегративную политику – включали аристократию и духовенство в систему имперского управления, наделяли привилегиями¹⁰.

К тому же австрийская дипломатия в дунайских делах имела традиционно большой вес. Так, русский представитель на Босфоре П.П. Шафиров летом 1712 г. констатировал, что Ф. Ракоци стремится к компромиссу с австрийцами, обращения же его к России – лишь

«лукавство». На Австрию переориентировался и Д. Кантемир – союзник Петра I, что выяснилось вскоре после возвращения русской армии с Прута. В сообщениях П.П. Шафирова указывалось: пребывание Д. Кантемира после Прутского похода на южных границах России (в Харькове) не служит более стимулом для православной знати, шведской дипломатии дает повод для инсинуаций, а связи бывшего господаря с врагами России в канун минувшей русско-турецкой войны выглядят все более двусмысленными. «Как здесь слышу, – констатировал дипломат, – человек зело превратной и фалшивой, и [крымскому] хану друг великой был... А ему истинно по здешним его поступкам верить нечего, ибо и на патриарха, и на брата своего, и на мултянского [господаря] доводил турком...»¹¹.

Сложившиеся условия означали, что шаги России в защиту православия на Дунае лишены смысла, а союз с Австрийской монархией на турецком и балканском направлениях не имеет альтернативы. Концом Прутской эпопеи для Петра I стали указы о поселении на пограничных юго-западных землях сербских, молдавских и иных выходцев, пострадавших в период похода русской армии¹².

Дальнейшие перипетии Северной войны подтвердили отсутствие опор для православной солидарности и, соответственно, определили критический пересмотр Петром I и давнего украино-молдавского проекта. С одной стороны, сказывался успешный натиск России на основном театре военных действий. По «Вечному миру» она была гарантом прав православных в Речи Посполитой. Тарногородская конфедерация и Люблинский трактат 1716 г. обеспечили Петру I перевес в Речи Посполитой, почему ему стало проще защищать православных (и их союзников – протестантов) в соседнем государстве самостоятельно и без передела границ¹³.

С другой стороны, давали себя знать последствия осечки на Пруте. Российское влияние на юге после 1711 г. сократилось: приходилось возвращать Турции ранее взятый Азов, упраздняя и заложенный в городе монастырь. Новой, враждебной Петру I силой выступали казаки: украинские – запорожцы, мазепинцы, орликовцы, и русские – некрасовцы. Некрасовцы осели на Кубани после подавления движения К.А. Булавина, но едва в Бендерах возникла ставка Карла XII, их представители появились и там. В дальнейшем, установив общение с турецкими властями, запорожцы пытались восстановить разоренную в 1709 г. Запорожскую Сечь, некрасовцы – закрепиться под Азовом. Это добавило работы русским дипломатам: П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев летом 1712 г. часто напоминали великому визирю, «чтоб оным вора... в Сече не жить... Також дабы и бунтовщику Некрасову... не жить близ Азова... И чтоб везирь приказал их определить под команду турецкого паши, а не под ханскую, и поселил бы их где близ своих краев», только не на границе, «ибо от них кроме возмущения ничего не будет» и «всегда происходить будут ссоры и грабежи подданным царского величества»¹⁴.

В 1712–1713 гг. Турция выдвинула претензии на Правобережную Украину, видя в ней барьер против России и Речи Посполитой, защищаемый казаками – запорожцами и мазепинцами – под протекцией Крыма. В планы Порты входило также создать для них особую церковную структуру, во главе которой встанет «казацкий патриарх». Аналогичный проект предлагал Порте в 1712 г. и посол Швеции¹⁵. Духовным главой «в казацкой земле» Порты полагала сделать иерусалимского патриарха Хрисанфа (Нотара), что влекло для него конец отношений с Россией. Обозначившаяся перемена еще более подчеркнула кризис русских связей с верхушкой греческой иерархии на Востоке, отмеченный П.П. Шафировым и М.Б. Шереметевым. Зачислив патриарха Хрисанфа в число «добрых приятелей турских», они добавляли: «и изо всех греков ни мы, ни Петр Андреевич [Толстой] не сыскали приятеля, ни доброго человека, и бегут от нас как от мору»¹⁶. Петр I, получив подобные известия, сделал свои выводы – российские контакты с восточными иерархами впредь стали сугубо формальными.

Османский проект православной «казацкой земли» под эгидой мусульманского Крыма не состоялся: в 1714 г. поляки выбили запорожцев с правобережья Днепра¹⁷. Не укоренились под Азовом и некрасовцы. Но в целом до конца Северной войны у России не доставало сил, чтобы снять остроту казачьего вопроса на южном пограничье.

Среди важных факторов, определявших религиозную обстановку на юге в конце XVII – начале XVIII вв., было развитие католической экспансии. Миссионеры, появлявшиеся вблизи российских рубежей, происходили из разных монашеских орденов, однако в массе своей представляли те орденские подразделения, которые поддерживались австрийскими Габсбургами. Первыми в Россию проникли иезуиты, вслед за ними шли капуцины, францисканцы, доминиканцы – австрийские ставленники и выходцы из пределов, подвластных Австрийской монархии.

Рост влияния католичества мыслился европейцами как спутник их проникновения в неевропейские общества и не связывался с миссионерством как таковым. Так, М. Змаевич, один из сподвижников Петра I, и Д. Ферран, врач крымского хана, несмотря на разные политические вкусы, ставили одинаковую личную цель – распространение католичества в стране пребывания. Миссионерство же воспринималось современниками как предприятие сугубо политическое: тот же Д. Ферран считал нужным в антироссийских видах крестить черкесов, союзных Крыму, и отводил это поручение монаху-миссионеру в Бахчисарае¹⁸.

Для Габсбургов же и связанных с ними торговых кругов экспансия миссионеров составила часть стратегической задачи – проникновения в Азию. Австрийская монархия делала ставку на иезуитов и капуцинов, обладавших наибольшим опытом работы за пределами

Европы. России в Вене с конца XVII в. отводили особое назначение: вовлечь ее в войну с османами (тем самым снизив их натиск на Балканах) и получить с ее территории доступ к прямому восточному транзиту.

Укрепление русско-австрийских отношений в период Северной войны, важность союза с Австрией для Петра I открыли миссионерам двери: проповедь патеров среди армян, калмыков, горцев не встречала сопротивления. Более того, власти на местах помогали пришельцам, полагая их труд фактором европеизации и не задумываясь о прерогативах Русской православной церкви. До 1721 г., когда Коллегия иностранных дел предписала провести проверку положения католиков в Астрахани, деятельность миссионеров вообще не интересовала власти на юге¹⁹.

Русско-австрийское охлаждение 1718–1720 гг. из-за нежелания Габсбургов признавать императорский титул Петра I не повлекло за собой ухудшения положения австрийских миссионеров в регионе. Как следствие, австрийская дипломатия трактовала присутствие миссионеров здесь как важное средство влияния на Россию.

Наибольший успех на российском юге ожидал капуцинов. В 1755 г. власти проводили в Астрахани дознание по обвинениям армяно-григорианским духовенством капуцинов во вторжении в его приходы и «похищении паствы»²⁰. Во время разбирательства один из миссионеров составил челобитную на имя Елизаветы Петровны, где заявлял, что со времени приезда в Россию патеры пребывали в готовности переводить иноземцев «из армянского, персидского, турецкого, арапского и протчих законов», занятых в городе торговлей, «в свой римский закон... по их добровольному желанию...»²¹. Иными словами, дело у миссионеров строилось широко, с охватом всех вовлеченных в коммерцию этноконфессиональных групп, и можно не сомневаться, что его именно так и поставили с начала XVIII в.

Одним из главных экономически сильных религиозных меньшинств Восточной Европы были армяне, обладавшие системой взаимопомощи и связями с единоверцами от Средиземного моря до Индии²². Капуцины активно взялись за работу с армянами, в том числе и в России. В 1738 г. российские власти проинспектировали католическую часовню в Нежине, служившую на деле миссионерским центром. Инспекция показала, сколь основательно отнеслись австрийские власти и капуцины к организации пропаганды католичества среди армян. На средства, поступающие из австрийских пределов («из получаемых с вершков с того капитала, которой у Его римско-императорского Величества находится», – уточнялось в одном из документов), построили часовню с небольшим, но постоянным штатом – два клирика, один из которых назначался на вакансию с обязательным знанием армянского языка, всего же в год на содержание этой часовни и миссионеров шла одна тысяча «реинских

гулденов»²³.

Подобные усилия принесли плоды: материалы Коллегии иностранных дел 1750-х гг. о капуцинах красноречиво свидетельствуют, что на юге миссионеры создали армяно-католическую сеть с крупнейшими общинами в Нежине и Астрахани уже к исходу 1730-х гг. Наибольшая их активность пришлась именно на время Северной войны.

Работа патеров носила системный и трансграничный характер. В 1700-е гг. армянское духовенство в России постоянно жаловалось администрации на миссионеров, вторгающихся в армяно-григорианские приходы. В Персии в то же время росло количество аналогичных жалоб армянского католикоса персидским властям на кармелитов и других миссионеров²⁴. Здесь давал себя знать общий натиск орденов на Востоке, составной частью которого стало давление на армян. Согласованность в действиях миссионеров в свое время подтверждал русский консул в Гиляне: он докладывал, что капуцины в России и Персии ведут тайную переписку²⁵. В 1730–1740-е гг., как показывают документы, патеры были готовы, используя Астрахань как базу, начать проповедовать на Северном Кавказе и добивались на это разрешения российских властей²⁶.

Неудачный для Петра I исход дела на Пруте повлек упадок российского влияния и рост экспансионистских планов Турции на Северном Кавказе. В регионе издавна утвердились казаки-старообрядцы – беглецы с Дона, подчинившиеся крымскому хану. В 1708 г. силы нелояльного казачества в регионе пополнили некрасовцы, закрепившиеся на Кубани к 1711 г. также с одобрения Крыма²⁷, и турецкая сторона возымела виды использовать их против России вкуче с Кубанской Ордой, являвшейся частью Крымского ханства. В 1712 г. в российских отношениях с кабардинскими князьями остро встал вопрос о беглых холопах-христианах: владельцы домогались их выдачи, угрожая в противном случае перейти в подданство Турции²⁸. В 1715 г. поражение от Кубанской Орды потерпел калмыцкий Аюкахан, после чего его связи с российской стороной ослабли. В итоге Россия ощутила недостаток поддержки в регионе.

В этих обстоятельствах российская политика на Северном Кавказе, начиная с 1714–1715 гг., предусматривала развитие отношений с Кабардой и калмыками, а также привлечение в подданство ближайших кавказских владетелей. Дагестан и Ширван воспринимались как сфера влияния Персии, но посольство А.П. Волынского выявило ее слабость и, соответственно, угрозу утверждения Турции на берегу Каспия. Как следствие, встал вопрос о присоединении каспийских провинций и выселении оттуда шиитов, которых полагали опорой Персии²⁹.

Подобный шаг требовал усиления позиций в Закавказье. Здесь Россия считала опорой Грузию, между тем в ее правящем доме имел место раскол из-за перехода в ислам ряда видных его членов и шед-

шей с 1716 г. феодальной войны. К тому же среди грузинских феодалов и церковных иерархов многие ориентировались не на Россию, а на Европу, в первую очередь на Францию, что объяснялось засильем в Грузии миссионеров-французов. В 1713–1716 гг. грузинский монах-униат Саба (С. Орбелиани), совершил поездку во Францию для переговоров с королем Людовиком XIV и папой Климентом XI о возведении на престол Картли царя-христианина. С XVII в. в Грузии действовали театинцы, капуцины, кармелиты, в 1715 г. официально открылась католическая миссия. Миссионеры имели влияние на представителей царских домов, посредничали в их переговорах, подталкивали к союзу со странами Европы, заинтересованными в торговых путях на Восток через Грузию³⁰.

Российскую поддержку получал царь Вахтанг VI – противник перехода правящей династии Картли в ислам. Однако и ему пришлось сменить веру при шахском дворе, чтобы возвратиться в Грузию из почетного плена и вернуть себе трон. Сам царь отличался католическими симпатиями и держал при себе советников-миссионеров. Миссионеры же дали образование Вахушти Багратиони, внебрачному сыну Вахтанга и одному из его доверенных людей (позже он стал известен как историк). Опора Вахтанга в среде аристократии была шаткой, много большими симпатиями пользовался его враг Константин (Мухамед-кули-хан), кахетинский царь-мусульманин.

Поиски союзников привели Россию в конце Северной войны к контактам с армянами Закавказья – меликами Карабаха, боровшимися против Персии на свой страх и риск, а также католикосами в Эчмиадзине и Гандзасаре³¹. В итоге обстановка на Кавказе оставалась сложной, предъявляла России новые вызовы в условиях соперничества с Турцией.

Победоносное окончание Северной войны поставило Петра I перед необходимостью заняться вопросами восточной политики. Предпосылки для этого определились, идейные же подходы к политико-дипломатической сфере нуждались в коррективах. Итог истекших лет петровского правления здесь не был радужным: прежние попытки строить политику на основе конфессиональной общности не увенчались успехом, более того, обозначился крах «православной дипломатии». Геополитические интересы России на Востоке нуждались в более глубоком осмыслении, которое соответствовало бы масштабу петровских перемен.

Примечания Notes

¹ *Ряжев А.С.* Вероисповедная политика русского «просвещенного абсолютизма»: история изучения // *История и историки*, 2005: *Историографический вестник*. Москва, 2006. С. 84–86.

² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф.10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751 – 1758); Д. 1 (1759 – 1761); Д. 1 (1762); Д. 2 (1738).

- ³ Суляк С. Миссия митрополита Гедеона: неосуществленный геополитический проект // Русин. 2006. № 2. С. 24, 25.
- ⁴ Гузевич Д., Гузевич И. Великое посольство. Санкт-Петербург, 2003. С. 17–20; Лециловская И.И. Петр I и Балканы // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 46–48.
- ⁵ Теплов В.А. Русские представители в Царьграде в 1496 – 1891: Исторический очерк. Санкт-Петербург, 1891. С. 21–49; Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 5. Ленинград, 1948. С. 44–95.
- ⁶ Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709 – 1714). Москва, 1990. С. 68–70.
- ⁷ Лециловская И.И. Петр I и Балканы // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 49.
- ⁸ Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709 – 1714). Москва, 1990. С. 80–85.
- ⁹ Гвинчидзе О.Ш. Антим Ивериец. Тбилиси, 1989. С. 146–148.
- ¹⁰ Костяшов Ю.В. Сербь в Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград, 1997. С. 140–142.
- ¹¹ Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709 – 1714). Москва, 1990. С. 98, 176; Базарова Т.А. Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П.П. Шафировова и М.Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. = Russian Diplomats at the Ottoman Court: Stateinye Spiski of Petr Shafirov and Mikhail Sheremetev in 1711 and 1712: Исследование и тексты. Санкт-Петербург, 2016. С. 488, 489, 490, 492.
- ¹² Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в.: Документы. Москва, 1984. С. 51, 53, 64.
- ¹³ Lewitter L.R. Peter the Great and the Polish Dissenters // The Slavonic and East European Review. 1954, December. Vol. XXXIII. № 80. P. 88–97.
- ¹⁴ Базарова Т.А. Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П.П. Шафировова и М.Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. = Russian Diplomats at the Ottoman Court: Stateinye Spiski of Petr Shafirov and Mikhail Sheremetev in 1711 and 1712: Исследование и тексты. Санкт-Петербург, 2016. С. 496, 508, 512.
- ¹⁵ Базарова Т.А. Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П.П. Шафировова и М.Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. = Russian Diplomats at the Ottoman Court: Stateinye Spiski of Petr Shafirov and Mikhail Sheremetev in 1711 and 1712: Исследование и тексты. Санкт-Петербург, 2016. С. 479–483.
- ¹⁶ Базарова Т.А. Русские дипломаты при османском дворе: Статейные списки П.П. Шафировова и М.Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. = Russian Diplomats at the Ottoman Court: Stateinye Spiski of Petr Shafirov and Mikhail Sheremetev in 1711 and 1712: Исследование и тексты. Санкт-Петербург, 2016. С. 492, 493.
- ¹⁷ Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709 – 1714). Москва, 1990. С. 44, 47, 51, 116, 150.
- ¹⁸ Андреев А.Н. Российские «инородцы» в XVIII веке и западно-христианское влияние // Вестник Южно-Уральского государственного уни-

- верситета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2010. № 28 (204). С. 7, 8.
- ¹⁹ Толстой Д.А. Римский католицизм в России. Т. 1. Санкт-Петербург, 1876. С. 173.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751 – 1758). Л. 7; Д. 1 (1759 – 1761). Л. 1.
- ²¹ АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751 – 1758). Л. 5об.
- ²² Григорян В.А. История армянских колоний Украины и Польши (Армяне в Подолии). Ереван, 1980. С. 49–52.
- ²³ АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1759 – 1761). Л. 6–7, 184–187; Д. 1 (1762). Л. 20.
- ²⁴ Эзов Г.А. Сношения Петра Великого с армянским народом: Документы. Санкт-Петербург, 1898. С. XVI–XIX.
- ²⁵ Толстой Д.А. Римский католицизм в России. Т. 1. Санкт-Петербург, 1876. С. 174, 175.
- ²⁶ АВПРИ. Ф. 10. Оп. 10/1. Д. 1 (1751 – 1758). Л. 27–29.
- ²⁷ Аваков П.А. «...И живут во всяком непорядке»: Документы РГА ВМФ о жизни казаков-некрасовцев в Крымском ханстве: 1711 г. // Исторический архив. 2015. № 4. С. 26–28.
- ²⁸ Сотавов Н.-н. А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в.: От Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира, 1700 – 1774. Москва, 1991. С. 56.
- ²⁹ Рахаев Д.Я. Северный Кавказ в русско-турецких отношениях в годы Северной войны (1700 – 1721) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2007. № 2 (16). С. 170; Махмудова К.З. Кавказский вектор в восточной политике Петра I (1700 – 1722 гг.) // Вестник Владикавказского научного центра. 2015. Т. 15. № 1. С. 7.
- ³⁰ Татишвили В.И. Грузины в Москве: Исторический очерк (1653 – 1722). Тбилиси, 1959. С. 68–74; Табагуа И.М. Из истории франко-грузинских отношений в первой четверти XVIII века // Французский ежегодник: Статьи и материалы по истории Франции. 1969. Москва, 1971. С. 23–40.
- ³¹ Эзов Г.А. Сношения Петра Великого с армянским народом: Документы. Санкт-Петербург, 1898. С. XL–XLIX.

Автор, аннотация, ключевые слова

Ряжев Андрей Сергеевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Калмыцкий научный центр, Российская академия наук (Элиста) giazhev@yandex.ru

Впервые в историографии рассматривается роль религиозного фактора в дипломатии Петра I на южных рубежах России в годы Северной войны, особенно после Прутского похода. Комплекс дипломатических мер Петра I, которые затрагивали область религии, предпосылки и главные направления его религиозной политики на юге страны раскрываются в статье на основе малоизвестных материалов, архивных и печатных. В частности, автором была использована практически неизвестная специалистам

подборка документов Коллегии иностранных дел о положении европейских христианских исповеданий в южных областях России в первой половине XVIII в. и об их взаимосвязях с другими конфессиями. Особое внимание уделяется отношениям с православными церквями и народами на Балканах и Ближнем Востоке. В частности, оцениваются геополитические проекты, направленные на создание буферных государственных образований, основанных на этнической и религиозной общности с Россией ради противодействия Крымскому ханству и Османской империи. Также рассматриваются меры по отношению к миссионерам-католикам, продвигавшимся на Восток и в Россию при поддержке монархии Габсбургов. Наконец, показываются шаги российской дипломатии по урегулированию религиозных сложностей и конфликтов на Кавказе. Автор приходит к выводу о кризисе российских дипломатических подходов, основанных на конфессиональной солидарности с православными церквями и народами, в начале XVIII в. По мнению автора, это привело к отходу Петра I от стереотипов эпохи средневековья, к формированию новых идейных императивов в области внешней политики.

Петр I, Северная война, Коллегия иностранных дел, Прутский поход, религиозная политика, православие, католицизм, ислам, Русская православная церковь, Армянская григорианская церковь, католический миссионер, Крымское ханство, Османская империя, Северный Кавказ, Грузия, Астрахань.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Andreyev, A.N. Rossiyskiye “inorodtsy” v XVIII veke i zapadno-khristianskoye vliyaniye [Russian “Foreigners” and Western Christian Influence in the 18th Century.]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsialno-gumanitarnye nauki*, 2010, no. 28 (204), pp. 6–11. (In Russian).
2. Leshchilovskaya, I.I. Petr I i Balkany [Peter I and the Balkans.]. *Voprosy istorii*, 2001, no. 2, pp. 46–58. (In Russian).
3. Lewitter, L.R. Peter the Great and the Polish Dissenters. *The Slavonic and East European Review*, 1954, December, vol. XXXIII, no. 80, pp. 75–101. (In English).
4. Makhmudova, K.Z. Kavkazskiy vektor v vostochnoy politike Petra I (1700 – 1722 gg.) [The Caucasus Vector of Peter I’s Eastern Policy (1700 – 1722).]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra*, 2015, vol. 15, no. 1, pp. 5–8. (In Russian).
5. Rakhayev, D.Ya. Severnyy Kavkaz v russko-turetskikh otnosheniyakh v gody Severnoy voyny (1700 – 1721) [The North Caucasus in Russian-Turkish Relations during the Northern War, 1700 – 1721.]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsialno-ekonomicheskogo universiteta*, 2007, no. 2 (16), pp. 168–171. (In Russian).

6. Sulyak, S. Missiya mitropolita Gedeona: neosushchestvlyennyy geopoliticheskiy proyekt [Metropolitan Gideon’s Mission: An Unrealized Geopolitical Project.]. *Rusin*, 2006, no. 2, pp. 19–29. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

7. Ryazhev, A.S. Veroispovednaya politika russkogo “prosveshchennogo absolutizma”: istoriya izucheniya [The Religious Policy of Russian “Enlightened Absolutism”: A History of Study.]. *Istoriya i istoriki, 2005: Istoriograficheskiy vestnik* [History and Historians, 2005: Historiographical Bulletin.]. Moscow, 2006, pp. 84–86. (In Russian).
8. Tabagua, I.M. Iz istorii franko-gruzinskikh otnosheniy v pervoy chetverti XVIII veka [From the History of French-Georgian Relations in the First Quarter of the 18th Century.]. *Frantsuzskiy ezhegodnik: Stati i materialy po istorii Frantsii, 1969* [The French Yearbook: Articles and Materials on the History of France, 1969.]. Moscow, 1971, pp. 23–40. (In Russian).

(Monographs)

9. Artamonov, V.A. Rossiya i Rech Pospolitaya posle Poltavskoy pobedy (1709 – 1714) [Russia and the Polish-Lithuanian Commonwealth after the Victory at Poltava, 1709 – 1714.]. Moscow, 1990, 205 p. (In Russian).
10. Bazarova, T.A. Russkiye diplomaty pri osmanskom dvore: Stateynnye spiski P.P. Shafirova i M.B. Sheremeteva 1711 i 1712 gg. = Russian Diplomats at the Ottoman Court: *Stateinye Spiski* of Petr Shafirov and Mikhail Sheremetev in 1711 and 1712: Issledovaniye i teksty [Research and Texts.]. St.-Petersburg, 2016, 863 p. (In Russian).
11. Bogoslovskiy, M.M. Petr I: Materialy dlya biografii [Peter the Great: Biographical Materials]. In 5 vols. Leningrad, 1948, vol. 5, 312 p. (In Russian).
12. Grigoryan, V.A. Istoriya armyanskikh koloniy Ukrainy i Polshi (Armenyane v Podolii) [The History of the Armenian Colonies in Ukraine and Poland: The Armenians in Podolia.]. Yerevan, 1980, 291 p. (In Russian).
13. Guzevich, D.; Guzevich, I. Velikoye posolstvo [The Grand Embassy of Peter the Great.]. St.-Petersburg, 2003, 305 p. (In Russian).
14. Gvinchidze, O.Sh. Antim Iveriets [Anthim the Iberian.]. Tbilisi, 1989, 261 p. (In Russian).
15. Kostyashov, Yu.V. Serby v Avstriyskoy monarkhii v XVIII veke [Serbs in the Austrian Monarchy in the 18th Century.]. Kaliningrad, 1997, 220 p. (In Russian).
16. Sotavov, N.-p. A. Severnyy Kavkaz v russko-iranskikh i russko-turetskikh otnosheniyakh v XVIII v.: Ot Konstantinopolskogo dogovora do Kyuchuk-Kaynardzhiyskogo mira, 1700 – 1774 [The North Caucasus in Russian-Iranian and Russian-Turkish Relations in the 18th Century: From the Treaty of Constantinople to the Peace of Kuciuk-Kainargi, 1700 – 1774.]. Moscow, 1991, 221 p. (In Russian).
17. Tatishvili, V.I. Gruziny v Moskve: Istoricheskiy ocherk (1653 – 1722)

[Georgians in Moscow: A Historical Essay (1653 – 1722)]. Tbilisi, 1959, 231 p. (In Russian).

18. Teplov, V.A. Russkiye predstaviteli v Tsargrade v 1496 – 1891: Istoricheskiy ocherk [Russian Representatives at Constantinople, 1496 – 1891: A Historical Essay.]. St.-Petersburg, 1891, 73 p. (In Russian).

19. Tolstoy, D.A. Rimskiy katolitsizm v Rossii [Roman Catholicism in Russia.]. In 2 vols. St.-Petersburg, 1876, vol. 1, 537 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Andrey S. Ryzhev – Candidate of History, Leading Researcher, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences (Elista, Republic of Kalmykia, Russia)

riazhev@yandex.ru

The article is the first attempt in historiography to examine the role of the religious factor in the diplomacy of Peter I on the southern borders of Russia during the Great Northern War, particularly, after the Prut River Campaign. A series of diplomatic measures by Peter I related to the area of religion, the background to and key directions of his religious policy pursued on the south of the country are presented on the basis of little-known archival and other published materials. In particular, the author uses a selection of documents, practically unknown to specialists, from the Collegium of Foreign Affairs concerning European Christian confessions in southern regions of Russia in the first half of the 18th century and their connections with other confessions. Special attention is paid to Orthodox churches on the Balkans and in the Middle East. The author evaluates geopolitical projects aimed at establishing buffer state formations based on the ethnic and religious unity with Russia to counter the Crimean Khanate and the Ottoman Empire. Also, the author analyzes measures toward Catholic missionaries, supported by the Habsburg monarchy, who moved eastward to Russia. Finally, the article describes the efforts made by Russian diplomacy to settle religious difficulties and conflicts in Caucasus. The author arrives at the conclusion about the crisis of the Russian diplomatic approaches based on confessional solidarity with Orthodox churches and peoples in the early 18th century. According to the author, this made Peter I depart from medieval stereotypes and embark upon new ideological imperatives in the area of foreign policy.

Peter I, Great Northern War, Collegium of Foreign Affairs, Prut River Campaign, religious policy, Orthodoxy, Catholicism, Islam, Russian Orthodox Church, Armenian Apostolic Church, Catholic missionary, Crimean Khanate, Ottoman Empire, North Caucasus, Georgia, Astrakhan.

М.А. Липкин

«МЫ ИДЕМ С ОТКРЫТЫМ ЗАБРАЛОМ НА РАЗГОВОР С “ОБЩИМ РЫНКОМ”»: ИСТОРИЯ ПЕРЕГОВОРОВ СЭВ И ЕЭС ОБ ОСНОВАХ ОТНОШЕНИЙ В 1972 – 1979 ГОДАХ*

М.А. Lipkin

“We are Coming with Visor Raised for a Talk with the “Common Market””: A History of Negotiations between the CMEA and European Com- munities on Relationship Fundamentals in 1972 – 1979

В 2016 г. в журнале «Исторический архив» увидела свет подготовленная директором Российского государственного архива экономики Е.А. Тюриной и профессором РАНХИГС А.А. Чернобаевым публикация документов из фонда Секретариата Совета Экономической Взаимопомощи о контактах СЭВ и Европейских Сообществ, датированных 1975 г.¹ Публикация впервые документально подтвердила факт переговорного процесса между двумя антиподами мир-системы второй половины XX столетия – интеграционным объединением Западной Европы в лице Европейских Сообществ (ЕОУС, ЕЭС, Евратом) и Советом экономической взаимопомощи, восточной (социалистической) версией экономической интеграции. Однако эти уникальные, впервые введенные в научный оборот документы не дали четкого ответа на вопрос, чем же закончились контакты между СЭВ и ЕС, почему не состоялось официальное взаимное признание двух организаций в 1970-х гг.

Следует оговориться, что правильное название западноевропейского интеграционного объединения в рассматриваемый период – Европейские Сообщества (после слияния высших органов трех сообществ – ЕЭС, ЕОУС и Евратома в 1967 г.). Однако во всех советских и «сэвовских» документах применительно к этому образованию упорно использовалось название «ЕЭС» – «Европейское экономическое сообщество» (синоним – «Общий рынок»), так как главной темой взаимоотношений были торгово-экономические вопросы. В названии и отчасти в тексте данной статьи отдается дань этой традиции, что неизбежно при цитировании и изложении документов СЭВ.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ «“Мировая система социализма” и глобальная экономика в середине 1950-х – середине 1970-х годов: эволюция теории и практики экономического и технологического лидерства СССР» (№ 17-18-01728).

* * *

Закрытые контакты двух интеграционных объединений в середине 1970-х гг. бегло упоминались в одиночных публикациях, однако ни разу не удостоивались серьезного документального подтверждения или комплексного исследования в отечественной историографии ввиду недоступности ключевых фондов МИД СССР за 1970-е гг., медленного процесса рассекречивания в РГАНИ и отсутствия ярких подробностей в виде воспоминаний кого-либо из высокопоставленных чиновников СЭВ. В немногочисленной западной историографии период общения СЭВ и Европейских Сообществ в 1970-е гг. получил название «диалога глухонемых»².

Наиболее свежим и серьезным исследованием с точки зрения западной историографии в этой области можно считать публикацию финской исследовательницы Суви Кансикас из университета Хельсинки по периоду 1970–1974 гг., где она попыталась на материале преимущественно партийного архива Социалистической единой партии Германии показать место проблемы официального признания СЭВ и Европейских Сообществ в контексте попыток выработки общей внешнеэкономической линии в СЭВ в 1970-е гг.³. В итоге парадоксальным образом можно констатировать, что конец 1980-х гг. изучен лучше, чем динамичная картина середины – второй половины 1970-х гг.

Сразу стоит оговориться насчет возможностей и пределов сопоставления разных архивных данных применительно к раскрытию заявленной темы. В статье впервые удалось ввести в научный оборот и проследить развитие темы контактов СЭВ и Европейских Сообществ в 1970-е гг. на материале фондов СЭВ и Советского представительства в СЭВ, хранящихся в РГАЭ (Москва), а также по итогам работы с фондами Комиссии Европейских Сообществ, Совета Министров и личного фонда Эмиля Ноэля, хранящихся в Исторических архивах Европейского Союза (Флоренция).

Попытка представить параллельную историю ведения переговоров и выработки решений с двух сторон натолкнулась на ряд непредвиденных трудностей. Несмотря на расхожее мнение о закрытости отечественных архивов, именно со стороны СЭВ доступны практически все документы, позволяющие раскрыть в деталях картину обсуждения и выработки решений в деталях. Со стороны Европейских Сообществ фонд Совета Министров – органа, игравшего роль «сводящего» все прочие обсуждения, – доступен в Исторических архивах ЕС только до 1974 г. (!). Остальная часть до сих пор не передана на хранение в этот архив под Флоренцией. Заседания Комитета Постоянных представителей стран при Совете министров Европейских сообществ и иные подготовительные документы к переговорам доступны лишь частично в виде переданных на хранение в архив ЕС личных фондов комиссионера Эмиля Ноэля. Они не яв-

ляются частью какого-то одного специального дела, не ищутся поисковой машиной, несмотря на оцифровку документов, и не имеют сплошной внутренней нумерации. Со стороны же СЭВ – это тематические подборки, как правило, под заголовком «контакты СЭВ с ЕЭС», отложившиеся начиная с 1974 г. Ряд документов в архиве СЭВ и архиве ЕС (к примеру, официальная переписка в форме телексов, характерная для эпохи 1970-х гг.) дублирует друг друга, но самое важное – аналитика, оценки той поры, директивы экспертам на переговорах, неофициальные контакты, записи экспертных обсуждений – представлены гораздо более полно со стороны СЭВ, чем со стороны Европейских Сообществ, что позволило лишь частично провести сопоставление взглядов на переговорный процесс.

* * *

Как показывает анализ, проведенный С. Кансикас по материалам восточногерманских архивов, императивом к сближению позиций стран-членов СЭВ послужило выступление Л.И. Брежнева на открытии заседания Политического и консультативного комитета Организации Варшавского Договора (ОВД) в январе 1972 г., обозначившего не только экономическую, но и политическую важность установления контактов и выработки единой позиции от имени СЭВ⁴.

Затем уже последовало публичное заявление руководителя СССР 20 марта 1972 г. на XV съезде профсоюзов СССР о том, что «Советский Союз отнюдь не игнорирует реально сложившееся положение в Западной Европе, в том числе и существование такой экономической группировки капиталистических стран, как “Общий рынок”... Наши отношения с участниками этой группировки будут, разумеется, зависеть от того, в какой мере они признают со своей стороны реальность, сложившиеся в социалистической части Европы, в частности, интересы стран-членов Совета Экономической Взаимопомощи»⁵.

Этому повороту к диалогу с Европейскими Сообществами предшествовало давление наиболее уязвимых для общей внешней торговой политики «Общего рынка» стран СЭВ на Советский Союз⁶. Интересно, что одним из главных «будителей» в начале 1970-х гг. выступала Социалистическая республика Румыния. Страна, которая, с одной стороны, дела все, чтобы тормозить углубление интеграции в рамках СЭВ, в данном случае видела выгоды для своих национальных интересов в использовании потенциала СЭВ для расширения доступа на рынки Западной Европы. При этом на этапе выработки общей позиции СЭВ, СРП почти всегда выступала с особым мнением или с иными формулировками пунктов итоговых решений, стараясь всячески не допустить усиления единого внешнеполитического голоса СЭВ, пытаясь хитрым образом использовать организацию исключительно для улучшения условий торговли на двусторон-

нем уровне отношений своей страны с «Общим рынком»⁷.

Со стороны СЭВ отправной точкой можно считать документ от июня 1972 г. – «Соображения НРБ, ВНР, ГДР, МНР, ПНР, СССР и ЧССР по вопросу об отношении Совета Экономической Взаимопомощи к Европейскому Экономическому Сообществу», где пассаж про объективный взгляд на существование Европейских Сообществ из мартовской речи Л.И. Брежнева был повторен слово в слово⁸. В этом документе уже все страны (за исключением Румынии) впервые попытались выработать общую позицию в отношении западноевропейского «Общего рынка». После этого «восьмерка» стран СЭВ все время пикировалась с выступавшей с особых позиций СРР, но в итоге все-таки продавливала свою линию.

Параллельно шла острая дискуссия о формах и содержании экономического сотрудничества с Западной Европой между разными ведомствами внутри СССР, причем мнения порою различались диаметрально.

В сентябре 1972 г. Госплан СССР еще считал, что не следует топиться с признанием Европейских Сообществ до созыва Обще-европейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и до укрепления организационной структуры СЭВ, до того, как он будет готов к ведению прямых переговоров⁹.

Куда более смелым и стратегически выверенным был анализ Института мировой экономической системы социализма АН СССР, названный «О позиции и тактике стран СЭВ по отношению к Общему рынку». Документ призывал проявить инициативу со стороны стран СЭВ в развитие 2-го пункта СБСЕ – «второй корзины» переговоров. ИЭМСС считал, что переговоры между СЭВ и ЕЭС в рамках обще-европейского совещания могут привести к соглашению об основных принципах экономических отношений между странами этих двух организаций. В обмен на официальное признание «Общего рынка», институт считал справедливым требование улучшения условий торгового режима для восточноевропейского экспорта в страны «Общего рынка». С учетом отсутствия органа, регулирующего постоянные отношения СЭВ с третьими странами, ИЭМСС предлагал поставить вопрос об образовании Постоянной смешанной экономической комиссии СЭВ–ЕЭС по вопросам торговли и сотрудничества (видимо, по образцу существующих совместных комиссий в рамках соглашений о сотрудничестве с «капстранами» на двусторонней основе). Аналитики ИЭМСС предвидели, что после подписания соглашения роль национальных министерств внешней торговли снизится, на первый план выйдут прямые контакты производителей – в первую очередь, как им мыслилось, международных организаций СЭВ (Общий парк грузовых вагонов, Интерметалл, Агромаш и т.д.) министерства внешней торговли социалистических стран, по мнению института, ожидала перестройка из административно-коммерческих ведомств в плано-регулирующие госорганы, направляющие

косвенными средствами внешнеэкономические связи (количественные ограничения, тарифы и т.д.)¹⁰.

Наиболее прогрессивным и адекватным сложившейся ситуации выглядит анализ рисков попадания в пресловутую зависимость от Брюсселя для стран «соцсистемы»: «Ни одна страна в мире не в состоянии обеспечить себе приоритет во всех отраслях науки и техники, чтобы быть независимой от зарубежных достижений, – говорилось в анализе ИЭМСС. – Отказ использовать импортируемый опыт и знания может привести к значительным затратам общественного труда и замедлению общих темпов развития экономики. Независимость на такой основе может обернуться своей противоположностью... Следовательно, зависимость, в узком смысле, не является состоянием, характерным для длительного исторического периода, если говорить о сотрудничестве промышленно развитых капиталистических и социалистических стран СЭВ»¹¹.

ИЭМСС предлагал четко определить круг приоритетных прорывных направлений развития науки и производства, где «соцстраны» в перспективе 20-ти лет имели бы превосходство над странами Запада. При этом сохранялось бы наличие зависимых от передового западного оборудования других сфер. Тем самым, зависимость компенсировалась бы параллельной зависимостью стран Запада от развития в кооперации тех направлений, где страны СЭВ сохраняли бы ведущую роль. Главный вывод ИЭМСС, отличавший его анализ от других советских ведомств, заключался в том, что надо «в первую очередь развивать отношения с ЕЭС в форме научно-технического (а не торгового) сотрудничества»¹².

Большинство документов как правительственных, так и ведомственных, делали ставку в первую очередь на сиюминутные проблемы балансировки торгового сальдо в отношениях со странами Западной Европы через получение преференций для своего экспорта. На 57-м заседании Исполнительного Комитета СЭВ 19 апреля 1972 г. по вопросу «Проект порядка осуществления контактов СЭВ с экономическими группировками третьих стран» Постоянный представитель СССР в СЭВ М.А. Лесечко делал упор на необходимость обеспечить адекватный торговый режим для экспорта сельскохозяйственных продуктов в страны ЕЭС, тем самым идя на поводу у Румынии и других стран СЭВ с большим аграрным сектором¹³. Задавая тон апрельскому обсуждению проблемы, Лесечко говорил о необходимости импортозамещения при параллельном развитии «взаимовыгодного экономического сотрудничества» стран-членов СЭВ со странами-членами «Общего рынка»¹⁴. Но в каких областях и выделялись ли среди них приоритетные, было непонятно. Тогда советская сторона придерживалась мнения о нецелесообразности проявления инициативы в официальном признании Европейских сообществ со стороны СЭВ¹⁵.

Через год, 21 апреля 1973 г., Исполнительным комитетом СЭВ

был разослан первый документ под грифом «совершенно секретно» – «Предложения о возможных порядке, формах и содержании контактов Совета Экономической Взаимопомощи с Европейским экономическим сообществом», – принятый по итогам 62-го заседания Исполкома СЭВ¹⁶. Как показывают сопроводительные письма, он был составлен на основании сведенных вместе предложений членов СЭВ, причем Исполком СЭВ делал это не по собственной инициативе, а выполняя поручение Политического и консультативного комитета Организации Варшавского Договора. С. Кансикас, ссылаясь на документы архива Социалистической единой партии Германии и донесения представителей ГДР в СЭВ утверждает, что это был результат прямого вмешательства ЦК КПСС в процесс выработки единой позиции СЭВ¹⁷.

Принятие принципиального решения через Организацию Варшавского Договора, по-видимому, и объясняет как уровень секретности, так и то, что документ был разослан не просто руководителям представительств стран-членов в СЭВ, а главам партий и правительств всех стран-членов (например, в случае СССР – Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев и Председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин). В письме также сообщалось о поручении Исполнительного комитета органам СЭВ провести анализ торговой дискриминации со стороны органов Европейских сообществ и уточнить правовые вопросы компетенции СЭВ для постановки вопроса о ведении переговоров с западноевропейским экономическим объединением¹⁸.

На запрос были получены типовые ответы с одобрением разосланного документа. Примечательно, что один из наиболее развернутых ответов представляет собою письмо Фиделя Кастро – главы Кубы, принятой в СЭВ в 1972 г. В своем письме команданте твердо выступил за прямые переговоры между руководящими органами СЭВ и ЕЭС, а также попросил учесть позицию Кубы как не просто члена СЭВ, но и члена «Группы 77» развивающихся стран¹⁹.

* * *

Трудность принятия решений и со стороны СЭВ, и со стороны Европейских Сообществ заключалась в том, что обе организации только выработывали общую внешнюю политику, внутри них шла борьба между членами и новыми или старыми структурами за компетенции и главенствующие роли в этом процессе. Это затрудняло переговорный процесс и накладывало свою специфику на длительные «паузы» для согласования единой позиции в рамках многосторонних структур.

Процесс принятия внешнеполитических решений в Европейских Сообществах в середине 1970-х гг. состоял из трех ступеней: Комиссия европейских сообществ готовила соглашения с третьими

странами, Комитет Постоянных представителей стран при Совете министров Европейских сообществ – COREPER (COmité des REpresentants PERmanents) – представлял мнение национальных министерств (правительств) в Европейских Сообществах и, наконец, Совет министров, который принимал решение о генеральной линии, поручал Комиссии проработать конкретное наполнение тех или иных соглашений.

Немаловажным является то, что именно в 1970-е гг. разворачивается борьба между Комиссией и Советом министров за компетенции и главенствующие роли в области общей внешней политики ЕС. Это было продолжением борьбы двух подходов к интеграции – межгосударственного и наднационального. Комиссия потихоньку оттесняла Совет министров, пытаясь узурпировать эту сферу деятельности.

Показателем этого являлись как сигналы, шедшие со стороны симпатизировавших нормализации отношений с СЭВ чиновников ЕС, так и факт успешного завершения переговоров Европейских сообществ с Китайской Народной Республикой о пятилетнем торговом соглашении в 1978 г.: в этом процессе именно Комиссия выступала в качестве субъекта соглашения, а не Совет министров, что отмечалось даже в сводках КГБ СССР²⁰.

Наиболее показательным в этом вопросе является «Информация» о переговорах посла ГДР в Бельгии Хайнца Хоффманна с Председателем Комитета Постоянных представителей стран при Совете министров Европейских сообществ Донделингером. «В результате инициативы СЭВ для Европейских сообществ “пробил час”. Они сейчас должны не только найти совместный ответ, но и договориться в связи с этим по ряду основных вопросов внутри самих Европейских сообществ. Уже хотя бы сама передача предложения СЭВ выдвигает перед ЕС необходимость решения вопроса о том, является ли отношение между Советом министров и Комиссией формальным или принципиальным вопросом. Для Европейских сообществ большое значение имеет тот факт, что первый официальный ответ Совету Экономической Взаимопомощи (письмо господина Торна товарищу Вайсу от 2 марта 1976 года) дан не Комиссией, а самим Президентом Совета»²¹.

В этой связи представляются несостоятельными обвинения западных историков в том, что «восточная сторона» не понимала расстановки сил внутри Европейских Сообществ и наивно пыталась выстраивать отношения с Советом министров, а не с Комиссией ЕС²². Как показывают документы, окончательная расстановка сил внутри Европейских Сообществ в тот момент была еще не понятна. Более того, СЭВ четко представлял большую выгоду для себя от выстраивания контактов на «верхнем уровне» институтов ЕС, по сути, пытаясь подыгрывать Совету министров, а не Комиссии ЕС, занимавшей более жесткую позицию в переговорном процессе.

В немногочисленных публикациях отмечается, что в рамках СЭВ

применительно к теме контактов с Европейскими Сообществами ключевая роль в 1970-е гг. принадлежала Постоянной комиссии СЭВ по внешней торговле²³. И действительно, первые директивы и «соображения» к сессиям Исполнительного комитета готовились в ее недрах. Однако с 74-го заседания Исполкома СЭВ была образована специальная Редакционная группа по тексту проекта об основах отношений СЭВ и ЕЭС – казалось бы, временная, ad hoc структура СЭВ, которая, однако, просуществовала на протяжении всех 1970-х гг. и стала прообразом созданного в 1983 г. специального бюро по контактам с Европейскими Сообществами внутри СЭВ.

До принятия решения о необходимости выработки текста Соглашения о сотрудничестве с ЕЭС подготовительная работа велась в Постоянной комиссии СЭВ по внешней торговле. В дальнейшем выработка первичных текстов для заседаний Исполнительного комитета СЭВ по пунктам повестки, включавшим этот вопрос, происходила именно на уровне специально созданной многосторонней Редакционной группы. Дополнительно учитывались и обсуждения, проходившие в Постоянной комиссии СЭВ по внешней торговле, но именно Редакционная группа занималась сближением позиций стран-членов СЭВ и непосредственными переговорами с представителями ЕЭС на высшем уровне.

В своей работе и Редакционная группа, и Постоянная комиссия СЭВ по внешней торговле руководствовались постановлениями Исполнительного комитета и сессий СЭВ. Последние, как правило, уже не вносили каких-то радикальных изменений в подготовленные документы, за исключением пунктов, где не удавалось достичь компромисса договаривающимся сторонам на этапе Редакционной группы. Так что можно сказать, что после принятия решения о выработке Соглашения о сотрудничестве с ЕЭС ключевой являлась связка Редакционная группа–Исполком СЭВ–Сессия СЭВ. При этом советские представители согласовывали свою линию с мнениями ключевых министерств: в материалах советского представительства отложились информационные и экспертные материалы МИД СССР, Министерства внешней торговли СССР и других ведомств. Многие данные указывают на то, что поворот в сторону ЕС был санкционирован Политическим и консультативным комитетом ОВД. Однако ввиду недоступности материалов последнего, реконструировать степень подчиненности его решениям СЭВ пока не представляется возможным.

Следует отметить, что в том же 1972 г. Постоянная комиссия СЭВ по внешней торговле проводит активную работу по «Программе разработки и согласования долгосрочной торгово-экономической политики заинтересованных стран-членов СЭВ по отношению к развитым капиталистическим и развивающимся странам и их международным экономическим группировкам» с участием Постоянной комиссии СЭВ по координации технического содействия в соответ-

ствии с задачами, прописанными в постановлении 61-го заседания Исполкома СЭВ.

Это план работы на 1973 г., где формулируется главная цель Программы – «Добиться от капиталистических стран *полного применения принципа наибольшего благоприятствования в области торгово-экономических отношений с социалистическими странами* и на этой основе *полного устранения дискриминации*» [Выделено нами. – М.Л.]²⁴. И «Общий рынок» западноевропейских стран был главным фигурантом положений этой программы.

* * *

Возникает вопрос: почему именно в 1975 г. СЭВ предпринимает инициативу установления отношения с Европейскими Сообществами в форме базового соглашения о «сотрудничестве с ЕЭС», отказываясь от политики непризнания?

Как показывает «Анализ опыта осуществления координации внешнеэкономической политики заинтересованных стран-членов СЭВ по отношению к развитым капиталистическим и развивающимся странам и предложения по этим вопросам» (август 1975 г.), проблема расширения Европейских Сообществ и Единого таможенного тарифа, принятого в рамках этого объединения (после вступления Великобритании и Ирландии) усугублялась истечением 31 декабря 1974 г. срока действия большинства 5-летних торговых соглашений стран Восточной Европы со странами ЕЭС. На это накладывалось ужесточение единой торговой политики Брюсселя в виде решения Совета Европейских Сообществ от 7 мая 1974 г. о том, что все новые торговые переговоры со странами с монополией государственной торговли должны вестись только через органы ЕС²⁵.

Тем не менее, странам СЭВ было чем похвастаться в противостоянии с ЕС в первой половине 1970-х гг. Опыт координации действий в рамках Комиссии по внешней торговле в 1974 г. говорил о следующем: «...Отсрочка перехода стран ЕЭС к единой торговой политике (5-летние торговые соглашения на 1970–1974 гг.; срыв сепаратных торговых соглашений ЕЭС – страна СЭВ, получение странами СЭВ недискриминационного режима для ввоза продукции в случае их кооперирования в производстве с этой западной страной, срыв попыток образовать единый фронт западных стран в выдаче экспортных кредитов и т.д.)».²⁶

Однако эти несомненные тактические успехи имели временные характер и требовалось долгосрочное решение главных проблем в отношениях с западноевропейским экономическим центром силы. Им стало выдвигавшееся предложение об установлении официальных контактов и признании ЕЭС, а также подписании базового соглашения об основах сотрудничества – по сути, перехода от войны к миру со стороны СЭВ.

Отмечаемая выше цель черным по белому фиксировалась в директивных документах СЭВ.

Например, в «Указаниях сотрудникам Секретариата СЭВ для встречи с сотрудниками Комиссии Европейских Сообществ (КЕС) в феврале 1975 г.», на первом месте в списке основ для отношений между СЭВ и ЕЭС читаем: «улучшение условий торговли между странами-членами СЭВ и странами-членами ЕЭС»²⁷. Также в «Указаниях» 1975 г. подчеркивалась мысль о косвенном противодействии параллельной политике Брюсселя на развитие двусторонних контактов в условиях разрядки: «В случае, если сотрудники КЕС попытаются затронуть вопрос о недавней отправке Комиссией ЕЭС каждой стране-члену СЭВ предложений о заключении торгового соглашения с ЕЭС – не входить в обсуждение этого вопроса и не принимать от ЕЭС каких-либо документов по этому вопросу»²⁸.

Цели Брюсселя на первой встрече с представителями СЭВ были диаметрально противоположными. 9 января 1975 г. руководитель Генерального директората внешних сношений Комиссии ЕС Эммануил Валленштейн (E. Wallenstein, в советских документах неправильно переводился как Валлерштейн) направил соображения о тактике и стратегии на переговорах в Москве на имя Председателя Комиссии Европейских Сообществ Франсуа-Ксавье Ортоли и вице-председателя Кристофера Соумса. В них в качестве главной цели называлась нормализация отношений между Сообществом и странами СЭВ, в частности, заключение торгового соглашения с каждой из стран СЭВ в отдельности. Следовало избегать любого шага, по мнению Валленштейна, который мог бы усилить советское влияние на страны народной демократии. Более того, в документе прямо говорилось, что установление отношений между Сообществом и СЭВ не является самостоятельной задачей и важно лишь как средство достижения основной цели²⁹.

С учетом того, что на первые переговоры в Москве 4-6 февраля 1976 г. во главе делегации «Общего рынка» поехал именно Валленштейн, нетрудно догадаться о его намерениях. Они во многом предопределили впечатление от визита, нашедшее отражение в подробном отчете Комиссии ЕС о визите в Москву.

Целью западноевропейской делегации было прояснить механизм работы СЭВ, чтобы, исходя из этого, определить области взаимного интереса и подготовить встречу по проблеме соглашения на уровне руководителей СЭВ и ЕЭС. Согласно отчету, представители Комиссии ЕС были крайне уязвлены тем, что их не воспринимали как полноценную делегацию (лишь как исполнителей низшего уровня – чиновников Сообществ) и, по сути, «сэвовская» сторона уклонилась от обсуждения конкретики будущего сотрудничества, в частности торговых вопросов³⁰. Подобные странности в поведении, с точки зрения представителей Комиссии ЕС, объяснялись тем, что СЭВ не имел на тот момент ясных компетенций в сфере внешней торгов-

ли. Новшества в Уставе СЭВ 1974 г. еще подлежали ратификации странами-членами.

В ходе общения выявились различия в подходах двух сторон. Если Комиссия ЕС была готова к обсуждению статей возможного соглашения, то СЭВ ставил главной целью зафиксировать детали ключевого «визита престижа», как он назывался в отчете – приезда Президента Комиссии ЕС Ортоли в Москву, надеясь всю конкретику обсуждать только с ним. Глава делегации ЕС, согласно отчету, был удивлен, что его пригласили обсуждать не существо вопроса о торговле, а такие детали встречи на высшем уровне, к которым у него не было ни малейшего интереса³¹.

Разница в подходах помешала в получении мандата на обсуждение вопросов «по существу». Философия СЭВ «потом посмотрим» совершенно не устраивала делегацию Комиссии ЕС. Более того, коммиссионеры пришли к выводу о непонимании со стороны СЭВ сути статьи 229 Римского соглашения об образовании Европейских Сообществ – о том, что Комиссия ЕС осуществляет отношения с международными организациями³².

Кроме того, в отчете просматривается и очевидная разница в целях сближения: Комиссия стремилась к нормализации отношений с каждой из стран-членов СЭВ, то есть переносу основного акцента на двусторонний уровень, а тактика «сэвовской» делегации всячески пыталась этому помешать, надеясь сохранить «зонтичный подход» через СЭВ благодаря встрече Ортоли и Н.В. Фаддеева, Секретаря СЭВ (с 1967 по 1983 гг.)³³. Делегация СЭВ представляла дело так, как будто все уже решено и остается лишь подготовить техническую сторону визита Ортоли.

Отчет делегации Комиссии ЕС приходил к выводу о том, что СЭВ не имеет полномочий в сфере внешней торговли³⁴. По итогам встреч делается умозаключение о том, что кроме контактов по вопросам номенклатуры товаров, обмена информацией о прогнозировании между ЕС и СЭВ, не существует общей сферы деятельности между двумя интеграционными объединениями. «Таким образом, можно задаться вопросом, а что собственно Фаддеев предполагал обсуждать с одним из членов Комиссии в пункте об общих условиях торговли, – говорится в отчете. – Возможно, он предполагал в том случае, если (как на это надеялись отдельные страны Восточного блока) вторая корзина СБСЕ завершит свою работу, опираться на рекомендации СБСЕ об “общих условиях торговли”», – заключали эксперты Комиссии ЕС³⁵.

Если, судя по итогам февральского визита, с западной точки зрения первая встреча обернулась фиаско, то с восточной это был весомый результат в нужном направлении – направлении укрепления международного авторитета СЭВ и развития внешнеэкономической составляющей мировой системы социализма.

Наведение мостов с Европейскими Сообществами частью советского руководства рассматривалось как этап в рамках общей реформы СЭВ.

Еще 18 июня 1974 г. в своем программном выступлении на заседании глав делегаций XXVIII сессии СЭВ, Председатель Совета министров СССР А.Н. Косыгин предложил поддержать новую инициативу ГДР по повышению роли совместного планирования в СЭВ и в числе прочего отметил необходимость передачи вопросов внешнеэкономических связей с капиталистическими странами из чисто торговой компетенции Комиссии по внешнеэкономическим вопросам в компетенцию Планового комитета СЭВ³⁶.

И здесь он впервые с момента выступлений Брежнева в 1972 г. озвучил от имени руководства СССР тему отношений с Брюсселем: «В связи с необходимостью координации действий на капиталистическом рынке уместно сказать несколько слов о контактах Совета Экономической Взаимопомощи и Европейского Экономического Сообщества.

Как известно, на наше предложение установления контактов с “общим рынком” посол ФРГ в Москве по поручению Совета Министров Европейского экономического сообщества сообщил т. Фаддееву, что Совет Министров ЕЭС дал указание комиссии “Общего рынка” установить контакты с Советом Экономической Взаимопомощи. Хотя Европейское экономическое сообщество и не пошло по предложенному нами пути установления контактов на уровне представительных делегаций, видимо, ответ “Общего рынка” надо принять и поручить Секретариату начать переговоры с Комиссией. Для этого, может быть, следовало бы пригласить его председателя в Москву»³⁷.

Идеи Косыгина получили продолжение в рамках подготовки стратегических документов к масштабному мероприятию, планировавшемуся в мае 1975 г. в виде представительного Совещания на высшем партийном уровне всех стран-членов СЭВ по проблемам экономического развития СЭВ. Причем, как следует из доступных документов, импульс к подготовке такого совещания был дан Политическим и Консультативным комитетом ОВД. «Во исполнение» этого решения... было решено создать многостороннюю редакционную группу из представителей ЦК коммунистических партий стран-членов СЭВ (то есть вопрос выносился гораздо выше, чем уровень представителей стран-членов в рамках СЭВ и руководства СЭВ – старый прием для политического «продавливания» изменений в аппарате СЭВ)³⁸.

Центральным моментом было усиление плановой централизации в СЭВ путем повышения роли Комитета СЭВ по сотрудничеству в области плановой деятельности – по сути, предлагалось

подчинить ему все остальные комитеты³⁹. И в числе прочего в подготовительных материалах фигурировала тема, предложенная Косыгиным в качестве части общей плановой политики СЭВ: предлагалось сделать акцент на разработку правовых и организационных механизмов развития внешнеэкономических связей СЭВ. По этому вопросу сразу обозначились два полюса: венгерская сторона предлагала создать Комиссию по внешнеэкономическим связям, румынская сторона, опасаясь наднациональности, просила ни в коем случае этого не делать⁴⁰.

В черновых набросках итогов столь важной сессии СЭВ значилось: «Продолжать коллективную политику стран-членов СЭВ в отношении Европейского экономического сообщества, имея в виду, что переговоры отдельных стран с органами ЕЭС не должны ставить страны-члены СЭВ в неравное положение. Следует одновременно продолжать коллективные действия стран-членов СЭВ, имея в виду определить основные принципы торгово-политических отношений между странами-членами СЭВ и странами “Общего рынка”»⁴¹.

Однако по непонятным пока причинам, несмотря на бурную подготовительную деятельность, совещание, призванное снова попытаться реализовать идею Н.С. Хрущева о создании наднационального социалистического «супергосплана» по аналогии с западной моделью интеграции в ЕС, было отменено самим СССР. Революции в углублении социалистической интеграции в СЭВ, которую явно продвигал Косыгин в рамках имплементации Комплексной программы социалистической интеграции после СБСЕ, в 1975 г. так и не произошло. Но по итогам первой встречи закипела работа по подготовке соглашения об основах отношений СЭВ и Европейских Сообществ.

Как показывает рабочая запись совещания Секретаря СЭВ Фаддеева с заместителями Постоянных представителей 28 ноября 1975 г., уже перед первым собранием Редакционной группы по тексту соглашения между СЭВ и ЕЭС, разгорелась борьба между восемью странами, готовыми к встрече, и румынской стороной. Последняя всячески пыталась отложить доработку документа, требуя перенести заседание со 2 декабря на 22-е, мотивируя наличием неких замечаний у правительства СРР, которые, однако, представитель страны был не готов озвучить на встрече у Фаддеева⁴². А это означало бы невыполнение поручений 73-го заседания Исполкома СЭВ, одобрившего проект соглашения и поручившего специально образованной редакционной группе доработать документ и представить его на последующем заседании Исполкома. Каждая страна в течение месяца должна была сообщить свои замечания, но Румыния сознательно этого не сделала.

«Речь идет о том, что вопрос является особенным для нашей Стороны и мне трудно объяснить, почему, – заявил представитель СРР. – Без соответствующего анализа и соответствующего уровня

наше участие 2–3 декабря на совещании будет только присутствием и не будет соответствовать решению вопроса»⁴³. Однако, несмотря на все попытки совершенно не аргументированного срыва сроков заседания, страны СЭВ единодушно высказались за созыв Редакционной группы 2 декабря.

Что обсуждали на первой встрече Редакционной группы?

Проект соглашения, одобренный на 73-м заседании Исполкома СЭВ, как следует из преамбулы, представлял собой документ, призванный определить основы отношений между двумя блоковыми экономическими организациями после подписания Хельсинского Заключительного акта СБСЕ. В нем подчеркивался акцент на «позитивный вклад в дело расширения и укрепления равноправных и взаимовыгодных экономических отношений» – едва ли не главная цель, поставленная СЭВ при разработке «Программы долгосрочной торгово-экономической политики заинтересованных стран СЭВ»⁴⁴.

В статье 1 провозглашалось установление официальных отношений между СЭВ и ЕЭС – то, чего с таким усердием добивались восточноевропейские члены СЭВ на протяжении 1960-х гг.⁴⁵

Статья 2 подчеркивала правомочность положений Заключительного акта СБСЕ, подписанного в Хельсинки 1 августа 1975 г., с акцентом на принципах суверенного равенства, невмешательства во внутренние дела и сотрудничества между государствами.

Статья 3 очерчивала рамки областей сотрудничества между двумя организациями, где на первом месте было «улучшение условий торгово-экономического сотрудничества между странами-членами СЭВ и странами-членами ЕЭС. Также назывались стандартизация, экология, статистика и экономическое прогнозирование»⁴⁶.

Статья 4 прописывала едва ли не самый спорный момент – формы отношений именно между двумя организациями, а не их странами-членами. Предложения СЭВ включали совместную работу в областях, указанных в статье 3, обмен информацией, организацию симпозиумов и, пожалуй самое важное, – «систематические контакты между представителями и сотрудниками СЭВ и ЕЭС»⁴⁷.

Статья 5 была прелюдией к ключевой статье 6: «страны-члены СЭВ и страны-члены ЕЭС будут применять в отношении друг друга режим наибольшего благоприятствования»⁴⁸.

А за ней следовал целый букет статей: о недискриминационной основе отношений (статья 7), о благоприятных условиях кредитов (статья 10), об общем преференциальном режиме (статья 12). Также ряд статей включали требования отдельных стран-членов СЭВ: статья 9 была посвящена «долговременной и справедливой основе» отношений в сфере торговли сельскохозяйственными товарами с явной целью защитить Румынию и Болгарию от общей сельскохозяйственной политики Брюсселя. А часть статьи 12 была посвящена персонально Кубе: «Европейское Экономическое Сообщество и страны-члены ЕЭС будут продолжать предоставлять Республике

Куба, члену «Группы 77», соответствующие льготы и преимущества, которые Европейское Экономическое Сообщество и страны-члены ЕЭС распространили на страны-члены этой Группы, а также те, которые они распространили или распространят в будущем на другие развивающиеся страны»⁴⁹.

При том что многие статьи носили весьма обтекаемый общий характер, СЭВ предлагал создать конкретный механизм реализации этих положений – через создание Смешанной комиссии из представителей СЭВ и стран-членов СЭВ и из представителей ЕЭС и стран-членов ЕЭС⁵⁰. На тот момент уже существовал опыт таких комиссий с отдельными странами (Финляндией, Мексикой, Ираком). Но в данном случае это был некий компромисс между стремлением как ряда стран СЭВ, так и главным образом единых органов ЕЭС в лице Комиссии ЕС к установлению прямых двусторонних отношений с каждой страной-членом противоположной организации.

Как объяснял в рассылке представителям стран в СЭВ глава Редакционной группы СЭВ Герхард Вайс (заместитель председателя Совета министров ГДР) в феврале 1976 г., уже по итогам одобрения документа на 74-й сессии Исполкома СЭВ, области сотрудничества помимо торговли, указанные в статье 2, были результатом развития контактов представителей СЭВ и ЕЭС, имевших место в 1974–1976 гг. В пояснении им делался особый акцент на статье 11, которая допускала, что отдельные конкретные вопросы могут решаться путем прямых контактов страна СЭВ – ЕЭС или страна ЕЭС – СЭВ, свободы в чем добивались в первую очередь Румыния и Брюссель в лице Комиссии европейских сообществ⁵¹.

* * *

12 марта 1976 г. на имя Фаддеева была передана информация о беседе посла ГДР в Бельгии с Председателем Комитета Постоянных представителей стран при Совете министров Европейских Сообществ Донделингером (Люксембург) о реакции на предложенный СЭВ договор. Последний указал на две трудности. Первая: неготовность всех стран отказываться от единой торговой политики, то есть нереалистичность сохранения двусторонних оглашений в обход органов Европейских Сообществ. Вторая: что касается принципа наибольшего благоприятствования, то существовала возможность только в виде либерализации, практикуемой в рамках ГАТТ. Вместе с тем, любопытно, что с его слов сам диалог ЕЭС и СЭВ вынуждал Брюссель к структурным переменам. «Уже хотя бы сама передача предложения СЭВ выдвигает перед ЕС необходимость решения вопроса о том, является ли отношение между Советом Министров и Комиссией формальным или принципиальным вопросом. Для Европейских сообществ большое значение имеет тот факт, что первый официальный ответ Совету Экономической Вза-

имопомощи (письмо господина Торна товарищу Вайсу от 2 марта 1976 г.) дан не Комиссией, а самим Президентом Совета»⁵².

Подобно тому, какой вызов с точки зрения процедур и единой внешнеполитической позиции представлял собой диалог с СЭВ для ЕС, для СЭВ это был первый опыт согласованных действий в отношении другой многосторонней организации. Вопрос о том, за чей подписью и в какой форме получать согласования текста обращения и соглашения, был отнюдь не праздный. Обсуждался вариант от имени Председателя Исполнительного комитета СЭВ. Но советская сторона в лице Лесечко настояла на поднятии уровня переговоров и авторитета организации, предложив обратиться от имени Секретаря СЭВ: «Поэтому, мне кажется, если мы хотим поддержать и авторитет нашей организации, и авторитет всех наших социалистических стран, то мы должны обратиться на самом высоком уровне в эту организацию»⁵³.

Эту мысль еще более четко выразил участвовавший в обсуждении Секретарь СЭВ Фаддеев. Его комментарий в формате «пояснений для своих» крайне важен для понимания процесса принятия решений в то время: «Все обсуждение этого вопроса было на самом высоком уровне. Для зондажа, как сказал Михаил Авксентьевич [М.А. Лесечко, Постоянный представитель СССР в СЭВ. – М.Л.], меня уполномочила сессия. Поэтому, мне кажется, надо не допустить, чтобы документ попал к чиновникам в Комиссию, потому что мы знаем заранее, что Комиссия имеет реакционные взгляды насчет взаимоотношений, она добивается взять в руки все торговые дела с нашими странами. На самом высоком уровне пришли к выводу, что этот вопрос надо поднять вплоть до соглашения, о чем на первой стадии речь не шла»⁵⁴. Таким образом, с его слов, лишь после первых зондажей было окончательно принято решение о необходимости базового формального документа между СЭВ и ЕЭС. «На самом высоком уровне» – видимо, речь идет о решениях глав стран-членов СЭВ, вероятно в рамках Политического и Консультативного комитета ОВД.

Слова Фаддеева, как и приводившиеся выше пояснения Лесечко, подтверждают версию о том, что, в отличие от ряда неглубоких исследований этих сюжетов западными авторами и их легковесных суждений, руководство СЭВ и СССР прекрасно понимало разницу между Комиссией европейских сообществ и Советом министров ЕС. И сознательно (что смотрится вполне логично в той ситуации) делало ставку на игру в пользу Совета в ситуации внутренней борьбы за полномочия между органами ЕС.

9 февраля 1976 г. было направлено сопроводительное письмо к предлагаемому СЭВ проекту соглашения от имени Председателя Исполнительного комитета СЭВ Герхарда Вайса Председателю Совета Европейских Сообществ Гастону Торну. В нем, апеллируя к Заключительному акту СБСЕ, прямо делается акцент на торговлю,

как одну из наиболее активно развивающихся сфер международного сотрудничества, влияющую на экономический рост и социальный прогресс в каждой из стран: «...Торговля является одной из областей международного сотрудничества... большое внимание в проекте Соглашения уделено вопросам улучшения условий торговли между странами-членами СЭВ и странами-членами ЕЭС»⁵⁵.

15 ноября 1976 г. Председатель Совета Европейских Сообществ М. Ван де Стул дал официальный ответ на проект СЭВ, выразив желание вести переговоры, но на основе собственного варианта соглашения⁵⁶.

Версия Брюсселя в 1-й же статье предлагала «развивать рабочие отношения» путем обмена информацией, что, конечно, существенно выхолащивало содержание документа⁵⁷. Тематика таких «обменов» сводилась к экономическому прогнозированию, торговой и экономической статистике, окружающей среде и стандартизации⁵⁸. Никаких принципиальных вопросов либерализации режима торговли, тем более предоставления статуса наиболее благоприятствуемой нации не просматривалось. Во 2-й статье обмен сводился к неким обоюдным докладам, а в третьей контакты обозначались лишь в форме информационных совещаний⁵⁹. В 5-й статье, наконец, появлялась тема торговли, но вся суть вопросов выносилась в плоскость двусторонних соглашений между ЕЭС и страной-членом СЭВ. Ни о каком равноправном диалоге между организациями тут речи не шло: «В этой связи признается, что заключение соглашений между Европейским Экономическим Сообществом и каждой из стран-членов Совета Экономической Взаимопомощи будет способствовать созданию благоприятных условий для расширения внешней торговли»⁶⁰.

Крайне любопытна витиеватая формулировка дополнительного пояснения к проекту Европейских Сообществ, переданного от Ван дер Стула через посла Нидерландов в Польшу 19 ноября 1976 г. В русском переводе оно звучало так: «Предлагая форму определения подписывающих сторон, которая содержится в преамбуле соглашения, Сообщество, со своей стороны никоим образом не имеет ввиду повлиять на ту форму, которая будет использована Советом Экономической Взаимопомощи, ибо этот вопрос остается на усмотрение последнего и его стран-членов»⁶¹.

В чем тут была интрига?

Дело в том, что дипломаты в Брюсселе допустили непростительную оплошность. В переданном проекте соглашения договаривающимися сторонами они прописали Сообщество и СЭВ, то есть своими же руками подняли авторитет восточной организации, придав ей наднациональные черты, исключив формулировку «и стран-членов» не только у себя, но и у СЭВ, что ставило крест на желании Брюсселя ослабить СЭВ и оставить свободу рук для двусторонних контактов на уровне ЕС – страны СЭВ⁶². Им пришлось «пожарными» методами исправлять допущенную оплошность и подчеркивать,

что сами они на условия СЭВ не пойдут – будут выступать единым голосом, но СЭВ волен решать так, как ему вздумается.

Единственным позитивным моментом на том этапе стала последовавшая переписка и согласие на организацию предварительной встречи экспертов в Брюсселе осенью 1977 г., выраженное в письме от 21 июня 1977 г. Дэвида Оуэна, Председателя Совета Европейских Сообществ, на имя Председателя Исполнительного комитета СЭВ К. Ольшевского⁶³.

Этому ответу Дэвида Оуэна предшествовали бурные дебаты в кулуарах структур Европейских Сообществ. Они показывают, что, конечно, не только главы делегаций определяли позицию ЕС на переговорах. Аналог Редакционной группы СЭВ был образован и в структурах ЕС. Она называлась «группа в узком составе по СЭВ» (Groupe restraint “САЕМ”).

Нам удалось обнаружить документы, связанные с обсуждением ответа на письмо Секретаря СЭВ Фаддеева от 18 апреля 1977 г. с предложением о встрече на имя Председателя Совета Европейских Сообществ. Проблема обсуждалась сперва в «узкой группе по СЭВ», а затем была передана на рассмотрение Комитета Постоянных представителей. Самым дебатированным оказался вопрос об уровне представительства делегации ЕС. И это пример того, какое внимание этому вопросу уделялось и в ЕС, а еще того, насколько разнились мнения стран-членов и сколь большой политический смысл вкладывался с обеих сторон в этот, казалось бы, чисто протокольный вопрос.

«Узкая группа по СЭВ» собиралась 6 и 16 мая 1977 г., но так и не приняла окончательного варианта ответа, передав этот вопрос на рассмотрение Комитета Постоянных представителей⁶⁴. Интересно, что и Комитет Постоянных представителей, заседавший 26 мая, тоже не пришел к единому мнению и отложил решение до следующей встречи⁶⁵.

Одна из формул, предложенных «узкой группой по СЭВ», звучала как представительство в лице Председателя Совета ЕС и представителя Комиссии ЕС. Отстаивавшие ее страны считали, что это будет вежливым ответом на приглашение Фаддеева и переговоры будут лишь техническими, а уже за ними последуют переговоры по существу между Комиссией ЕС и Секретариатом СЭВ⁶⁶. Другие страны-члены опасались, что в реальности СЭВ сможет в последний момент продавить измененную повестку дня, втянув Председателя Совета ЕС в переговоры по существу, в обход компетенций Комиссии ЕС. И предлагали ограничиться более низким уровнем экспертов двух сторон⁶⁷.

В числе последних и в «узкой группе по СЭВ», и на уровне Комитета Постоянных представителей стран при Совете министров ЕС наиболее активной была Бельгия. Она постоянно высказывала особое мнение и опасения по поводу коллективных решений в поль-

зу предложений СЭВ. По сути, Бельгия в ЕС вела себя подобно тому, как Румыния – в СЭВ. Только цели у них были прямо противоположные: Бельгия всячески охраняла наднациональность, стремясь все делать через Комиссию ЕС, а Румыния всячески боролась с наднациональностью, торпедируя общие решения по внешнеполитическим вопросам Исполкома СЭВ.

Вероятно, не случайно в архивах ЕС документы на тему переговоров с СЭВ скрыты в тематических подборках по теме Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Документы российских архивов недвусмысленно показывают, что с восточной стороны эта увязка была одним из первостепенных факторов, определявших подход СЭВ.

* * *

27 ноября 1976 г. Постоянный и Консультативный комитет ОВД опубликовал коммюнике совещания государств-участников ОВД, в котором уделил внимание и вопросу отношений СЭВ и ЕЭС.

В нем отмечалось, что «установление равноправных деловых отношений между Советом Экономической Взаимопомощи и странами-членами СЭВ, с одной стороны, Европейским экономическим сообществом и странами-членами ЕЭС – с другой, отвечало бы их взаимным интересам»⁶⁸. К сожалению, материалы ОВД пока недоступны для исследователей, но очевидно, что повторное поднятие вопроса на такой высокий политический уровень для стран «социалистического лагеря» говорило о его особой важности в контексте политики разрядки.

Тема второй корзины была поднята и на печально известной встрече стран-участниц СБСЕ в Белграде 15 июня – 5 августа 1977 г., где началась кампания давления на СССР по линии прав человека⁶⁹. Там представитель Европейских Сообществ Луис Каван напомнил о предложенном Брюсселем еще в 1974 г. двустороннем соглашении с каждой из восточноевропейских стран на условиях не принципа «наиболее благоприятствуемой нации», а «эффективной взаимности» – нового термина, появившегося в лексиконе функционеров ЕС в 1970-е гг.⁷⁰ В своем выступлении, по сообщению информантов, он также выразил недовольство тем, что после подписания Хельсинкского акта «на Востоке существует целое новое законодательство, которое ограничивает импорт из Запада», совершенно очевидно имея в виду развитие СЭВ и тем самым давая понять желание ЕС исключить СЭВ из списка субъектов для переговоров⁷¹.

10 марта 1977 г. состоялось заседание Редакционной группы СЭВ. Обсуждался проект письма в ЕС с предложением дальнейших контактов в Брюсселе или Лондоне (по месту председательствующей страны – Великобритании). Фаддеев дал разъяснения об идее письма: было подчеркнуто, что западноевропейцы уходят от главно-

го вопроса про торгово-экономические отношения и что СЭВ готов искать пути, идти на контакт и быть активным в этом вопросе. «Какая идея заключена во встрече представителей? – разъяснял свою позицию Секретарь СЭВ. – У нас есть директива – это наше Соглашение. Мы от него отступать не хотим. Наш председатель объяснит их председателю, что мы прислали им наше соглашение, а они прислали информационный ответ. Нам надо найти пути дальнейшего сближения. Это будет до некоторой степени предварительный разговор на высоком уровне»⁷².

Тем самым, Секретарь СЭВ демонстрировал жесткость инструкций и ограниченность маневра у переговорщиков со стороны СЭВ. Он в который раз подчеркнул недопустимость более низкого, «чиновничьего», уровня Комиссии Европейских Сообществ, где люди «настроены консервативно». «Наши руководители на высоком уровне подчеркивают, что мы должны вести принципиальный разговор на уровне представительных органов», – вот что было самым главным и в предлагавшемся тексте письма СЭВ, и в позиции Фаддеева. Он сознательно пытался увести разговор из-под юрисдикции Комиссии ЕС, подыгрывая Совету министров ЕС и подчеркивая, в том числе, и собственные полномочия: что переговоры по такому политическому вопросу ведут не отраслевая комиссия, а глава Исполкома с аналогичной структурой в ЕС. «Поэтому, мне кажется, – еще раз подчеркнул Фаддеев, – главная идея заключается в том, чтобы все-таки наши председатели встретились и Председатель Исполнительного Комитета с глазу на глаз с Председателем “Общего рынка” или ЕЭС договорился. Вы игнорируете все наши предложения, как мы будем дальше вести переговоры и эти разъяснения, и порядок и мы у себя решим это дело»⁷³.

Позицию СЭВ во многом помогает понять аналитический рабочий материал – «Аргументация положений проекта Соглашения между СЭВ и ЕЭС об основах взаимоотношений», а также «Контраргументация положений проекта соглашения между СЭВ и ЕЭС, полученного от Совета Европейских Сообществ 17 ноября 1976 года», разработанные на совещании представителей Секретариата СЭВ и «квалифицированных специалистов стран» в области отношений с ЕЭС в марте 1978 г.⁷⁴

В «Аргументации» отмечалось: «То обстоятельство, что у ЕЭС и СЭВ различные профили компетенций, не означает, что не может быть широкого и конструктивного Соглашения между этими организациями, учитывая, что договаривающимися сторонами являются также страны-участницы этих организаций и что обе организации могут активно содействовать своим государствам-членам в выполнении их обязательств по соглашению»⁷⁵. Большое внимание уделялось значению и мотивировке, заложенным в Хельсинском заключительном акте: «В нашем понимании «действовать в духе положений Заключительного акта... означает соблюдение всех со-

державшихся в нем принципов, в том числе и указанных в статье 2, имеющих прямое отношение к вопросам международного экономического сотрудничества», – говорилось в обосновании «сэвовской» версии соглашения⁷⁶.

Со ссылками на статью III Устава СЭВ в «Аргументации» подчеркивалось, что СЭВ обладает компетенцией заключать соглашения в области внешнеторговой политики стран-членов Совета⁷⁷. Там говорилось о содействии странам-членам в осуществлении совместных мероприятий в области товарооборота и обмена услугами друг с другом и с другими странами. Согласно интерпретации документа, к таким мероприятиям относились и торгово-политические, причем «содействие» означало заключение Советом соглашений с третьими странами. Пункт I статьи III при перечислении функций СЭВ говорил и про «другие действия». А после принятия Комплексной программы социалистической интеграции появилось новое дополнение – положение о том, что «страны-члены СЭВ будут координировать свою внешнеэкономическую политику в интересах нормализации международных торгово-экономических отношений, и прежде всего для устранения дискриминации в этой области» (пункт 3 раздела I Комплексной программы). Отсюда выводилась мысль о том, что внешнеэкономическая политика членов СЭВ является частью компетенции этой организации, включая такие ее проявления как заключение соглашений от их имени⁷⁸. Причем отмечалось, что «внешнеэкономическая политика» понятие гораздо более широкое, чем «торговая политика», которая употреблялась в Римском договоре об образовании Европейских Сообществ.

Для понимания логики СЭВ важны разъяснения, содержащиеся в проекте «Аргументации» в июльской версии 1977 г. по статье 6 проекта соглашения, что речь не идет о многосторонних переговорах по вопросу предоставления права наиболее благоприятствуемой нации: «Сама идея заключения Соглашения между СЭВ и ЕЭС направлена в первую очередь на создание лучших условий для развития внешнеэкономических связей между странами-членами этих организаций; это предполагает, что не должно иметь место ухудшение правовой основы развития этих связей, каковой является режим наибольшего благоприятствования». В Заключительном акте признается «благотворное воздействие на развитие торговли, которое может быть результатом применения режима наибольшего благоприятствования». Тем самым доказывалась принципиальная необходимость фиксации этого положения в соглашении между СЭВ и ЕЭС⁷⁹.

«Аргументация» выражала и точку зрения социалистических стран на новые веяния: появление требования «эффективной взаимности» – неких особых правил игры в отношении стран с плановой экономикой, появившихся в лексиконе западноевропейцев во второй половине 1970-х гг. «Неправильным является утверждение в некото-

рых западных кругах о связи или взаимозависимости (якобы в виду различий в социально-экономических системах стран Востока и Запада) принципа наибольшего благоприятствования с положениями Заключительного акта о “взаимности, позволяющей в целом справедливое распределение выгод и обязательств сравнимого объема”. В Заключительном акте положение о “взаимности, позволяющей в целом справедливое распределение выгод и обязательств сравнимого объема” находится в преамбуле; оно непосредственно не связано с положением о применении режима наибольшего благоприятствования, находящемся в разделе “Торговля”, а охватывает все сферы экономического и научно-технического сотрудничества; поэтому неправомерно специально выделять из Заключительного акта упомянутое положение и применять его непосредственно к режиму наибольшего благоприятствования»⁸⁰.

* * *

Переговоры СЭВ и ЕЭС, с одной стороны, играли на руку давним попыткам усилить наднациональные начала в СЭВ и повысить право принимать решения без согласования с национальными правительствами, с другой – усилили оппозицию сопротивлявшейся этому Румынии. В наиболее острой форме это вылилось в пикирование румынских и советских представителей на заседании Редакционной группы Исполкома СЭВ по вопросам постановления 88-го заседания Исполнительного Комитета по пункту XIX повестки дня 11 января 1978 г. Секретарю СЭВ Фаддееву пришлось констатировать: «... Наши эксперты поработали, к сожалению, не договорились почти по всем вопросам».

На встрече румынский представитель Станку фактически поставил всем ультиматум уже на второй день заседания: «Я лично позволю себе открыто говорить, что если сохранится в дальнейшем толкование, согласно которому договаривающейся стороной являются не страны, а что в этом вопросе организация должна выступать от имени стран, румынская делегация не может поддержать то. Этот вопрос является неприемлемым для нас. Это значит ни в феврале, ни в марте, ни в мае мы не найдем общего решения. И переговоры с “Общим рынком” остались бы также отдаленными, как два года назад, как шесть лет назад, когда впервые обсуждали вопрос о контактах с “Общим рынком”»⁸¹.

Представитель СССР, заместитель министра внешней торговли А.Н. Манжуло в ответ на вызов заявил прямо: «Вопрос совершенно ясный и совершенно бесспорный, по нашему мнению, что лучше иметь главой делегации постоянного главу делегации, Заместителя Секретаря Совета. Это вопрос совершенно ясный. Если не хотите усложнять, присоединяйтесь к большинству, и мы быстро решим. А обвинять, что кто-то усложняет, – из содержания выступления

видно кто усложняет дело»⁸².

В итоге, ведший заседание Фаддеев рассудил, что надо оставить по пункту 2 замечание румынской стороны и продолжать обсуждение остальной части ответа. Пришлось идти на фиксацию разногласий, в надежде на то, что их сгладит заседание Исполкома СЭВ.

В марте 1978 г. состоялось следующее заседание, на уровне экспертов, по контраргументации положений проекта соглашения между СЭВ и ЕЭС, полученного 17 ноября 1976 г, где разговор проходил в более уважительных тонах. После напряженнейшей двухдневной дискуссии, где обсуждалось, какой из двух вариантов – «шема декор» (рамочное соглашение) ЕС или принципиальный договор в версии СЭВ – стоит брать за основу дальнейших переговоров, с пламенной речью выступил Фаддеев. В его интерпретации значение соглашения обрело совсем иной смысл: «Мы должны рассматривать этот документ не как конъюнктурный или специальный акт, чтобы поставить ту или иную организацию в какое-то положение. Это есть логический шаг всей нашей принципиальной линии. Мы безусловно хотим найти такие пути, чтобы сотрудничество наших стран расширялось, и СЭВ и ЕЭС могут сыграть в этом исключительно большую положительную роль»⁸³.

Надо понимать, что Секретарь СЭВ говорил это не для внешнего потребления, не на партийном съезде, а «для своих», для экспертов СЭВ из министерств и ведомств, и видно, что он верил в то, что говорил. В ретроспективе, глядя из 2018 г., возможно, если бы соглашение рассматривалось чисто как документ – можно было бы фиксировать позиции в 1978 г. (после уступок Брюсселя в варианте от ноября 1978 г.), видя что Брюссель пошел на ряд компромиссных формулировок, и в тексте зазвучали вопросы торговли и принципа наибольшего благоприятствования. Но из слов Фаддеева становится понятно, что здесь был и идеологический момент: это – часть веры в силу разрядки, веры советского и «сэвовского» руководства в прогресс и сотрудничество, порою доходивший до утопических ожиданий от переговоров.

С одной стороны, Фаддеев реалистично отметил, что «мы знаем, какая главная направленность “Общего рынка”... направленность, чтобы всячески сделать все для того, чтобы не давать возможности укреплять и распространять влияние социалистической системы, в том числе Совету Экономической Взаимопомощи, который заявляет все больший и больший авторитет». С другой – он верил в силу экономического фактора на волне разрядки: «Это факт, что развиваются экономические отношения в определенных деловых кругах стран “Общего рынка”, он довольно сильно превалирует, и он будет действовать в нашем направлении с тем, чтобы такое соглашение было заключено. Я хочу сказать, что наши позиции с Вами сильны. И когда мы говорим о том, что могут быть какие-то происки – наши позиции с Вами сильны, но мы должны держаться едино»⁸⁴.

«Наша идея заключается в том, чтобы расширять экономические, торговые и другие связи, имея в виду нашу генеральную линию укрепления мира и безопасности. Это единственная материальная база для выполнения этой главной и принципиальной идеи наших стран... мы идем с открытым забралом на разговор с "Общим рынком"»⁸⁵.

Как виделось Секретарю СЭВ светлое будущее мира в эру разрядки?

Здесь одним из центральных моментов была вера восточноевропейских партийно-государственных чиновников в силу Заключительного акта СБСЕ. В своей заключительной речи на Редакционной группе Фаддеев прямо сказал: «Между тем в условиях достигнутого уровня разрядки напряженности, а также исходя из духа Заключительного акта и важности развития отношений между двумя самыми мощными международными экономическими организациями мира практическое значение имеют главным образом официальные отношения между ними, а не просто рабочие отношения путем обмена информацией; официальные отношения могли бы внести гораздо больший вклад в дело материализации разрядки, укрепления мира. С этой точки зрения важны и совместное изучение и разработка проблем (ст. 4 проекта СЭВ), и создание смешанной комиссии (ст. 14 проекта СЭВ), которые придали бы отношениям между СЭВ и ЕЭС более конструктивный, постоянный и оперативный характер»⁸⁶.

В ноябре 1978 г. состоялась встреча Н. Фаддеева и вице-президента Комиссии ЕС В. Хаферкампа в Брюсселе. Она представляла собою уже обсуждение макета будущего соглашения, о котором в принципе договорились эксперты двух организаций в Брюсселе в июле 1978 г.

Со стороны СЭВ отмечался большой конструктив в общении с руководством Комиссии ЕС. Так, Хаферкамп сообщил о решении Брюсселя поднять уровень соглашения и подписывать его на основании иной статьи Римского договора, нежели ранее, за подписью не Комиссии, а Совета ЕС. Это делало документ обязательным к исполнению всеми странами-членами «Общего рынка»⁸⁷.

Делегация Комиссии ЕС пошла на дискуссию по принципиальным вопросам торговли и внесла в качестве «крайней» формы компромисса новые предложения по тексту договора со своей стороны. Вместе с тем, Брюссель сохранял линию на вынесение деталей торговых отношений с многостороннего уровня СЭВ на уровень индивидуальных, двусторонних отношений с восточноевропейскими странами. Делегация СЭВ по итогам встречи рекомендовала также выработать новые предложения, оставив принципиальные вещи, которых добивался СЭВ⁸⁸.

В компромиссных предложениях ЕС от 24 ноября 1978 г. к собственному же тексту соглашения с СЭВ версии 1976 г., на первый взгляд, остались те же статьи: обмен информацией и прочее.

Но при внимательном изучении можно увидеть, что в предложенной со стороны ЕС модификации статьи 5 появились моменты, на которых так упорно настаивал СЭВ. Так, в рамочном соглашении Брюссель наконец согласился не просто прописать общие слова про необходимость благоприятных условий для развития внешней торговли. Появилась важная юридическая оговорка: «При разработке этих соглашений следует руководствоваться соответствующими положениями Заключительного акта Совещания по безопасности и Сотрудничеству в Европе, и эти соглашения могут содержать, в частности, положения о применении режима наибольшего благоприятствования, о режиме импорта и о механизмах консультаций и защитных мер»⁸⁹.

На 88 заседании Исполкома СЭВ, на заседании глав делегаций Фаддеев провозгласил, что период зондажей закончен и переговоры вступают в фазу обсуждения и согласования текстов. В этой связи он высказался за большую свободу маневра для переговорщиков на встречах с делегатами ЕС и предложил новый вариант объединенных статей 6, 7 и 11 изначального проекта СЭВ⁹⁰.

Хотя накануне румынский представитель в традиционном для этой стране ключе заявил о необходимости дополнительного изучения предлагаемых модификаций и полномочий делегации СЭВ вносить изменения в тексты в ходе переговоров, восьмерка стран поддержала Фаддеева и новую версию объединенной статьи. Суть нововведений представляла собой компромисс между поднятием авторитета СЭВ как многосторонней организации и санкцией на двусторонние соглашения отдельных стран с Брюсселем.

Вариант новой статьи, предложенный на 88 заседании Исполкома СЭВ в 1978 г., представлял собой объединенную версию прежних статей 6, 7 и 11 первоначального проекта СЭВ. В нем, в частности, говорилось про обязательство применять режим наибольшего благоприятствования, про отмену всех запретов и ограничений в отношении импорта или экспорта и т.д. В то же время говорилось, что «на основе принципов настоящего Соглашения заинтересованные страны-члены СЭВ будут в случае необходимости заключать соглашения с ЕЭС в целях урегулирования специфических вопросов их торговли» и «отдельные вопросы торгово-экономических отношений в развитие положений настоящего Соглашения... могут быть урегулированы двусторонними или многосторонними соглашениями»⁹¹.

* * *

Таким образом, можно говорить про постепенное смягчение и модификацию позиций обеих сторон в переговорах. Принципиальным моментом было расхождение в видении роли соглашения о сотрудничестве между СЭВ и Европейскими Сообществами: ру-

ководство СЭВ видело его основополагающим для всех последующих двусторонних контактов, а руководство ЕС считало его чистой формальностью для легализации индивидуального подхода в рамках двусторонних соглашений со странами «Восточного блока».

В 1979 г. Фаддеев и представители стран в СЭВ были исполнены веры в свои силы и веры в возможность добиться больших уступок от ЕС несмотря на затянувшиеся переговоры. К этому моменту подоспели и институциональные изменения в СЭВ. 28 июня 1979 г. были внесены долгожданные изменения в Устав СЭВ: в статье 4 появился текст: «Неучастие одной или нескольких стран-членов Совета в отдельных мероприятиях, представляющих интерес для других стран-членов Совета, не препятствует осуществлению заинтересованными странами сотрудничества по таким мероприятиям в Совете» и «рекомендации и решения не распространяются на те страны, которые заявили о своем неучастии в их принятии или о незаинтересованности в данном вопросе»⁹².

Насколько близки были стороны к достижению компромисса и был ли он реалистичен на рубеже 1970-х – 1980-х гг.?

Данный вопрос остается дискуссионным. Однако в отличие от категорического вердикта некоторых историков о невозможности его достижения в принципе, документы СЭВ говорят о том, что понимание пределов и возможностей партнеров по переговорам постепенно приближало стороны к не идеальному, но близкому к желаемому результату. И здесь центральными являются не колоритные высказывания Секретаря СЭВ, а мнение «переговорщиков» и «редакторов» от СЭВ.

Наиболее показателен в этом плане предельно реалистичный и взвешенный документ 1980 г. – «Замечания относительно изменений в тактике на заседании экспертов СЭВ и ЕЭС, проводимого 15 октября». Его автор – руководитель группы экспертов Секретариата СЭВ и стран-членов СЭВ Янош Нергеш, бывший генеральный директор Министерства внешней торговли Венгрии, впоследствии – специальный представитель правительства ВНР на переговорах по вопросам внешней торговли. Как следует из сопроводительного письма на имя Фаддеева, его «Замечания» были составлены по итогам проведенных Нергешем консультаций в странах-членах СЭВ. Документ представляет собой комментарии к каждой из статей проекта соглашения между СЭВ и ЕЭС в том виде, в каком они были зафиксированы после ряда взаимных уступок на конец 1979 г.

Как следует из наблюдений Нергеша, практически все статьи соглашения можно было зафиксировать на предстоявшем раунде переговоров в максимально приемлемом и для СЭВ, и для ЕЭС виде. Самое главное – он четко представлял себе степень реалистичности и нереалистичности отстаивания изменений в диалоге с Брюсселем.

К примеру, по одной из самых принципиальных для СЭВ 2-й статье соглашения, венгерский переговорщик предлагал придерживаться-

ся такой тактики: «И в дальнейшем мы должны стремиться к тому, чтобы данная статья относилась и к торговым отношениям, но если это невозможно, в том случае должна быть сделана такая формулировка, по которой договаривающиеся стороны (то есть ЕЭС, СЭВ и его страны-члены) определяют область сотрудничества на более поздних переговорах, в то время, в отношении связей СЭВ и ЕЭС, как связей двух организаций: следует отметить развитие торговых и экономических связей, экономическое прогнозирование, методику торговой и экономической статистики и охрану окружающей среды»⁹³.

Это был самый разумный и напрашивающийся сам собой способ выйти из тупика, в который зашли переговоры после множества взаимных уступок по всем вопросам, кроме торгового. Соглашение было рамочным, добившись упоминания торговых вопросов в принципе и столкнувшись с принципиальной позицией ЕЭС, надо было действовать более гибко, их следовало выносить в различные иные формы договорных отношений в формате продолжения базового соглашения. На это же было нацелено и другое предложение Нергеша: «Везде, где договаривающейся стороной указывается ЕЭС, необходимо подчеркнуть всяческие ссылки на экономическое сотрудничество»⁹⁴.

По статье 8 «сэвовского» проекта о преференциях, Нергеш реалистично предлагал: «Ввиду того, что цель заставить ЕЭС обязать себя дать преференции не является реальной, мы должны предложить такую формулировку, которая обяжет Общий рынок не отказывать ни одной стране в участии в общей преференциальной системе только из-за того, что она располагает отличающимся экономическим и социальным строем»⁹⁵.

Это была совсем другая, вполне достижимая установка, нежели та, на которой настаивали первые директивы середины 1970-х гг. и в которые верил Фаддеев в конце 1970-х гг.

Хотя полная картина по архивным документам до конца еще не ясна, наиболее правдоподобной на сегодняшний день выглядит гипотеза С. Кансикас о чрезмерно жестких инструкциях переговорщикам со стороны СЭВ, которые не позволили им зафиксировать те достижения, которые были достигнуты к концу 1970-х гг. Даже если бы компромиссное соглашение об основах взаимоотношений не дало бы полной реализации всех чаяний и надежд, связываемых с ним советской стороной, оно было явно большим, чем итоговое официальное признание двух интеграционных объединений, состоявшееся лишь в 1988 г. путем простого обмена нот, без основополагающего соглашения вообще.

* * *

Почему же, глядя в ретроспективе, между СЭВ и ЕС все-таки так

и не было подписано соглашение о сотрудничестве в 1970-х гг.?

Как показывает проведенный документальный анализ, во-первых, поворот СЭВ лицом к Европейским Сообществам был большим, чем просто реакция на успехи ЕС. Это было и больше, чем просто желание наладить диалог с Вилли Брандтом и подписать Московский договор, как считал Вольфганг Мюллер⁹⁶. Это была часть советских и шире – восточноевропейских планов, связанных с реализацией Хельсинкского акта – по сути, планов реализации плодов разрядки первой половины 1970-х гг.

Резкое несовпадение ожиданий и действительности на экономическом поле стало одним из величайших разочарований, наряду с политическим – вместо атмосферы доверия и уважения – избирательного превращения темы прав человека в информационно-пропагандистское оружие против СССР (особенно на фоне сознательного отсутствия критики за те же «грехи системы» в Китайской Народной Республике и реализации статуса наиболее благоприятствуемой нации в соглашении ЕС с КНР при попытке игнорирования аналогичного запроса со стороны стран СЭВ).

Самое главное в добавочной формулировке преамбулы со стороны ЕС – что, во-первых, не удалось разбавить полномочия Комиссии ЕС, не удалось ввести в качестве стороны соглашения и национальные государства Западной Европы. Во-вторых, тем самым не удалось придать равноправный статус СЭВ ввиду особенностей его правоспособности. ЕС давал понять, что он имеет все полномочия действовать от имени стран-членов, СЭВ требовалось пройти долгий путь к внесению в 1979 г. изменений в Устав, позволявших отойти от принципа единогласия и обойти препятствие в лице Румынии, постоянно мешавшей большинству более решительно настроенных членов организации.

Возможно, если бы реформа внешнеэкономической составляющей СЭВ, как она планировалась на высшем партийном уровне в 1975–1976 гг. состоялась бы, соглашение все-таки было бы подписано. И тогда даже на двустороннем уровне страны стали бы координировать свои действия в отношениях с ЕС, видя в СЭВ инструмент защиты своих интересов. Коллекционирование обид и затягивание переговоров, забюрократизированный механизм принятия решений, уязвимость любых решительных действий ввиду чрезвычайной демократичности процедур и боязнь их нарушить – в итоге получилось именно ползучее, техническое, де факто признание единых органов ЕС странами Восточной Европы и демонстрация неспособности СЭВ реализовать свой объединительный внешнеэкономический потенциал применительно к переговорам на уровне многосторонних организаций. Если в 1970-х гг. ЕС проходил через адаптацию к нефтяному шоку 1973 г. и был в целом более сговорчивым, то в 1980-х гг. стагнация экономик стран СЭВ на фоне роста экономик стран ЕС становилась все более очевидной. В этом плане попытки списать

все на новый виток Холодной войны в 1979–1981 гг. носят скорее психотерапевтический смысл, нежели помогают понять реальные причины успехов и неудач переговорного процесса.

Нельзя сказать, что переговоры и весь процесс выработки общей позиции и многостороннего соглашения на протяжении 1970-х гг. прошли даром для организации. Как отмечал в своем докладе на конференции в Институте всеобщей истории РАН в 2012 г. итальянский историк Дж. Гаравини, вопрос отношений с Восточной Европой и с США в результате СБСЕ стал одной из главных побудительных причин для принятия «декларации Европы» в 1973 г. и, как отмечалось не раз, и как было показано и в этой статье, для выработки единого голоса в структурах Брюсселя. Аналогичные процессы происходили и в СЭВ.

Разница только была в том, что СЭВ как организация изначально не ставил главной целью выработку наднациональной стратегии и тактики. Отсюда и отчаянная борьба и даже некоторый диктат малых стран, которые, как отмечала С. Кансикас, успешно использовали слабые правовые и организационные стороны организации для ограничения попыток углубления интеграции и для реализации своих эгоистических национальных стратегий в ущерб «мировой системе социализма», забота о которой все большим бременем ложилась на главного донора – Советский Союз.

Следует отметить, что, несмотря на, казалось бы, полную безнадёжность переговоров ввиду диаметральных изначальных директив, обе стороны демонстрировали подчеркнутую вежливость и уважение, и каждый раз, несмотря на грозные заявления о «последних» уступках, вырабатывали новые и новые компромиссные формулировки, устанавливая модус вивенди и стремясь не заморозить переговорный процесс, не потерять контакт с партнерами по переговорам. Поэтому в корне неверно говорить о «диалоге глухонемых» применительно к 1970-м гг.

Это позволяет сделать вывод о существенном продвижении и даже близости к принятию существенно модифицированной, по сравнению с начальной, версии соглашения в случае более гибкого подхода со стороны СЭВ, как было показано на примере фиксации позиций в 1979–1980 гг. Неверная оценка ситуации, непонимание того, что время играет против СЭВ, чрезмерные иллюзии в советской интерпретации Хельсинкского Заключительного акта СБСЕ помешали успешному завершению переговоров на рубеже 1970-х – 1980-х гг.

Примечания Notes

¹ *Тюрин Е.А., Чернобаев А.А.* «Исходить из необходимости обеспечения принципов полного равноправия сторон»: О начальном этапе взаимоза-

действия СЭВ и ЕЭС. 1975 г. // Исторический архив. 2016. № 4. С. 3–12.

² *Ham P. van.* The EC, Eastern Europe and European Unity: Discord, Collaboration and Integration Since 1947. London: Pinter, 1993. P. 117.

³ *Kansikas S.* The Council for Mutual Economic Assistance – A Restricted Cold War Actor // *Comparativ. Zeitschrift für Globalgeschichte und Vergleichende gesellschaftsforschung.* 2017. Vol. 27. № 5-6. P. 84–100.

⁴ *Kansikas S.* The Council for Mutual Economic Assistance – A Restricted Cold War Actor // *Comparativ. Zeitschrift für Globalgeschichte und Vergleichende gesellschaftsforschung.* 2017. Vol. 27. № 5-6. P. 92.

⁵ *Александров-Агентов А.М.* От Коллонтай до Горбачева: Воспоминания дипломата, соратника А.А. Громыко, помощника Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко и М.С. Горбачева. Москва, 1994. С. 207.

⁶ *Липкин М.А.* Проблема взаимного признания СЭВ и Европейского Сообщества в 1972 году: Эволюция советской политики в области экономической, идеологической и военной безопасности в Европе в контексте СБСЕ // Обеспечение международной безопасности в условиях Холодной войны: поиски согласованных подходов. Москва, 2017. С. 152–167.

⁷ *Липкин М.А.* Проблема взаимного признания СЭВ и Европейского Сообщества в 1972 году: Эволюция советской политики в области экономической, идеологической и военной безопасности в Европе в контексте СБСЕ // Обеспечение международной безопасности в условиях Холодной войны: поиски согласованных подходов. Москва, 2017. С. 161, 162.

⁸ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 64. Д. 460. Л. 67.

⁹ Там же. Л. 196–197.

¹⁰ Там же. Л. 205.

¹¹ Там же. Л. 208.

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 84.

¹⁴ Там же. Л. 91.

¹⁵ Там же. Л. 88.

¹⁶ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 561. Оп. 59. Д. 3. Л. 3–10.

¹⁷ *Kansikas S.* The Council for Mutual Economic Assistance – A Restricted Cold War Actor // *Comparativ. Zeitschrift für Globalgeschichte und Vergleichende gesellschaftsforschung.* 2017. Vol. 27. № 5-6. P. 94.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 59. Д. 3. Л. 33–34.

¹⁹ Там же. Л. 37–38.

²⁰ *Andrew C., Gordievsky O. (eds.).* Comrade Kryuchkov's Instructions: Top Secret Files on KGB Foreign Operations, 1975 – 1985. Stanford (CA): Stanford University Press, 1994. P. 162.

²¹ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 62. Д. 37. Л. 84.

²² *Andrew C., Gordievsky O. (eds.).* Comrade Kryuchkov's Instructions: Top Secret Files on KGB Foreign Operations, 1975 – 1985. Stanford (CA): Stanford University Press, 1994.

²³ *Тюрина Е.А., Чернобаев А.А.* «Исходить из необходимости обеспече-

ния принципов полного равноправия сторон»: О начальном этапе взаимодействия СЭВ и ЕЭС. 1975 г. // Исторический архив. 2016. № 4. С. 5.

²⁴ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 29. Д. 87. Л. 10.

²⁵ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 61. Д. 117. Л. 99.

²⁶ Там же. Л. 101.

²⁷ РГАЭ. Ф. 561, Оп. 61. Д. 37. Л. 4.

²⁸ Там же. Л. 7.

²⁹ Historical Archives of the European Union (HAEU). EN-1987. Direction Generale des Relation Exterieures. Note à l'attention du Président Ortoli et du vice-Président Soames. Bruxells, le 8 janvier 1975. Secret. P. 1.

³⁰ HAEU. EN-1987. Direction Generale des relations exterieurs. Bruxelles, les 9 février 1975. Rapport au sujet des premiers entretiens entre les delegations de la Commission des Communautés Européennes et du Secrétariat du Conseil d'Assistance Economique Mutuelle au siège du C.A.E.M. à Moscou du 4 au 6 février 1975. P. 7.

³¹ Ibidem.

³² Ibidem. P. 6.

³³ Ibidem. P. 4.

³⁴ Ibidem. P. 12.

³⁵ Ibidem. P. 13.

³⁶ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 60. Д. 5. Л. 47.

³⁷ Там же. Л. 48.

³⁸ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 60. Д. 1. Л. 22.

³⁹ Там же. Л. 150.

⁴⁰ Там же. Л. 64.

⁴¹ Там же.

⁴² РГАЭ. Ф. 561. Оп. 61. Д. 37. Л. 73–81.

⁴³ Там же. Л. 80.

⁴⁴ Там же. Л. 181.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 182.

⁴⁷ Там же. Л. 183.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 186.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 62. Д. 37. Л. 22–23.

⁵² Там же. Л. 84.

⁵³ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 62. Д. 8. Л. 32.

⁵⁴ Там же. Л. 34.

⁵⁵ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 69. Д. 78. Л. 1.

⁵⁶ Там же. Л. 48–49.

⁵⁷ Там же. Л. 50.

⁵⁸ Там же. Л. 51.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. Л. 52.

⁶¹ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 69. Д. 78. Л. 83.

⁶² Там же. Л. 50.

⁶³ РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 1607. Л. 71.

⁶⁴ HAEU. EN-1988. Secretariat Général du Conseil. Note. Bruxells, le 18 mai 1977. P. 1–3.

⁶⁵ HAEU. EN-1988. Commission des Communautés Europeennes. Secretariat Général. Note de Dossier. Bruxelles, le 27 mai 1977. P. 1–4.

⁶⁶ HAEU. EN-1988. Secretariat Général du Conseil. Note. Bruxells, le 18 mai 1977. P. 2.

⁶⁷ Ibidem. P. 3.

⁶⁸ РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 1607. Л. 81.

⁶⁹ *Загорский А.В.* Хельсинкский процесс (переговоры в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, 1972 – 1991). Москва, 2005. С. 117–141.

⁷⁰ РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 1607. Л. 114–115.

⁷¹ Там же. Л. 115.

⁷² РГАЭ. Ф. 561. Оп. 63. Д. 38. Л. 41.

⁷³ Там же. Л. 43.

⁷⁴ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 64. Д. 35. Л. 5.

⁷⁵ Там же. Л. 20.

⁷⁶ Там же. Л. 21.

⁷⁷ Там же. Л. 21–22.

⁷⁸ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 63. Д. 38. Л. 61.

⁷⁹ Там же. Л. 67.

⁸⁰ Там же. Л. 69.

⁸¹ Там же. Л. 272.

⁸² Там же. Л. 273.

⁸³ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 64. Д. 36. Л. 258.

⁸⁴ Там же. Л. 259.

⁸⁵ Там же. Л. 260.

⁸⁶ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 64. Д. 35. Л. 53.

⁸⁷ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 72. Д. 4. Л. 106.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же. Л. 109.

⁹⁰ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 65. Д. 7. Л. 406–407.

⁹¹ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 65. Д. 5. Л. 88.

⁹² РГАЭ. Ф. 302. Оп. 2. Д. 1735. Л. 4.

⁹³ РГАЭ. Ф. 561. Оп. 66. Д. 46. Л. 95.

⁹⁴ Там же. Л. 96.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ *Mueller W.* Recognition in Return for Détente? Brezhnev, the EEC and the Moscow Treaty with West Germany, 1970 – 1973 // *Journal of Cold War Studies*. 2011. Vol. 13. № 4. P. 79–100.

Автор, аннотация, ключевые слова

Липкин Михаил Аркадьевич – докт. ист. наук, профессор РАН, ди-

ректор, Институт всеобщей истории, Российская академия наук; профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) (Москва)

mli@igh.ru

В 1970-е гг., в условиях разрядки международной напряженности, начались и некоторое время шли переговоры между Советом Экономической Взаимопомощи, интеграционным объединением «социалистического лагеря», и Европейскими Сообществами, интеграционным объединением Западной Европы. До недавнего времени этот переговорный процесс между двумя экономическими антиподами в отечественной историографии ни разу не становился предметом серьезного изучения. Главная тому причина – недоступность документов как Министерства иностранных дел СССР, так и Европейских Сообществ. Между тем в немногочисленных работах, опубликованных западными историками, переговоры между СЭВ и Европейскими Сообществами в 1970-е гг. получили название «диалога глухонемых». В настоящей статье впервые проведен сравнительный анализ документов из архивов этих двух экономических объединений. Главное внимание уделено освещению хода переговоров между СЭВ и ЕС, а также осмыслению причин, по которым эти переговоры не увенчались официальным взаимным признанием двух интеграционных объединений и заключением между ними соглашения о сотрудничестве. Что представляли собою СЭВ и ЕС в 1970-е гг.? Какие интересы преследовали они на переговорах друг с другом? Как работали бюрократические переговорные механизмы СЭВ и ЕС? Почему двум интеграционным объединениям Востока и Запада не удалось официально признать друг друга, несмотря на интенсивный рост контактов и даже растянувшийся во времени переговорный процесс об основах отношений в 1970-х годах? Можно ли объяснить это закатом разрядки в конце 1970-х гг.? На эти и другие сложные вопросы автор стремится найти убедительные ответы.

Холодная война, разрядка международной напряженности, мировая система социализма, Организация Варшавского Договора, Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), Европейские Сообщества (Европейское Экономическое Сообщество), Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, Хельсинкский Заключительный акт, экономическая интеграция, экономическая дискриминация, экономическая дипломатия, А.Н. Косыгин, Н.В. Фаддеев.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Kansikas, Suvii. The Council for Mutual Economic Assistance – A Restricted Cold War Actor. *Comparativ. Zeitschrift fur Globalgeschichte und Vergleichende gesellschaftsforschung*, 2017, vol. 27, no. 5-6, pp. 84–100. (In English).

2. Mueller, W. Recognition in Return for Détente? Brezhnev, the EEC and the Moscow Treaty with West Germany, 1970 – 1973. *Journal of Cold War Studies*, 2011, vol. 13, no. 4, pp. 79–100. (In English).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. Lipkin, M.A. Problema vzaimnogo priznaniya SEV i Evropeyskogo Soobshchestva v 1972 godu: Evolyutsiya sovetskoy politiki v oblasti ekonomicheskoy, ideologicheskoy i voennoy bezopasnosti v Evrope v kontekste SBSE [The Problem of Mutual Recognition by the CMEA and the European Community in 1972: The Evolution of Soviet Policy in the Area of Economic, Ideological and Military Security in Europe in the Context of the CSCE.]. *Obespechenie mezhdunarodnoy bezopasnosti v usloviyakh Kholodnoy voyny: Poiski soglasovannykh podkhodov* [International Security in the Context of the Cold War: The Search for Consensual Approaches.]. Moscow, 2017, pp. 152–167. (In Russian).

(Monographs)

4. Ham, P. van. The EC, Eastern Europe and European Unity: Discord, Collaboration and Integration Since 1947. London, Pinter, 1993, 277 p. (In English).

5. Zagorskiy, A.V. Khelsinskiy protsess (peregovory v ramkakh Soveshchaniya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope, 1972 – 1991) [The Helsinki Process (Negotiations at the Conference on Security and Cooperation in Europe, 1972 – 1991).]. Moscow, 2005, 447 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Mikhail A. Lipkin – Doctor of History, Director, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Professor, Moscow State Institute of International Affairs (University) (Moscow, Russia)
mli@igh.ru

In the 1970s under the conditions of détente the Council for Mutual Economic Assistance (CMEA), an integrative association of “the socialist camp”, and the European Communities (EC), an integrative association of Western Europe, started and for some time conducted negotiations. Until recently this negotiation process between the two economic antipodes has never been seriously studied in Russian historiography. It was mainly due to the fact that the relative documents of both the Ministry of Foreign Affairs and the European Communities could not be accessed. However, in few research papers published by Western historians the negotiations between the Council for Mutual Economic Assistance and the European Communities in the late 1970s were dubbed “the dialogue between the deaf and dumb”. The article offers the first comparative analysis of the documents from the archives of these two associations. The main attention is paid to the course of the negotiations as well as to the reasons

why these negotiations have never received any official mutual recognition on the part of these integrative institutions, with no cooperation agreement being achieved. What were the CMEA and the EC like in the 1970s? Which interests did they pursue? How did bureaucratic negotiation mechanisms work? Why did the two integrative institutions of the East and the West fail to officially recognize each other, despite largely expanded contacts and a long-lasting negotiation process on fundamental relations in the 1970s? Can it be explained by the détente moving into its closing phase in the late 1970s? The author seeks to find convincing answers to these as well as other questions.

Cold War, Détente, World Socialist System (Eastern Bloc), Warsaw Pact Organization, Council for Mutual Economic Assistance (CMEA), European Communities (European Economic Community), Conference on Security and Cooperation in Europe, Helsinki Final Act, economic integration, economic discrimination, economic diplomacy, Aleksey N. Kosygin, Nikolay V. Faddeev.

ЕВРОПА В ПРОШЛОМ

Europe in the Past

О.В. Павленко

ПАНСЛАВИЗМ В ОЦЕНКАХ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ЭПОХИ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

O.V. Pavlenko

Pan-Slavism in the Evaluation of Czechoslovak Historiography of the Cold-War Era

В условиях Холодной войны изучение славянского фактора в истории международных отношений и судьбах славянских государств приобрело исключительную актуальность, в которой наука оказалась тесно переплетена с политикой. Изучение славянской тематики, особенно панславизма, приобрело острый политический привкус и явный оценочный характер. В трудах историков политическая предвзятость, диктуемая целями и интересами идеологической борьбы, стала нормой как в странах Запада, так и в странах «Восточного блока».

Установление просоветских режимов в странах Восточной Европы повлекло качественные изменения в национальных историографиях региона, в которых утверждалась марксистско-ленинская методология. Внимание историков переключалось на «прогрессивные» революции и «освободительные движения». Однако в чехословацкой исторической науке вплоть до подавления Пражской весны 1968 г. сохранялся плюрализм мнений и концепций. Вопросы, поставленные еще Т.Г. Масариком, еще больше стали волновать интеллектуалов: что было во благо национальным движениям славян; какую роль сыграла Россия в их национальном освобождении? На этот счет существовали различные суждения. Со временем их только прибавилось.

В марксистской историографии основной акцент делался на связях местных радикалов с российскими и польскими революционерами. В очередной раз история российско-славянских отношений превращалась в поле научного противостояния. Стороны использовали селективный отбор информации, что придавало академи-

ческим дискуссиям характер жесткой политической полемики. По сути, славянские исследования нового и новейшего времени стали примером проникновения политики в науку и науки в политику. Разделительные идеологические линии как метастазы пронизывали западную, советскую, восточноевропейские историографии.

Нередко научный анализ подменялся апологетикой «русско-славянского братства»¹. В книге историка Й. Ирасека, посвященной русско-чешским связям, констатировалось, что русофильство «наполняло чехословацкую мысль энергией и отвагой». Автор констатировал, что все славянские проекты возникали и развивались под влиянием безусловного русофильства². В чехословацкой марксистской историографии особенно востребованными оказались работы Зденека Неедлы о чешском русофильстве и революционном движении.

Чем сильнее оказывалось политическое давление, тем упорнее чешские историки сохраняли интерес к концепции «критического славянства». После смерти Т.Г. Масарика его идеи развивал Эдуард Бенеш – преданный соратник и последователь Масарика, второй президент Первой республики. Книгу «Размышления о славянстве» (1947 г.) он начал писать в Лондоне, где во время Второй мировой войны находилось чехословацкое правительство в изгнании. Это был плод критического осмысления горького опыта чехословацкой государственности и ее крушения в 1938–1939 гг. Лавирование между Лондоном и Москвой, сложные отношения со Сталиным, политическая конкуренция с чехословацкими коммунистами, быстро набиравшими силу, наконец, всплеск русофильства и славянской взаимности, поднявшийся в Чехословакии на волне освобождения от нацизма, – все эти события вплелись в ткань его труда.

В шестой главе этой книги Э. Бенеш анализировал панславизм, панруссизм и пангерманизм. Он не скрывал, что в основе его подхода лежит концепция «критического славянства» Т.Г. Масарика. Рассматривая понятие «панславизм», Э. Бенеш выделял несколько его значений: 1) в политическом смысле как любые целенаправленные действия по объединению славянских народов в некую общую социально-политическую структуру; 2) как отдельную стратегию в российской политике по усилению политического и морального влияния России на зарубежных славян, особенно балканских; 3) расширительное толкование «панславизма» как совокупности разнообразных культурно-просветительских акций, призывов к солидарности славян с Россией, но без нарушения территориальной целостности и суверенитета отдельных государств³.

Если пангерманизм обладал мощной философской основой, то панславизм, за исключением трудов Н.Я. Данилевского и Р.А. Фадеева, не имел, по мнению Э. Бенеша, общей ценностной системы и целевых установок. Панславизм скорее напоминал рефлексию славянских патриотов, опасавшихся усиления пангерманских на-

строений⁴. Бенеш не без основания считал фактор пангерманизма ключевым в развитии панславистских проектов.

Вторая мировая война жестко расставила новые акценты в осмыслении славянской темы. Под влиянием борьбы с нацизмом Бенеш придал дискуссии о соотношении панславизма и пангерманизма смысл исторической альтернативы. Мировые войны – Первая и Вторая – создавали такое высокое напряжение и противостояние в Европе, что возрождалась идея о якобы «вековой и фатальной» борьбе между славянством и германством. Книга Бенеша тоже была написана под влиянием этих настроений.

В этом же ключе была выдержана книга Яна Белича о Карле Гавличке-Боровском. Автор использовал выдвинутую Франком Вольманом концепцию идеологических доминант в чешском движении, но не критиковал «дезинтеграционную тенденцию», а напротив, усиливал ее историческую значимость, определяя термином «чешство» (“ceštvi”). Если осторожный политик Э. Бенеш предпочел обойти острые углы, то Я. Белич обрушился с критикой не только на пангерманизм, но и «реакционное царедворство», которое мешало прогрессивным славянским классам воссоединиться в общем революционном порыве. В духе концепции «революционного славянства», разработанной Зденком Неядлы, Белич писал о «реакционном сращивании славянофильства с самодержавием», подчеркивая, что «царская империя стремилась к созданию огромного всеславянского государства»⁵. Таким образом, миф о панславизме обретал второе дыхание и в марксистских трудах.

Чехословацкая историография по славянской теме раскололась на два лагеря. В 1947 г. под редакцией Й. Мацурека был опубликован сборник «Славянство в чешской национальной жизни». Одни авторы критиковали идею славянской взаимности, другие, напротив, признавали ее «ведущим принципом чешской национальной политики»⁶. Столкновение позиций наблюдалось и на страницах труда Славянского института, приуроченного к столетию Пражского съезда 1848 г.⁷ Дискуссии снова и снова совершали круги вокруг интерпретаций «славянской идеи» и ее роли в становлении чешской и словацкой наций.

1960-е гг. можно с полным правом назвать временем кульминации научного интереса к славянству и славизмам. Неизбежно сторонники и противники концепции «критического славянства» сталкивались с терминологическими сложностями. Основные понятия – «славянская взаимность» (или «общность»), «славянство», «панславизм», «панрусизм», «русифильство» – употреблялись в разных контекстах и с различными, зачастую прямо противоположными смыслами. Это снижало качество и результативность научных споров, усиливало идеологическую напряженность.

Историческая память активно впитывала новые смыслы. Возникали прямые аналогии между национальными движениями чехов

и словаков в монархии Габсбургов и стремлением отстаивать свою модель социализма от диктата Кремля в конце 1960-х гг. Споры о славянстве вызывали повышенный общественный интерес. Многие чехословацкие историки выступили на стороне реформаторов в 1968 г. Примером может служить широкое обсуждение исторических судеб “slovanství”, развернутое на страницах ведущего чехословацкого научного журнала «Словацки пршеглед»⁸.

В Чехословакии были организованы крупные международные конференции славистов – в 1959 г., 1961 г. – в Братиславе; в 1959 г., 1966 г. – в Смоленнице; в 1966 г. – в Опаве. Славянская тема была выделена как ключевая в изучении международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе. На конференции в Смоленнице в 1959 г. Людовит Голотик призвал к разработке новых методологических подходов и отказу от абсолютизации понятия «славянство»/“slovanství” как такового. Дискуссии нередко заходили в тупик из-за терминологической путаницы.

В 1964 г. вышли в свет монографии Йозефа Колейки и Франка Воллмана, ставшие заметным явлением историографии.

В книге Йозефа Колейки «Славянские программы и идея славянской взаимности в XIX–XX вв.» доказывалось, что феномен «славянства» был ограничен во времени и возможностях. Славянская идея, по его мнению, была способна воспроизводиться только в кризисных ситуациях, когда требовалась национальная мобилизация⁹. Этот взгляд соответствовал общему настрою сторонников концепции «критического славянства», которые отстаивали тезис, что славянская идея была лишь инструментом чешской политики в целях политического шантажа Вены.

Книга Ф. Воллмана «Славизмы и антиславизмы в весну народов» представляла новый взгляд на историю славизмов как понятий. В отличие от многих своих коллег, он начал с главного – изучения эволюции их смыслов в различных исторических источниках. Одним из первых он использовал не только сравнительно-исторические, но и культурологические методы анализа. Исследуя лексические пласты XIX в., ученый убедительно доказал, что термин «панславизм» имел всегда широкое и неоднозначное толкование. Его смысловая неустойчивость и многозначность объяснялась, прежде всего, негативной рефлексией западноевропейской публицистики.

Искусственно созданный фантом «политического панславизма» отражал специфику мышления интеллектуалов из стран Западной Европы. Анти-панславизм и русофобия были настолько типичным явлением, что они не хотели и не могли видеть протест славянских обществ против германизации и неравноправного положения. Ф. Воллман делал вывод, что «панславизм» понимался западными интеллектуалами в колониальных, экспансионистских категориях¹⁰. Это было важное наблюдение, не характерное для чехословацкой историографии, с особым пиететом воспринимавшей англо-амери-

канскую историческую школу.

Другая тема, поднятая Франком Воллманом – это развитие славянской идеи в России. Вслед за Т.Г. Масариком и Э. Бенешем он подчеркивал, что после Крымской войны русское славянофильство переродилось в панславизм. Если в Чехии панславизм представлял собой цепь последовательно изменявшихся славизмов от литературно-языковых до политических, то в России преобладала та политическая форма панславизма, которая напрямую развивала идеи самодержавия. Ф. Воллман различал имперскую форму панславизма от общественных симпатий к «угнетенным славянам». Ученый подчеркивал: «Циничное использование правительством религиозных и национальных чувств славянских народов не имело ничего общего с идеями писателей, основанными на традициях народного Православия»¹¹.

Широкий резонанс вызвала конференция в Братиславе в 1967 г., организованная Историческим институтом, где развернулись острые дискуссии между историками из Западной Европы и США, СССР и стран Восточной Европы. Эта конференция, инициатором которой выступил Людовит Голотик, имела научный успех и была отмечена в крупных публикациях по истории монархии Габсбургов. Доклад Роберта Канна о внутренних и внешнеполитических факторах, вызвавших дуализм 1867 г., еще более усилил интерес к панславизму. Канн настойчиво продолжал повторять тезис о панславистской угрозе России¹².

Продолжением дебатов стал сборник статей ведущих чешских и словацких ученых «Славянство в национальной жизни чехов и словаков», изданный в 1968 г. В нем был поставлен вопрос об исторической терминологии и необходимости однозначного понимания научных понятий. Исследователи стали осознавать, что в славянской проблематике кроется ловушка. В каждом конкретном случае понятия, столь хорошо знакомые, подобно хамелеонам, меняли окраску и смыслы¹³.

Историки тогда попытались найти консенсус в использовании базового концепта “slovanství”. Решено было признать наиболее универсальное толкование, то есть всю совокупность исторически меняющихся форм общественного сознания, в которых проявлялась идея славянской общности. Основная задача заключалась в том, чтобы выявить сущность этого общественно-исторического явления и формы его проявлений, а также определить его роль и место в национальных идеологиях славян монархии Габсбургов.

В ряде текстов сборника были поставлены темы, необходимые для осмысления роли славянской идеологии в монархии Габсбургов и влияния России на австрийских славян. Историк Вацлав Жачек показал, что русофильство и полонофильство в середине XIX в. выступали как две альтернативы для чешского движения. Польское восстание 1863 г. стало водоразделом для чешской политики.

Те, кто поддержал польских революционеров, одновременно выступали против «славянской взаимности» с Россией. В статье В. Гостички была проанализирована эволюция представлений о всеславянстве от первых будителей 1830-х гг. до политической программы австрославизма. Владимир Штясны поставил вопрос о «так называемой славянской политике России» и ее влиянии на чешскую среду¹⁴. Тогда чешским историкам еще представлялся дискуссионным термин «славянская политика», поскольку не хватало источников, чтобы делать выводы о самостоятельном направлении внешней политики России, ориентированном на зарубежных славян.

Радикализация общественных настроений в 1967–1968 гг. подпитывала исторические исследования сильными эмоциями, особенно если это касалось темы чешского и словацкого русофильства. За сравнительно короткий отрезок времени сложился спектр мнений – от резко критических (русофильство отвлекало от национальной борьбы, заводило политику в область утопий) до апологетических (источник борьбы против германизации, средство национальной самооценности). Между этими двумя крайними точками зрения выдвигался ряд компромиссных формулировок – от антицаристского «реакционного царофильства» до «прогрессивного русофильства», ориентированного на сотрудничество с радикальными демократами из России.

Все более становилось очевидным, что споры об историческом прошлом имели прямые аналогии с настоящим. Но исторические дискуссии были прерваны. После ввода войск Варшавского договора в августе 1968 г. в Чехословакию последовали репрессии «неблагонадежных» интеллектуалов. Одни ученые были вынуждены покинуть страну, другие лишились права публиковать свои работы в научных журналах и преподавать в университетах. Историки уже не решались на публичные откровенные высказывания.

В противовес славянской теме в чешском диссидентском движении получил широкую популярность центральноевропейский дискурс. Он стал активно развиваться в научных центрах Австрии, ФРГ, США, где работали политические эмигранты из Чехословакии. Не будет преувеличением констатировать, что, несмотря на политическую цензуру 1970-х гг. и ее ослабление в 1980-е гг., центральноевропейский дискурс стал для чешских и словацких интеллектуалов своеобразным кодом «свободы», выражением протеста. Об исторической роли русофильства можно было говорить только в прошедшем времени. В коллективной памяти оно было перечеркнуто давлением Пражской весны.

Только к середине 1980-х гг. вновь стали появляться крупные исследования по славянской проблематике. В качестве примера можно привести монографию ведущего официального историка М. Куделки, в которой рассматривались европейские представления о научной дисциплине – славистике¹⁵. Вопросы славянской идеоло-

гии через 20 лет снова стали обсуждаться на совместном заседании чехословацко-югославской комиссии. Результатом ее работы стал сборник статей, в которых отразилась новая тенденция. Национальные движения стали изучаться не только сквозь призму идеологии, но и прежде всего на основе сравнительного анализа их социального состава. Историко-социологический подход позволил выйти на новый уровень осмысления национализма и сосредоточить внимание на роли отдельных социальных групп в политических процессах¹⁶.

Новые подходы стали проявляться и в изучении славянской темы. Чешские и словацкие историки пытались найти выход из замкнутого круга дискуссий об исторических альтернативах национальных движений. В концептуальной статье Владимира Штястного и Мирослава Шестака был предложен новый взгляд на соотношение национального и общеславянского начал. Авторы отказались от прежней интерпретации их альтернативности. По мнению ученых, идеология чешского буржуазного национализма органично включала славянскую идею, которая была необходимой частью чешской идентичности¹⁷. Такой подход снимал многие вопросы прошлых дискуссий.

В книге словацкой исследовательницы Татьяны Ивантишиновой был проведен анализ славянских представлений в русской интеллектуальной традиции. На основе большого количества источников Т. Ивантишинова смогла раскрыть особенности взаимовосприятия русских, чехов и словаков в 1830-е – 1860-е гг.; она отказалась от оценочных комментариев, применяя конструктивистскую методологию. Историк показала роль социокультурного фактора в процессах восприятия образа другого¹⁸.

Но на рубеже 1980-х – 1990-х гг. славянская проблематика уже не была так активно как раньше востребована в историографии. На первый план вышли сравнительные историко-социологические исследования, блестящим примером которых стали труды Мирослава Гроха, посвященные национальным движениям малых народов Европы¹⁹.

В 1988 г. вышло в свет фундаментальное исследование профессора Карлова университета Отто Урбана «Чешское общество 1848 – 1918 гг.», которое пересматривало прежние подходы к политической истории. На этот раз чешская история была органично вписана в общий контекст монархии Габсбургов. Славянские сюжеты растворились в национальной канве чешской политики. Отто Урбан благоразумно обошел молчанием вопросы о панславизме, посвятив несколько абзацев русофильскому направлению²⁰. Это было новым прочтением чешской истории, в котором существенно изменялись смысловые акценты. Славянская тема, как несущественная, отходила на задний план. Во главу угла ставились вопросы чешско-немецких отношений, политические взаимосвязи Праги и Вены, интеграционные и дезинтеграционные процессы в общегосударственном пространстве.

Таким образом, изучение славянской идеологии XIX – начала XX вв. имело в чехословацкой историографии разные оттенки политической актуальности. Пики интереса – академического и общественного – пришлись на экзистенциальные для Чехословакии периоды (1948 г. и 1968 г.), когда перед обществом остро стояла проблема выбора. Каждый раз в научных исследованиях возникали прямые аналогии с современностью, дискуссии о прошлом открыто или закамуфлировано вбирали в себя проблемы настоящего. В этом смысле развитие чехословацкой историографии – пример того, сколь тонка бывает грань, отделяющая историческую науку от современных процессов развития коллективных идентичностей.

Тем не менее, чешские и словацкие историки внесли существенный вклад в осмыслении этой сложной проблематики. Во-первых, они заложили основы для исследования запутанной истории «славянских понятий», показали их многозначность и текучесть в разных исторических контекстах. Во-вторых, был сделан существенный вклад в систематизацию различных проектов славянской интеграции. Наконец, в-третьих, ими был преодолен односторонний подход, заложенный в концепции «критического славянства» об альтернативности общеславянского и национального начал в чешском движении. Было доказано, что эти представления дополняли друг друга в складывавшейся ценностной системе идентичностей модерна как у чехов, так и словаков.

Примечания Notes

¹ *Clementis V.* Slovanstvo kedysi a teraz. Praha, 1946; *Macůrek J.* Slovanská idea a dnešní skutečnost. Brno, 1947.

² *Jirásek J.* Rusko a my: Studie vztahů československo-ruských od počátku 19. století do r. 1867. Praha, 1929.

³ *Beneš E.* Úvahy o slovanství. Praha, 1947. S. 79–81, 128–130.

⁴ *Beneš E.* Úvahy o slovanství. Praha, 1947. S. 82, 130.

⁵ *Bělič J.* Karel Havlíček Borovský a Slovanstvo. Praha, 1947. S. 11, 17, 23, 282, 283.

⁶ *Macůrek J.* Slovanství v českém národním životě. Brno, 1947.

⁷ *Boháč A.* Obrisy slovanstva: Sborník přednášek Slovanského ústavu v Praze. Praha, 1948.

⁸ *Hostička V.* Vznik českého austroslavismu a jeho vztah k obrozeneckému slovanství // *Slovanský přehled.* 1968. Ročník 54. Číslo 3. S. 225–232; *Kolejka J.* “Evropská myšlenka” a “středoevropanství” v 19. a ve 20. století // *Slovanský přehled.* 1968. Ročník 54. Číslo 4. S. 297–303 (Cz); *Křížek J.* Slovanské národy a konec habsburské monarchie // *Slovanský přehled.* 1968. Ročník 54. Číslo 5. S. 353–360.

⁹ *Колейка Й.* Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках. Praha, 1964. С. 12–50.

¹⁰ *Wollmann F.* Slavismy a antislavismy za jara národů. Praha, 1968. S. 447–448, 451, 465, 466.

¹¹ *Wollmann F.* Slavismy a antislavismy za jara národů. Praha, 1968. S. 478.

¹² *Kann R.* The Austro-Hungarian Compromise of 1867 in Retrospect: Causes and Effect // *Der Österreichisch-Ungarische Ausgleich 1867*. Bratislava, 1971. S. 24–44.

¹³ *Slovanství v národním životě Čechů a Slováků*. Praha, 1968.

¹⁴ *Žáček V.* Polonofilství a rusofilství – dvě alternativy českého slovanství let šedesátých // *Slovanství v národním životě Čechů a Slováků*. Praha, 1968. S. 227–247; *Hostička V.* Od všeslovanství k austroslavismu v českém prostředí // *Slovanství v národním životě Čechů a Slováků*. Praha, 1968. S. 143–157; *Šťastný V.* Vliv tzv. slovanské politiky Ruska v českém prostředí // *Slovanství v národním životě Čechů a Slováků*. Praha, 1968. S. 256–264.

¹⁵ *Kudělka M.* O pojetí slavistiky: vývoj představ o jejím předmětu a podstatě. Praha, 1984.

¹⁶ *Myšlenkový vývoj Čechů, Slováků a Jihoslovanů od poloviny 18. století do buržoazní revoluce 1848 – 1849*. Praha 1985.

¹⁷ *Šesták M., Šťastný V.* České slovanství v boji proti dualismu (do konce 19. století) // *Československá slavistika: Lingvistika, historie*, 1988. Praha, 1988. S. 265–275.

¹⁸ *Ivantyšinová T.* Česi a Slováci v ideologii ruských slaviofilů (40. – 60. r. XIX. st.). Bratislava, 1987.

¹⁹ *Hroch M.* Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1985.

²⁰ *Hroch M.* Proměny české společnosti a jejich vliv na národní obrození // *Struktura společnosti na území Československa a Polska v 19. století do roku 1918*. Praha, 1988. S. 16–37; *Urban O.* Vzpomínka na Hradec Králové: drama roku 1866. Praha, 1986; *Urban O.* Česká společnost 1848 – 1918. Praha, 1982.

Автор, аннотация, ключевые слова

Павленко Ольга Вячеславовна – канд. ист. наук, доцент, проректор по научной работе, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
pavlenko@rggu.ru

В статье анализируется одно из важнейших направлений развития чешской и словацкой историографии в условиях Холодной войны, а именно осмысление чешскими и словацкими историками понятия «панславизм» и роли этого идейного и политического направления в развитии чешской и словацкой государственности на протяжении Средневековья, нового и новейшего времени. Кроме того, в статье анализируются политические, идеологические, духовные и историографические факторы, которые воздействовали на осмысление чешскими и словацкими историками панславизма и всей славянской тематики в целом. На основе историографиче-

ского анализа большого числа статей и монографий чешских и словацких историков, опубликованных со второй половины 1940-х гг. до конца 1980-х гг., автор приходит к важным выводам. Один из выводов состоит в том, что в марксистской историографии история взаимоотношений славянских народов с Россией превратилась в поле идеологической борьбы. Академические дискуссии носили характер жесткой политической полемики. В социалистической Чехословакии славянские исследования нового и новейшего времени стали, по сути, ярким примером проникновения политики в науку и, с другой стороны, науки в политику. В то же время в чехословацкой исторической науке вплоть до подавления Пражской весны 1968 г. сохранялся плюрализм мнений и концепций. 1960-е гг. стали кульминацией научного интереса чешских и словацких историков к славянской тематике. В их научных работах возникали прямые аналогии между национальными движениями чехов и словаков в монархии Габсбургов и стремлением отстаивать свою модель социализма от диктата Кремля в конце 1960-х гг. Это неизбежно вело к снижению качества и результативности научных споров, усиливало идеологическую напряженность. Споры историков о славянстве и панславизме вызывали повышенный общественный интерес. В 1968 г. многие чешские и словацкие историки выступили на стороне реформаторов, борцов за «социализм с человеческим лицом».

Панславизм, славянство, чехи, словаки, Габсбургская монархия, русофильство, пангерманизм, центральноевропейская идентичность, Холодная война, идеологическая борьба, Пражская весна, историография, славянские исследования, исторический миф.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Hostička, Vladimír. Vznik českého austroslavismu a jeho vztah k obrozeneckému slovanství. *Slovanský přehled*, 1968, vol. 54, no. 3, pp. 225–232 (In Czech).

2. Kolejka, Josef. “Evropská myšlenka” a “středoevropanství” v 19. a ve 20. století. *Slovanský přehled*, 1968, vol. 54, no. 4, pp. 297–303 (In Czech).

3. Křížek, Jurij. Slovanské národy a konec habsburské monarchie. *Slovanský přehled*, 1968, vol. 54, no. 5, pp. 353–360 (In Czech).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

4. Hostička, Vladimír. Od všeslovanství k austroslavismu v českém prostředí. *Slovanství v národním životě Čechů a Slováků*. Praha, 1968, pp. 143–157. (In Czech).

5. Hroch, Miroslav. Proměny české společnosti a jejich vliv na národní obrození. *Struktura společnosti na území Československa a Polska v 19. století do roku 1918*. Praha, 1988, pp. 16–37. (In Czech).

6. Kann, Robert A. The Austro-Hungarian Compromise of 1867 in Ret-

rospect: Causes and Effect. *Der Österreichisch-Ungarische Ausgleich 1867*. Bratislava, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1971, pp. 24–44. (In English).

7. Šesták, Miroslav; Šťastný, Vladislav. České slovanství v boji proti dualismu (do konce 19. století). *Československá slavistika: Lingvistika, historie, 1988*. Praha, 1988, pp. 265–275. (In Czech).

8. Šťastný, Vladislav. Vliv tzv. slovanské politiky Ruska v českém prostředí. *Slovanství v národním životě Čechů a Slováků*. Praha, 1968, pp. 256–264. (In Czech).

9. Žáček, Václav. Polonofilství a rusofilství – dvě alternativy českého slovanství let šedesátých. *Slovanství v národním životě Čechů a Slováků*. Praha, 1968, pp. 227–247 (In Czech).

(Monographs)

10. Beneš, Edvard. Úvahy o slovanství. Praha, 1947, 366 p. (In Czech).

11. Bělič, Jaromír. Karel Havlíček Borovský a Slovanstvo. Praha, 1947, 290 p. (In Czech).

12. Boháč, Antonín. Obrisy slovanstva: Sborník přednášek Slovanského ústavu v Praze. Praha, 1948, 229 p. (In Czech).

13. Clementis, Vladimír. Slovanstvo kedysi a teraz. Praha, 1946, 141 p. (In Slovak).

14. Hroch, Miroslav. Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1985, 220 p. (In English).

15. Ivantyšinová, Tatiana. Česi a Slováci v ideológii ruských slavianofilov (40. – 60. r. XIX. st.). Bratislava, 1987, 276 p. (In Slovak).

16. Jirásek, Josef. Rusko a my: Studie vztahů československo-ruských od počátku 19. století do r. 1867. Praha, 1929, 367 p. (In Czech).

17. Kolejka, Josef. Slavyanskiye programy i ideya slavyanskoy solidarnosti v XIX i XX vekakh [Programs of Slavism and the Idea of Slavic Solidarity in the 19th and 20th Centuries.]. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1964, 261 p. (In Russian).

18. Kudělka, Milan. O pojetí slavistiky: vývoj představ o jejím předmětu a podstatě. Praha, 1984, 285 p. (In Czech).

19. Macůrek, Josef. Slovanská idea a dnešní skutečnost. Brno, 1947. 52 p. (In Czech).

20. Macůrek, Josef. Slovanství v českém národním životě. Brno, 1947, 249 p. (In Czech).

21. Urban, Otto. Česká společnost 1848 – 1918. Praha, 1982, 690 p. (In Czech).

22. Urban, Otto. Vzpomínka na Hradec Králové: drama roku 1866. Praha, 1986, 424 p. (In Czech).

23. Wollman, Frank. Slavismy a antislavismy za jara národů. Praha, 1968. 494 s. (In Czech).

Author, Abstract, Key words

Olga V. Pavlenko – Candidate of History, Senior Lecturer, Vice Rector for Scientific Affairs, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

pavlenko@rggu.ru

The article analyzes one of the most significant directions in the development of Czech and Slovak historiography during the Cold War period, i.e. the treatment by Czech and Slovak historians of the concept of Pan-Slavism and the role this ideological and political trend has played in the development of Czech and Slovak national statehood in the course of the Middle Ages, Early-Modern, Modern, and Contemporary periods. In addition to that, political, ideological, spiritual and historiographical factors are discussed which affected the way Pan-Slavism and the Slav agenda in general were understood by Czech and Slovak historians. On the basis of the historiographical analysis of a large amount of articles and monographs by Czech and Slovak historians published from mid 1940s to late 1980s, the author arrives at important conclusions. One of them states that in Marxist historiography the history of relationships between the Slav nations and Russia have turned into an ideological battle-field. Academic debate tended to be fierce political polemics. In socialist Czechoslovakia the Slavic research of the new and latest periods witnessed the emergence of politics into science and science into politics. At the same time historical research in Czechoslovakia would have the plurality of opinions and conceptions until the suppression of the Prague spring in 1968. The 1960s saw the culmination of interest among Czech and Slovak historians in the Slav topics. Their research works contained direct analogies between national movements of the Czechs and Slovaks under the Habsburg monarchy and their intention to safeguard their model of socialism from the Kremlin in the late 1960s. This could not but lead to poorer quality and efficiency of scientific debate and to increased ideological tension. The historical polemics about Slavism and Pan-Slavism aroused public interest. In 1968 a lot of Czech and Slovak historians took the side of the reformers struggling for “socialism with a human face”.

Pan-Slavism, Slavs, Czechs, Slovaks, Habsburg monarchy, russophilism, pan-Germanism, Central European identity, Cold War, ideological struggle, Prague spring, historiography, Slavic studies, historical myth.

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ Landmarks in Human History

И.А. Ермацанс, Ю.Л. Болотский

ГОРНЫЙ ИНЖЕНЕР КОНСТАНТИН ЕГОРОВ – ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ ДИНОЗАВРОВ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

I.A. Ermatsans and Yu.L. Bolotsky

Mining Engineer Konstantin Egorov – Discoverer of Dinosaurs on the Territory of Russia

В 1920-е гг. Американский музей естественной истории (Нью-Йорк) предпринял серию палеонтолого-археологических экспедиций на территории Внешней и Внутренней Монголии. Прекрасно оснащенные и щедро финансируемые многочисленными спонсорами, экспедиции дали сенсационные результаты. Были обнаружены крупнейшие местонахождения ископаемых позвоночных мезозойского и кайнозойского возраста, заключавшие остатки новых для науки представителей различных групп животных: динозавров, черепах, млекопитающих. Руководитель экспедиции Рой Чампэн Эндриус писал о том, что они сделали «первое открытие гигантских рептилий, известных под именем динозавров, в Северной Азии». Его коллега, доктор Чарльз Петер Берки, сообщал: «Это значит, что мы установили в меловых пластах первого динозавра, открытого в Азии к северу от Гималайских гор»¹.

Однако первые сведения об остатках вымерших позвоночных в Северной Азии поступили от полковника Генерального штаба Михаила Михайловича Манакина. Им на правом берегу реки Амур, на месте, известном в Китае как Цзяинь или Лунгушань («Гора костей дракона») в провинции Хэйлунцзян, в 1902 г. был обнаружен скелет «допотопного животного». В «Приамурских ведомостях» и «Амурской газете» сообщалось, что «кости вполне окаменели, можно думать, что они принадлежат к эпохе более древней, чем та, в которую жил мамонт»².

О бесспорном приоритете русских ученых писал известный геолог, географ, палеонтолог Иннокентий Павлович Толмачев³. Он утверждал, что первое открытие и научное описание динозавров Северной Азии было сделано российскими учеными. Малая извест-

ность российских исследований к началу 1920-х гг. в России, и полная неизвестность их за ее пределами заставила его обратиться к результатам трудов русских ученых в области изучения динозавров, представить их, хотя бы в кратком изложении, мировому научному и российскому сообществу. В результате в 1924 г. в журнале «American Journal of Science» вышла его статья «On dinosaurs in Northern Asia»⁴, а в 1926 г. в журнале «Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества» – статья «Об открытии динозавров в Северной Азии»⁵.

Утверждение И.П. Толмачева основывалось на его личной причастности к открытию: в 1899–1914 гг. он занимал должность ученого хранителя палеонтологических коллекций в Геологическом и Минералогическом музее имени императора Петра Великого Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге. Именно он принял от геолога Константина Федоровича Егорова в 1912 г. ископаемую кость, которую тот обнаружил в Забайкалье в Тарбогатайских копях (ныне Тигинский разрез). А поскольку в России к изучению динозавров с 1908 г. приступил геолог и палеонтолог Анатолий Николаевич Рябинин (1874–1942), то ему И.П. Толмачев и передал ископаемую кость для дальнейших исследований. А.Н. Рябинин описал ее как первую достоверную находку динозавров в России⁶. Он стал первым в России исследователем динозавров. А вот имя первооткрывателя «российских динозавров» – К.Ф. Егорова – было забыто.

Лишь недавно началось изучение его биографии и вклада в развитие минералогии и палеонтологии, в 2017 г. были опубликованы первые, самые общие, результаты этой работы⁷.

Самые важные и ценные сведения о К.Ф. Егорове содержатся в деле, сохранившемся в фонде Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ) в Государственном архиве Хабаровского края⁸. Большая часть этих сведений нашла подтверждение в ранее неизвестных документах, обнаруженных авторами в российских государственных архивах.

* * *

Константин Федорович Егоров родился 1 мая 1876 г. в городе крепости Кронштадт.

В выписке из метрической книги Морской Богоявленской церкви Кронштадта было засвидетельствовано: «...2-го флотского экипажа корпуса инженер механиков у Подпоручика Федора Семенова Егорова и законной его жены Татианы Аввакумовой, обоих Православного исповедания родился сын Константин. Таинство крещения совершал того же Мая месяца тринадцатого дня Священник Иоанн Песоцкий. Восприемниками были: Кронштадтский временной 2-й гильдии купец Федор Константинов Константинов и Лифляндского ремесленника Тухасет жена Амалия Егорова»⁹.

С 16 лет он воспитывался в Санкт-Петербургском 1-м кадетском корпусе, полный курс которого успешно окончил в 1894 г. «при отличном поведении» и с высоким средним баллом – 11,55. Из 18 предметов по одиннадцати (закону Божию, французскому языку, арифметике, алгебре, геометрии, тригонометрии, приложениям алгебры к геометрии и началам аналитической геометрии, физике, истории, законоведению, рисованию) он получил 12 баллов, по шести (словесности, письменным работам по русскому языку, немецкому языку, космографии, естественной истории и географии) – 11, и только по грамматике – 10. Успешное окончание кадетского корпуса позволяло ему пользоваться «служебными преимуществами, сопряженными с полученным им образованием, а при поступлении в военную службу правами 1-го разряда вольноопределяющихся или первой степени, поступающих по жребию»¹⁰.

На правах вольноопределяющегося 1-го разряда он поступил в Николаевское инженерное училище, и уже с 1 октября 1894 г. считался вступившим в военную службу. Через 7 месяцев, 3 мая 1895 г., юнкер Егоров был произведен в унтер-офицерский чин. Два класса он окончил также по 1-му разряду, и 9 октября 1896 г. его произвели в подпоручики с назначением в 4-й железнодорожный батальон.

По существовавшим правилам (статья № 21 Положения о Николаевском инженерном училище 1896 г.) «за каждый учебный год, проведенный в училище» ему вменялось в обязанность «прослужить на действительной службе в частях инженерных войск полтора года», то есть всего за два класса – три года, начиная с 1 ноября 1896 г.¹¹.

Обязательный срок службы должен был закончиться для него в 1899 г. Однако из-за болезни вместо трех обязательных лет службы он не отслужил и двух лет. По-видимому, болезнь оказалась серьезной, так как вскоре он вышел в запас полевых инженерных войск по Петербургскому уезду (19 мая 1898 г.), а затем – в «чистую отставку» (26 мая 1898 г.)¹².

Не теряя времени, 28 июля 1898 г., Егоров подал прошение о допуске к конкурсному экзамену в Горный институт инженеров Екатерины II в Санкт-Петербурге¹³. Он дерзнул поступить в единственное в России учебное заведение, которое давало высшее горное образование. Желавшие стать студентами из числа окончивших средние учебные заведения, должны были выдержать экзамены по четырем предметам: русскому и иностранным языкам, физике, математике (алгебре и арифметике, тригонометрии, геометрии). В 1898 г. было подано 1 121 прошение в институт, в том числе 47 – от окончивших высшие учебные заведения. Выдержали испытание только 237 из тех, кто сдавал экзамены. На первый курс приняли: 10 человек из окончивших высшие учебные заведения, 72 – лучших из выдержавших конкурсные экзамены, 13 – по особому распоряжению главного управляющего Министерством земледелия и государственных

имуществ, 14 – по распоряжению министра земледелия и государственных имуществ¹⁴, то есть всего 109 человек.

Среди них посчастливилось оказаться и Егорову.

На время его обучения в Горном институте, с 1898 по 1906 гг., пришлось студенческие волнения, всероссийская забастовка студентов 1901 г., Русско-японская война и Первая русская революция.

В 1903 г. из-за болезни матери Егоров не смог вовремя сдать экзамены, в переносе же экзаменов на другое время получил отказ, в результате его оставили на второй год на 2-м курсе. Сам он считал это несправедливым, что следует из его прошения от 15 сентября 1900 г. о выделении ему средств на оплату за слушание лекций: «Хотя я и остался на второй год на курсе, но заслуживаю снисхождения вследствие того, что мною экзамены не сданы по причине весьма уважительной: всю зиму у меня была больна мать настолько серьезно, что заниматься мне было немыслимо, в удостоверение чего я представлял свидетельство врача, лечившего мою мать. На основании этой же причины я подавал весной прошение Вашему Превосходительству об отложении экзаменов, но просьба не была уважена»¹⁵.

4-й курс пришелся для него на 1903/1904 учебный год. Егоров, судя по всему, не был в числе участников студенческих волнений. Во всяком случае, его фамилия встречается в числе тех, кто желал сдавать экзамены в апреле 1904 г., то есть непосредственно в дни этих событий, что не одобрялось революционным студенчеством¹⁶. Безусловно, на его поведении не могли не сказаться годы, проведенные в 1-м кадетском корпусе и Николаевском училище, сформировавшие его жизненные приоритеты и выработавшие привычку к соблюдению дисциплины.

В сентябре 1903 г. он поступил в Археологический институт. Подпись Георгия Глебовича Лебедева, с 19 августа исполнявшего обязанности директора Горного института, удостоверяла, что «к поступлению его вольнослушателем в Археологический институт препятствий не имеется»¹⁷.

Курс обучения в Археологическом институте, готовившем «специалистов по разным отраслям археологии и по архивоведению», был рассчитан на два года. Слушателями института принимались окончившие высшие учебные заведения, вольнослушателями по усмотрению Совета института – не окончившие. Для первых обучение было бесплатным, для вторых – с оплатой 30 руб. в год, а «в уважительных случаях», опять же по решению Совета, – без оплаты. Успешное окончание института давало право слушателям на получение диплома действительного члена Института, вольнослушателям – свидетельства сотрудников Института¹⁸.

Егоров, поступивший как вольнослушатель, затем перешел в категорию слушателей и окончил институт в 1905 г. со званием действительного члена¹⁹ [В анкете БРЭМ К.Ф. Егоров ошибочно указал

1906 г. как дату окончания Археологического института²⁰. – *И.Е., Ю.Б.*] В годы его учебы в институте преподавали выдающиеся ученые: Николай Васильевич Покровский (директор института), Николай Иванович Веселовский, Николай Петрович Лихачев, Сергей Федорович Платонов.

Как студенту Горного института Егорову необходимо было пройти летнюю практику. В 1904 г. он проходил ее на Среднем Урале, на приисках Благодатных и Мостовском Екатеринбургского уезда в Пермском крае, где собрал коллекцию минералов и передал в Геологический музей имени императора Петра Великого Императорской академии наук, а в 1905 г. – в Златоустовском горном округе Южного Урала (Чувашская степь, копи Зеленцовские, Николае-Максимилиановские, Ахматовские, Еремеевские (Панцержинского), горы Ильменские, Шиши). Со средствами на поездки и проведение исследований ему помог Владимир Александрович Иосса – геолог, представитель известной в России династии металлургов, брат Николая Александровича Иосса, директора Горного института и Горного департамента Министерства земледелия и государственных имуществ в 1900–1907 гг.

Во второй поездке Егоров выполнял поручение музея найти лейхтенбергиты, которых еще не было в музейных коллекциях. Вместе с минералогом, хранителем музея Виктором Ивановичем Воробьевым, который на несколько дней летом 1905 г. приезжал в Златоустовский округ, они осмотрели все вышеперечисленные копи и горы и собрали образцы минералов. Собирал материалы он и для В.А. Иосса, которые тот большей частью жертвовал в музей, лишь некоторые, оставляя для личной коллекции.

Труд студента Егорова специалисты оценили высоко: в годовом отчете Геологического музея имени императора Петра Великого за 1905 г. отмечено, что в целом образовалась «лучшая коллекция лейхтенбергита и его спутников, которая существует где-либо в другом музее или частной коллекции». Особенно высоко был оценен один образец: «Совершенно исключительным является штуф лейхтенбергита, вместе с гранитом и везувианом, кристаллы которого сидят на куске плотного лейхтенбергита. Этот экземпляр, без всякого сомнения, уникален, какого не находили еще никогда»²¹.

О столь значимых итогах второй поездки Егоров обстоятельно написал в представленном им отчете, который в виде отдельной статьи «Работы по добыче лейхтенбергитов в копи на горе Шиши летом 1905 г.» был включен в годовой отчет Геологического музея имени императора Петра Великого за 1905 г. и опубликован в «Известиях Императорской Академии наук»²².

На начало февраля 1906 г. Егоров считался прослушавшим полный курс наук института, ему оставалось защитить «два проекта (горнозаводской и горный) и исполнить лабораторные занятия»²³. В сентябре 1906 г. он на «отлично» сдал экзамен по пробирному

искусству Владимиру Александровичу Ковалевскому²⁴. И 9 октября 1906 г. получил свидетельство, о том, что «окончил полный курс Горного института с правом на звание горного инженера»²⁵.

К 1 ноября 1906 г. Егоров значился в числе 32-х выпускников Горного института, окончивших его по 1-му разряду²⁶ с правом на чин коллежского секретаря. Через две недели все они были утверждены в звании горных инженеров. Егорова с 1 декабря зачислили по Главному горному управлению и откомандировали для практических занятий, с содержанием по чину на один год, сначала в распоряжение окружного инженера Санкт-Петербургского-Олонецкого горного округа, затем, с 1 марта 1907 г., – в распоряжение начальника Иркутского горного управления²⁷.

* * *

Начался иркутский период в жизни горного инженера Константина Егорова, продлившийся десять лет.

Он прошел его от 2-го маркшейдера (с 1 марта 1907 г.)²⁸ до старшего геолога (с 28 февраля 1913)²⁹, был произведен в титулярные советники (1 декабря 1909 г.)³⁰, семь лет выполнял обязанности чиновника особых поручений (1909–1916 гг.).

Он не ограничивал себя служебными рамками: преподавал в женской гимназии В.И. Некрасовой (1907–1909 гг.), Иркутском горном училище (1908, 1910, 1914 гг.), членом совета которого состоял, и на Иркутских общедоступных курсах (1909, 1914, 1915 гг.)³¹.

Как заведующий библиотекой при Иркутском горном управлении он считал своей заботой пополнение ее фонда новой научной литературой. С просьбами об изыскании возможности присылать для библиотеки «Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества» он обратился в Распорядительный комитет Отдела, где приняли решение удовлетворить его просьбу³². Обращался он и лично к известным ученым. В том числе к Александру Евгеньевичу Ферсману, с которым познакомился во время командировки (две зимы 1912 и 1913 гг.) в Санкт-Петербург, куда был направлен Иркутским горным управлением для научной работы при Академии наук³³.

А.Е. Ферсман, в 1911 г. покинувший, как и его учитель В.И. Вернадский, в числе 126 профессоров Московский университет в знак протеста против засилья полиции, с 5 сентября 1912 г. работал старшим ученым хранителем в Минералогическом отделении Геологического и минералогического музея имени Петра Великого (до 1912 г. музей официально именовался Геологическим музеем имени императора Петра Великого), заведовал Отделом органических соединений. В письмах Егоров благодарил А.Е. Ферсмана за присланные работы, но и напоминал (письмо от 12 сентября 1913 г.): «Вы уже лично не скупитесь посылкой своих трудов в нашу библи-

отеку, которая довольно быстро растет»³⁴. В другом письме (от 29 марта 1914 г.) он просил: «Передайте всем, начиная с Владимира Ивановича [Вернадского], мой привет. Убедительно прошу и его не забывать меня присылкой своих трудов. Между прочим получил я от Вас авт[орский] оттиск Вашей статьи и статьи [Георгия Осиповича] Касперовича из “Сборника в честь 25-летия научн[ой] деят[ельности] В.И. Вернадского”. Большое Вам спасибо!.. Но укажите мне, каким образом и где можно достать этот сборник. И вообще научите, как сделать, чтоб Акад[емия] Наук все работы, касающиеся минералогии, геологии, петрографии и палеонтологии присылала в библиотечку Иркутского Горного Управления. Возможно ли это?»³⁵.

Егоров, старавшийся быть в курсе последних достижений науки и придававший большое значение их популяризации, 7 февраля 1911 г. по собственной инициативе прочел лекцию о радиоактивности минералов на заседании Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества³⁶.

С этого года при непосредственном участии В.И. Вернадского начала работать Радиевая экспедиция. Летом предварительные исследования в окрестностях станции Слюдянка и горы Хамар-Дабан осуществил лаборант Геологического музея имени императора Петра Великого Императорской Академии наук, ученик В.И. Вернадского, Константин Автономович Ненадкевич.

В результате Егоров, вернувшись из Санкт-Петербурга весной 1912 г., «застал в Иркутске волнения по поводу якобы найденных на Байкале колоссальных залежей смоляной урановой руды. Местный отдел Императорского Русского Географического Общества разослал во многие учреждения извещения, что на Байкале между Хамар-дабаном и Харгалгульским хребтом, там, где сопка с кумирней, найдены залежи смоляной руды – пластами, мощностью до одной сажени». Осмотрев образец минерала, имевшийся в музее Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в Иркутске, он заключил, что они не относятся к урановым минералам. Анализ, сделанный в Горном институте, куда он отправил образцы, подтвердил его мнение. Сам же Егоров выехал в район озера Байкал (окрестности станции Слюдянка, падь Улунтуй, горы за Хамар-Дабан, окрестности станций Машиха и Мысовая) для поиска и изучения радиоактивных минералов. Результаты его работы были опубликованы в «Известиях Императорской академии наук»³⁷.

Позднее Горный департамент, переданный в 1905 г. в состав Министерства торговли и промышленности, изъял всю эту местность «вместе с прилегающими районами полосы Байкала... из частного пользования»³⁸ и включил ее в первую очередь геологических исследований, в которых участвовал и Егоров.

В 1912 г. Егоров побывал и на Тарбагатайских коях в Забайкалье, на правом берегу реки Хилок, где собрал ископаемые остатки

растений, составивших палеофитологическую коллекцию (21 образец), позвонки рыбы, а главное – ископаемую кость плотоядного динозавра. Он надеялся, что его находки позволят с большей точностью установить возраст Забайкальских буроугольных отложений. А.Н. Рябинин на основании этих находок отнес угленосные слои Тарбагатайских копей Западного Забайкалья к верхнему юрскому периоду³⁹.

* * *

1913 г. для России ознаменовался празднованием 300-летия Дома Романовых.

На Дальнем Востоке этому событию посвятили выставку Приамурского края, которая работала в Хабаровске, административном центре края, с 15 июля по 15 сентября. В ней приняли участие самые разные учреждения, общественные организации, коммерческие товарищества и жители Приамурского края и других краев, областей и губерний Российской империи, а также иностранные фирмы. Горным отделом выставки заведовал Егоров. В его распоряжение, согласно годовому отчету Геологического и Минералогического музея имени императора Петра Великого за 1913 г., Минералогическое отделение музея предоставило образцы, типичные для Забайкальских месторождений⁴⁰.

О выставке у него сложилось свое собственное, не слишком лестное, мнение, которым он поделился с А.Е. Ферсманом: «Выставка, как и надо было ожидать, успеха не имеет; мне это было ясно, когда я сидел в Хабаровске перед выставкой; и мой пессимистический взгляд разделялся даже некоторыми из организаторов этого неостроумного замысла г[осподина] Гондатти [Приамурский генерал-губернатор Николай Львович Гондатти активно занимался изучением природы, истории и этнографии Восточной Сибири. – И.Е., Ю.Б.]. Что касается нашего отдела, то он выглядел очень недурно»⁴¹.

В следующем году, 1914-м, началась Первая Мировая война. Ее Восточный фронт находился за многие тысячи верст от Восточной Сибири, но Егоров, как бывший офицер и истинный патриот, принимал их очень близко к сердцу. 25 октября 1914 г. он писал А.Е. Ферсману:

«...Несмотря на то большое расстояние, которое отделяет нас от района войны, мы здесь тоже переживаем довольно остро события: все происходит в таком грандиозном масштабе, все так захватывающе интересно, несмотря на весь ужас этой ожесточенной войны, что сердце не может в такое время спокойно биться, и жадно ловишь известия с театра сражений. Знаете ли, временами начинает казаться наше минералогическое дело перед теперешними событиями таким маленьким, таким ничтожным и ненужным, что невольно опускаются руки и не хочется смотреть на минералы. Какой страшный кош-

мар повис над миром!...»⁴².

Наверное, словами «все так захватывающе интересно» в нем заговорил несостоявшийся военный. А о последствиях этого «страшного кошмара» он не мог даже и предполагать.

Но жизнь продолжалась, каждый день был очень плотно заполнен. В письме к А.Е. Ферсману 10 октября 1915 г. он сообщал: «Я совершенно загружился это время, чему немало способствовал приезд нового начальника. Не успел я ввалиться в Иркутск после своих летних поездок, как пришлось всецело войти в обязанности чиновника особых поручений, и все отошло (временно?) на второй план...»⁴³.

Важное значение Егоров придавал популяризации научных достижений. В местной прессе он начал публиковать «минералогические письма популярного характера», привлекая внимание иркутской публики, но «война помешала дальнейшим письмам: пришлось их временно прекратить»⁴⁴.

В 1915 г. А.Е. Ферсман, который принимал участие в редактировании журнала «Природа», пригласил его к сотрудничеству. Излагая свое мнение о журнале, Егоров писал ему: «По-моему действительно в “Природе” иногда попадают вещи, трудно доступные даже людям с высшим образованием, как слишком специальные, а потому мало интересные. Но в общем – прелестный журнал, и я, конечно, с наслаждением приму в нем участие»⁴⁵. Он высказал мысль о необходимости написать «целый ряд очерков или статей под рубрикой “Полезные ископаемые Вост[очной] Сибири”», предлагая включить туда «минеральные источники (что, пожалуй, даже к моменту), и радиоактивные минералы, и руды, и уголь, и соль, и золото, и пр[очее]»⁴⁶.

Эти его намерения получили воплощение в статье «Горные богатства Восточной Сибири»⁴⁷ и очерке «Туркинский минеральный источник»⁴⁸.

В 1916 г. Егоров получил новое назначение – исполняющего обязанности управляющего Сучанских копей. Этот рудник стал к этому времени крупнейшим предприятием Приморской области по добыче каменного угля⁴⁹.

Приморский период продлился для него недолго. 1917-й круто изменил жизнь очень многих. Каждому пришлось принимать решение: с кем он, на чьей стороне.

Сучанский рудник стал первым в Приморье предприятием, где был образован Совет рабочих депутатов. Егоров считал своей обязанностью управляющего сохранить рудник в рабочем состоянии, что в сложившихся обстоятельствах оказалось для него невозможным. И он примкнул к антибольшевистскому движению.

В докладе управляющему Приморской областью Ивану Иннокентьевичу Циммерману Егоров писал: «В сентябре месяце 1917 г. на руднике произошел большевистский переворот, и законная администрация была отстранена. Ровно через год, в сентябре 1918 г. я при-

шел на Сучан вместе с иностранным отрядом, состоявшем из 250 американцев, 300 японцев, 50 китайцев и 25 казаков под общим начальством американского полковника Лоринга, – и большевизм в Сучане был ликвидирован»⁵⁰.

* * *

Последовали годы эмиграции.

В 1920–1923 гг. Егоров заведовал горно-геологической частью в известной фирме братьев Скидельских, производил горно-геологические работы в Северной Манчжурии и Северном Китае. Ему приходилось часто бывать в Пекине, который он полюбил, и где остановился на жительство. Об этом в письме от 13 февраля 1923 г. он сообщал А.Е. Ферсману, еще в 1917 г. назначенному директором Геологического и минералогического музея: «От г[осподина] Э[дуарда] Э[дуардовича] Анерта, совершившего поездку в Петроград и обратно, я узнал, что Вы, слава Богу, живы и здоровы. Получение сведений из России (для меня по крайней мере) равносильно вестям с того света. Не стану описывать в своем письме, как жилось и чувствовалось за эти последние года: на эту тему приходится или ничего не говорить, или говорить без конца. Лучше напишу Вам вкратце, что я сейчас делаю и как живу, в надежде получить от Вас такое же письмо. Эти строки я набрасываю в Харбине, куда приехал на время по делам, а живу я теперь в Пекине»⁵¹.

Вновь, как почти десять лет назад, он хотел быть полезным для России, готов был работать для Геологического и минералогического музея: «...Мне по всем вероятностям придется довольно много путешествовать по Китаю, я думаю, что смогу быть полезным чем-нибудь для музея Академии»⁵².

Три года, 1923–1925 гг., он провел в путешествиях: Тяньцзинь, Пекин, Шанхай. В 1925 г. совершил еще и кругосветное путешествие⁵³. К сожалению, подробности путешествий и их результаты нам пока неизвестны. Вернувшись, проживал в Харбине, читал лекции в Харбинском политехническом институте.

На момент составления анкеты в БРЭМ (31 августа 1935 г.) он жил и работал в Харбине. Позже, по-видимому, – в Маниле (Филиппины), где в 1936 г. было основано Бюро горных разработок и геологических наук, возглавившее геологические исследования.

След Егорова на этом теряется. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

* * *

Константин Федорович Егоров – один из тех, на чьей жизни оставили след многие события первой половины XX в., от подъема науки до революций и войн. И если содействовать подъему науки он хотел

всей душой, то в революционные и военные события был вовлечен, как и многие, отчасти помимо собственной воли и желания, отчасти в силу осознаваемого им долга. Он желал принести пользу в том деле, которое любил и которым занимался «не за страх, а за совесть»⁵⁴, и стремился не к служебной карьере, а к честному исполнению своего долга горного инженера, что принесло свои плоды: открытие динозавров в России, формирование минералогических коллекций Геологического и Минералогического музея им. Петра Великого, исследование природных богатств Сибири и Дальнего Востока.

Благодаря архивным материалам стало возможным восстановить его биографию, его место в истории как первооткрывателя динозавров в России.

Примечания Notes

¹ Толмачев И.П. Об открытии динозавров в Северной Азии // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Иркутск, 1926. Т. 49. Вып. 2. С. 99.

² Приамурские ведомости (Хабаровск). 1902. 28 июля; Амурская газета (Благовещенск). 1902. 11 авг.

³ Красникова О.А. Чукотская экспедиция И.П. Толмачева: в поисках северного пути // Наука из первых рук. 2014. № 2 (56). С. 88–107.

⁴ Tolmachoff I.P. On Dinosaurs in Northern Asia // American Journal of Science. Series 5. 1924, June. Vol. 7 (42). P. 489–490.

⁵ Толмачев И.П. Об открытии динозавров в Северной Азии // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Иркутск, 1926. Т. 49. Вып. 2. С. 99–104.

⁶ Рябинин А.Н. Заметка о динозавре из Забайкалья // Труды Геологического музея имени Петра Великого Императорской Академии наук. Петроград, 1915. Т. 8. Вып. 5. С. 133–140.

⁷ Ермацанс И.А., Болотский Ю.Л., Болотский И.Ю., Сеница С.М. Горный инженер и минералог К.Ф. Егоров: забытые имена первооткрывателей динозавров России (к вопросу создания биографической базы данных по истории исследований местонахождений динозавров Сибири и Дальнего Востока // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Вып. 7. Благовещенск, 2017. С. 80–83.

⁸ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-849. Оп. 3. Д. 14410. Л. 1–6.

⁹ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 963. Оп. 1. Д. 10875. Л. 5.

¹⁰ Там же. Л. 3, 3об.

¹¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 2. Д. 22981. Л. 337, 337об.

¹² РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 22981. Л. 336–344; ГАХК. Ф. Р-849. Оп. 3. Д. 14410. Л. 1.

¹³ ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 10875. Л. 2.

¹⁴ Горный журнал. 1899. № 5. С. 125, 126.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 10875. Л. 31.

¹⁶ Из истории студенческих волнений: Коноваловский конфликт. Санкт-Петербург, 1906. С. 783, 788.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 10875. Л. 32.

¹⁸ Памятная книжка Императорского Археологического Института в Санкт-Петербурге: 1878 – 1911 гг. Санкт-Петербург, 1911. С. 8.

¹⁹ Там же. С. 70.

²⁰ ГАХК. Ф. Р-849. Оп. 3. Д. 14410. Л. 1.

²¹ Известия Императорской академии наук. V серия. 1906. Т. XXIV. Вып. 4-5. С. 219.

²² Егоров К.Ф. Работы по добыче лейхтенбергитов в копи на горе Шиши летом 1905 г. // Известия Императорской академии наук. V серия. 1906. Т. XXIV. Вып. 4-5. С. 245–250.

²³ ЦГИА СПб. Ф. 963. Оп. 1. Д. 10875. Л. 28об., 29.

²⁴ Там же. Л. 21.

²⁵ Там же. Л. 28об., 29.

²⁶ Горный журнал. 1923. № 11. С. 759.

²⁷ Горный журнал. 1907. № 4. С. 47, 48.

²⁸ Памятная книжка Иркутской губернии на 1908 год. Иркутск, 1908. С. 93.

²⁹ Горный журнал. 1913. № 8. С. 148.

³⁰ Горный журнал. 1910. № 7. С. 51.

³¹ Памятная книжка Иркутской губернии на 1908 год. Иркутск, 1908. С. 78; Памятная книжка Иркутской губернии на 1909 год. Иркутск, 1909. С. 158, 168; Памятная книжка Иркутской губернии на 1910 год. Иркутск, 1910. С. 174, 207; Памятная книжка Иркутской губернии на 1911 год. Иркутск, 1911. С. 158; Адрес-календарь Иркутской губернии 1915 г. Иркутск, 1915. С. 102, 143; Адрес-календарь Иркутской губернии 1916 г. Иркутск, 1916. С. 148.

³² Отчет Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1911 год. Иркутск, 1913. С. 131.

³³ ГАХК. Ф. Р-849. Оп. 3. Д. 14410. Л. 3об.

³⁴ Архив Российской академии наук (Архив РАН). Ф. 544. Оп. 8. Д. 218. Л. 6об.

³⁵ Там же. Л. 10об.

³⁶ Отчет Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1911 год. Иркутск, 1913. С. 11.

³⁷ Егоров К.Ф. О находке радиоактивных минералов на Байкале // Известия Императорской академии наук. VI серия. 1914. Т. 8. Вып. 1. С. 57–65.

³⁸ Вернадский В.И. Краткий отчет о ходе исследования радиоактивных месторождений Российской империи летом 1914 года // Известия Императорской академии наук. VI серия. 1914. Т. 8. Вып. 18. С. 1365.

³⁹ Рябинин А.Н. Заметка о динозавре из Забайкалья // Труды Геологического музея имени Петра Великого Императорской Академии наук. Петро-

град, 1915. Т. 8. Вып. 5. С. 133–140.

⁴⁰ Труды Геологического музея имени Петра Великого Императорской Академии наук. Петроград, 1915. Т. 8. Вып. 1. С. 26.

⁴¹ Архив РАН. Ф. 544. Оп. 8. Д. 218. Л. 5–6.

⁴² Там же. Л. 20, 20об.

⁴³ Там же. Л. 28.

⁴⁴ Там же. Л. 20.

⁴⁵ Там же. Ф. 544. Оп. 8. Д. 218. Л. 19об., 20.

⁴⁶ Там же. Л. 19об.

⁴⁷ Егоров К.Ф. Горные богатства Восточной Сибири // Природа. 1915. № 6. Стб. 839–850.

⁴⁸ Егоров К.Ф. Туркинский минеральный источник // Природа. 1916. № 2. Стб. 245–250.

⁴⁹ Сучанский рудник: Документы и материалы. Владивосток, 2002. С. 76–77.

⁵⁰ Сучанская долина в годы гражданской войны // Красный архив. 1938. Т. 6 (91). С. 29.

⁵¹ Архив РАН. Ф. 544. Оп. 8. Д. 218. Л. 33, 33об.

⁵² Там же. Л. 33об.

⁵³ ГАХК. Ф. Р-849. Оп. 3. Д. 14410. Л. 3об.

⁵⁴ Архив РАН. Ф. 544. Оп. 8. Д. 218. Л. 19.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Ермацанс Ирина Анатольевна – канд. филос. наук, младший научный сотрудник, Амурский научный центр, Дальневосточное отделение, Российская академия наук (г. Благовещенск Амурской обл.)
irina@amurnc.ru

Болотский Юрий Леонидович – канд. геол.-минерал. наук, ведущий научный сотрудник, Институт геологии и природопользования, Российская академия наук (г. Благовещенск Амурской обл.)
dinomus@ascnet.ru

Коллективный портрет авторитетного и влиятельного в дореволюционной России сообщества горных инженеров все яснее и четче проступает с каждой новой изученной биографией. Неизвестные ранее документы из российских архивов позволили приоткрыть судьбу еще одного его представителя. Жизнь горного инженера Константина Федоровича Егорова вписана в историю оконченных им учебных заведений, организаций, в которых он служил, в историю России конца XIX – первой трети XX вв. В статье особенное внимание уделяется событиям, повлиявшим на его судьбу, и людям, содействовавшим формированию личности. Со студенческих лет он сотрудничал с Геологическим и Минералогическим музеем имени Петра Великого Императорской академии наук в Санкт-Петербурге, участвовал в формировании коллекций по минералогии и палеонтологии,

увлекся минералогией, стал коллекционером минералов. Жизнь свела его с такими выдающимися учеными как А.Е. Ферсман, В.И. Вернадский, В.А. Иосса и другими. Выпускник двух институтов Санкт-Петербурга – Горного и Археологического – он стал первооткрывателем динозавров на территории России. Авторы приходят к выводу о неслучайном характере сделанной им первой достоверной находки динозавров в России. Хорошее образование, глубокие знания, профессионализм, увлеченность, стремление приносить пользу науке, России, даже будучи эмигрантом, отличали Егорова как достойного представителя сообщества горных инженеров Российской империи. Его биография пока не окончена, и, возможно, со временем откроется последняя страница его жизни, связанная с деятельностью в эмиграции.

Горный инженер, Горный институт, Санкт-Петербургский Археологический институт, Геологический и минералогический музей, Российская академия наук, история геологии, история палеонтологии, динозавр, русская эмиграция, Иркутск, Харбин, В.И. Вернадский, А.Е. Ферсман, В.А. Иосса, К.Ф. Егоров.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Egorov, K.F. Gornye bogatstva Vostochnoy Sibiri [The Mineral Wealth of Eastern Siberia.]. *Priroda*, 1915, no. 6, cols. 839–850. (In Russian).

2. Egorov, K.F. O nakhodke radioaktivnykh mineralov na Baykale [On the Discovery of Radioactive Minerals in the Vicinity of Lake Baikal.]. *Izvestiya Imperatorskoy akademii nauk. VI seriya*, 1914, vol. 8, no. 1, pp. 57–65. (In Russian).

3. Egorov, K.F. Raboty po dobyche leykhtenbergitov v kopi na gore Shishi letom 1905 g. [The Excavation of Leichtenbergites in the Mount Shishi Mines in the Summer of 1905.]. *Izvestiya Imperatorskoy akademii nauk. V seriya*, 1906, vol. 24, no. 4-5, pp. 245–250 (In Russian).

4. Egorov, K.F. Turkinskiy mineralnyy istochnik [The Source of Mineral Water in Turka.]. *Priroda*, 1916, no. 2, cols. 245–250. (In Russian).

5. Krasnikova, O.A. Chukotskaya ekspeditsiya I.P. Tolmacheva: v poiskakh severnogo puti [The Chukotka Expedition of Innokentiy P. Tolmachoff: In Search of the Northern Route.]. *Nauka iz pervykh ruk*, 2014, no. 2 (56), pp. 88–107. (In Russian).

6. Tolmachoff, I.P. On Dinosaurs in Northern Asia. *American Journal of Science. Series 5*, 1924, June, vol. 7 (42), pp. 489–490. (In English).

7. Vernadskiy, V.I. Kratkiy otchet o khode issledovaniya radioaktivnykh mestorozhdeniy Rossiyskoy imperii letom 1914 goda [Summary Report on the Progress of Research into Radioactive Deposits in the Russian Empire in the Summer of 1914.]. *Izvestiya Imperatorskoy akademii nauk. VI seriya*, 1914, vol. 8, no. 18, pp. 1353–1384. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

8. Ermatsans, I.A.; Bolotsky, Yu.L.; Bolotsky, I.Yu.; Sinitsa S.M. Gornyy inzhener i mineralog K.F. Egorov: zabytyye imena pervootkryvateley dinozavrov Rossii (k voprosu sozdaniya biograficheskoy bazy dannykh po istorii issledovaniy mestonakhozhdeniy dinozavrov Sibiri i Dalnego Vostoka [Mining Engineer and Mineralogist Konstantin F. Egorov: The Names of the Forgotten Discoverers of Dinosaurs in Russia (On the Question of the Creation of a Biographical Database on the History of Research into the Location of Dinosaurs in Siberia and the Russian Far East.]. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva* [Russia and China: History and Prospects of Cooperation.]. Blagoveshchensk, 2017, vol. 7, pp. 80–83. (In Russian).

9. Ryabinin, A.N. Zametka o dinozavre iz Zabaykalya [A Note on the Dinosaur from Transbaikalia.]. *Trudy Geologicheskogo muzeya imeni Petra Velikogo Imperatorskoy Akademii nauk* [Proceedings of the Peter the Great Geological Museum of the Imperial Academy of Sciences.]. Petrograd, 1915, vol. 8, no. 5, pp. 133–140. (In Russian).

10. Tolmachoff, I.P. Ob otkrytii dinozavrov v Severnoy Azii [On the Discovery of Dinosaurs in North Asia.]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the East-Siberian Department of the Russian Geographical Society.]. Irkutsk, 1926, vol. 49, no. 2, pp. 99–104. (In Russian).

Authors, Abstract, Key words

Irina A. Ermatsans – Candidate of Philosophy, Junior Researcher, Amur Scientific Center, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (Blagoveshchensk, Amur Region, Russia)
irina@amurnc.ru

Yuriy L. Bolotsky – Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Leading Researcher, Institute of Geology and Nature Management, Russian Academy of Sciences (Blagoveshchensk, Amur Region, Russia)
dinomus@ascnet.ru

The collective portrait of the community of mining engineers, highly respected and influential in pre-revolutionary Russia, becomes increasingly bright and clear whenever another studied biography adds up. The discovery of hitherto unknown archival documents has disclosed the destiny of another member. Konstantin Egorov's name is imprinted in the history of the educational institutions he graduated from, the institutions he worked for, and the history of Russia of the late 19th – early 20th centuries. The article focuses on the events which affected his life and people who facilitated the formation of his personality. As a university student, he started cooperation with the Peter the Great Geological and Mineralogical Museum of the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg, participated in forming collections on mineralogy and paleontology, he became an ardent collector of minerals. He made acquaintance of such out-

standing scientists as Alexander Fersman, Vladimir Vernadsky, Vladimir Iossa and others. A graduate of the two institutes in St. Petersburg, the Mining Institute and Archaeological Institute, he was the first to discover dinosaurs on the territory of Russia. The authors conclude that his first discovery of dinosaurs in Russia was not accidental. Profound education and knowledge, professionalism, enthusiasm, his eagerness to serve to science and Russia, even when being in emigration, distinguished Egorov as a worthy representative of the community of mining engineers of Russian Empire. His biography is not completed yet. Hopefully, time will come when the last page of his biography will be opened revealing his life in emigration.

Mining engineer, Mining Institute, St. Petersburg Archaeological Institute, Geological and Mineralogical Museum, Russian Academy of Sciences, history of geology, history of paleontology, dinosaur, Russian emigration, Irkutsk (city of), Harbin (city of), Vladimir I. Vernadsky, Alexander E. Fersman, Vladimir A. Iossa, Konstantin F. Egorov.

М.В. Каиль

**ЕПИСКОП ЛЕОНИД (СКОБЕЕВ):
ОПЫТ «НЕГЕРОИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ»***

M.V. Kail

**Bishop Leonid (Skobeev):
The Experience of a “Non-Heroic Biography”**

В истории православия XX столетия личностный, персональный план имеет особое значение и историографическое звучание. Никакая иная историческая фактура не передает содержание «больших исторических событий» полнее и содержательнее, чем персональная история, отражающая индивидуальный опыт, личностное восприятие эпохи. Вместе с тем, преломление эпохи в личности, изменение жизненных траекторий, профессиональных, семейных, религиозных практик под влиянием объективных экономических, социальных, культурных факторов представляет большой интерес, порою раскалывая любые схематичные представления об эпохе.

Для российского православия динамика форм государственного устройства, политических режимов на протяжении первой половины XX в. стала беспримерной и повлекла глубокие изменения в православном обществе, очевидные и на корпоративном, и на индивидуальном уровнях.

Кризисные явления в обществе начала XX в., революционные события 1917 г., приход к власти большевиков, Гражданская война, НЭП, модернизация и становление сталинского режима – далеко не все вехи гражданской истории довоенного периода. На их фоне церковное общество ожидало созыва Поместного собора, переживало его открытие, избрание патриарха и глубокие реформы, трансформировавшие Русскую православную церковь и завершившие синодальную эпоху в ее истории; отделение церкви от государства, начало репрессий и антицерковных кампаний, изменение законодательства в отношении церкви, разделение церковного общества на «красное» и «белое», затем на обновленцев и тихоновцев, уход из жизни патриарха Тихона, сергианство – вот пунктирное перечисление вех эпохи, отразившихся в персональной истории всех приобщенных к церкви, но в особенности ее служителей.

В современной историографии новейшей истории православия биографика, тем не менее, фактически оторвана от контекста эпохи. Процессы и события «большой истории» разумеется представлены

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект «Персональная история православия: православная идентичность в новейшей истории России. 1914 – 1991 гг.» (№ 18-09-00618А).

в повествовании, но почти всегда остаются фоном для истории персоны.

Второй существенной проблемой остается биографическая героика: в историографии биографии героев и мучеников – единственный ассоциируемый с православием жанр. Так, появилось немало биографических очерков, посвященных патриарху Тихону¹, но нет биографических исследований о, например, Антонии (Храповицком). Собственно, исследовательский контекст (в котором есть место дискуссиям, конкурирующим трактовкам) сопровождает всего нескольких православных деятелей начала XX в. – Гермогена (Долганева)², Питирима (Окнова)³, Андрея (Ухтомского)⁴.

Героическая парадигма церковной биографики по сути заблокировала серьезные исследования личностей церковных оппонентов патриаршего православия и конформистов самых разных толков и мировоззренческих позиций. Однако сам церковный конформизм, захватившее умы ряда церковных и околоцерковных деятелей с начала XX в. реформаторское настроение, стремление упростить, приблизить к современности церковную практику представляют собой важный феномен, отражающий пути эволюции церковного сознания и характер влияния модернизации на церковное общество. Некоторые из этого круга разного толка обновленцев сформировали свои церковные течения, иные стали последовательными разрушителями церковных устоев. Но их биографии, мировоззрение, бесспорно, представляют интерес в изучении новейшей истории православия.

Подобные «негероические» биографии нуждаются в проблематизации, анализе их познавательного потенциала, да и в популяризации изучения в традиционном понимании «не героев», являвшихся частью общества, а потому отражавших взгляды, чаяния, заблуждения, разочарования и надежды своей эпохи.

Наиболее известным конформистским течением в российском православии XX в. было обновленчество. В историографии представлены работы, посвященные Евдокиму Мещерскому, Александру Введенскому, Александру Боярскому – лидерам движения. В обновленчестве на определенном этапе (во время содержания под арестом патриарха Тихона в 1922–1923 гг.) уклонилась часть епископата и священства. В ранней истории обновленчества оказались и персоны с долгим церковным опытом. Среди них был и епископ Леонид (Скобеев), биографии которого, убеждены, следует уделить особое внимание в силу нескольких обстоятельств. Почтенный возраст (к 1922 г. ему был 71 год), прохождение (хотя и не безупречное) всех ступеней церковной карьеры вплоть до епископской хиротонии в лоне патриаршей церкви побуждают особенно внимательно рассмотреть этапы пути и фиксируемые источниками особенности мировоззрения этого церковного деятеля.

Ключевой процесс, определяющий черты и мировоззрение личности – социализация. В российском православном обществе счи-

талось, что чем традиционнее она проходит – тем более социально приемлемый результат будет иметь. С этой особенностью связано наследование профессий и занятий, особенно характерное для священства.

* * *

Евгений Дмитриевич Скобеев родился в феврале 1851 г. в Рузском уезде Московской губернии в священнической семье и пошел по пути традиции. В 1868 г. окончил уездное духовное училище и поступил в Московскую духовную семинарию. В 1872 г. по собственному прошению был уволен из 4 класса семинарии. В 1874 г. окончил 3-е Александровское военное училище и произведен в чин прапорщика⁵.

В 1874 г. был произведен в чин подпоручика и назначен в лейб-гвардии Санкт-Петербургский короля Фридриха-Вильгельма III полк, расквартированный в Варшаве. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., сражался под Плевной и участвовал в штурме Филиппополя. В тот период он был произведен в поручики и награжден орденом святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость». В момент своего наречения во епископы, Леонид держал пространную речь, в которой причудливо выразил свое чтение воли Божией в своей судьбе: «Участвовал в Сербской и Турецкой войнах в 1877–78 годах, был в самых жарких сражениях, но даже и ранен не был, а только лишь в последнем сражении под Филиппополем был контужен пулею в правое плечо и замечательно то обстоятельство, что пуля, контузившая меня, убила на месте моего сослуживца офицера, шедшего сзади меня и как бы прятывавшегося за мною, меня же Господь сохранил, как-бы для чего-то сберегая»⁶.

В 1880 г. был переведен в 4-й гренадерский Несвижский генерала-фельдмаршала Барклая де Толли полк. Во время военной службы в Варшаве Скобеев окончил Медицинский факультет Варшавского университета, а также Военно-юридическую академию в Санкт-Петербурге. Был произведен в чин штабс-капитана, но в 1887 г. вышел в отставку, причина которой достоверно не установлена.

После окончания военной службы несколько лет жизни Скобеева протекли в поле, не освещаемом источниками. О личной судьбе его мы знаем из его пространной автобиографии, приведенной им в одном из его бесконечных притязаний обновленческой поры, а также и в его «Слове» при наречении во епископа Ковровского, произнесенном 10 июля 1920 г.

Из этих источников следует, что первая его невеста умерла накануне свадьбы: «Я перед войной, потеряв любимую невесту за десять дней до свадьбы, в отчаянии не жалел своей жизни и что называется, бросался в самые опасные места, битвы, ища себе смерти вследствие тяжелой утраты»⁷.

Спустя время, которое он провел, поступив и участв в Александровской военно-юридической академии, он встретил женщину «как две капли воды похожую на прежнюю невесту»: «Когда, после Турецкой войны, я окончил Александровскую Военно-Юридическую академию, мне пришлось быть в Москве, то я здесь случайно встретил через четыре года после смерти моей невесты, ее двойника (до чего поразительно было сходство, что мне представилось, что я вижу покойную невесту и мне сделалось дурно), после этой встречи, так сложились обстоятельства, что я, решившийся остаться холостым, через год после этого знакомства женился на ней, но она прожила в замужестве только 1 год 10 месяцев и умерла, оставив мне сына 1 года, которого я воспитал до 9 лет и определил в Санкт-Петербургский Кадетский корпус, где он, проучившись два месяца, умер и я таким образом остался совершенно один. Это было в 1892 году, когда мне было от роду 42 года»⁸.

После этих драматичных событий Скобеев и принял решение получить духовное образование: «Теперь предо мною встал вопрос, что мне делать? Опять жениться я не решался, видя в трех смертях – моей невесты, жены и сына, как бы Божие указание, что я должен избрать какой-то другой путь. И вот я по зрелом размышлении, решил основательно изучить духовные богословские науки и заняться воспитанием юношества, для чего я, будучи 42 лет, держал экзамены наравне с семинаристами в С.-Петербургскую Духовную Академию, хотя имел право поступить в Академию без всякого экзамена, но я не желал прослыть за карьериста...»⁹.

Известно, однако, что в действительности, как явствует из списка выпускников, он поступил в академию вольнослушателем и окончил ее в 1896 г. предпоследним из выпускников этого года по успеваемости.

28 июня 1893 г. Скобеев принял монашество. 4 июля того же года был рукоположен в сан иеродиакона, а 11 декабря 1894 г. – в сан иеромонаха. По отзыву последнего обер-прокурора Синода А.В. Карташева, он принял монашество ради карьеры и имел прозвище «иеро-капитан». Данная Карташевым нелестная характеристика, получившая широкое хождение, сводилась к формуле «Нрав буйный, образ действий – уголовный».

Итак, пострижен в монашество он был в зрелом возрасте. И несмотря на не самые выдающиеся успехи в духовном образовании, последовали первые назначения по духовно-учебному ведомству. 28 сентября 1896 г. был назначен смотрителем Тульчинского духовного училища. 19 апреля 1900 г. награжден наперсным крестом, от Святейшего Синода выдаваемым.

Вскоре, в 1901 г., был назначен ректором Литовской духовной семинарии в городе Вильно и настоятелем Виленского Троицкого мужского монастыря, в связи с чем в апреле того же года возведен в сан архимандрита¹⁰.

В самом начале учебного 1903 г. был освобожден от должности ректора и последовательно получил несколько назначений в третьеклассные епархиальные монастыри. В понятиях того времени это было падением, и оно имело весомые причины. Сам архимандрит трактовал произошедшее так: «Враг рода человеческого искал кого поглотит (I.П.V,8) вооружил против меня недоброжелательных людей и я был сбит с пути, по которому мирно катилась моя жизненная колесница, я без всякого суда и следствия по одному только клеветническому письму (и кого же? Архиерея!), содержание которого мне было даже и не объявлено, товарищем Обер-прокурора В.К. Саблером, в летнюю сессию, был смещен с должности Ректора Семинарии на совершенно неведомый мне путь, куда я не готовился, в настоятели монастыря, где я и служил до сего времени среди волцев и терний со всевозможными скорбями, находясь 20 лет в сане архимандрита [Орфография автора сохранена. – М.К.]»¹¹.

Настоятельство в монастырях действительно было долгим, но не столь гладким, как описал его сам архимандрит. Перемещения его на новые места были частыми и бессистемными, а служение едва ли было безупречным. Обращает на себя внимание и его проповедническая практика: в текстах своих слов архимандрит предпочитал обращаться не к опыту познания Христа или святоотеческого опыта, но нередко в превосходных степенях говорил о себе. И в этой связи удивительная по своему звучанию речь, произнесенная им при наречении во епископа Ковровского в 1920 г., уже не выглядит из ряда вон выходящей.

Уволенный из ректоров, архимандрит был назначен настоятелем Пензенского Спасо-Преображенского монастыря. 9 июня 1906 г. переведен настоятелем Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря Черниговской епархии. 24 февраля 1909 г. переведен настоятелем Пустынного успенского монастыря Могилевской епархии. 30 января 1910 г. уволен от настоятельства и зачислен в братию Рязанского Троицкого монастыря, однако в мае того же года назначен настоятелем Смоленского Авраамиева монастыря. В 1914 г. оставил настоятельство. В 1917 г. назначен настоятелем Покрово-Бодинского монастыря в Астрахани. Остается непонятным, все ли назначения были им приняты и исполнены: в его нарративах ряд назначений замалчивается и не указывается. В собственноручном описании архимандритом тех событий Авраамиев монастырь в Смоленске значится первым его назначением. Само же назначение в монастырь было падением на пути к архиерейству: ведь по синодальной традиции и практике ректорство в семинарии было ступенью к епископской хиротонии.

Во время пребывания архимандрита в Смоленске его управление древним Авраамиевым монастырем пришлось на юбилейную дату обители, вследствие чего архимандрит составил «Историческую записку о 700-летию Спасо-Авраамиева Богородицкого Училищного

II класса в г. Смоленске монастыря», четверть объема которой посвятил истории... своего славного рода, своим военным подвигам¹².

За годы «духовной карьеры», – а в том, что служение церкви понималось самим архимандритом в понятиях военного первенства, убеждает ряд свидетельств современников, – Леонид нигде не оставил о себе доброй памяти и «не мог установить спокойного течения монастырской жизни»¹³. В обычной логике такое положение вещей должно было остановить дальнейшее восхождение. С учетом того, что и о честолюбии архимандрита многие были наслышаны: «Рассказывали, что в бытность архимандритом он, служа в приходских церквях, вопреки уставу, украшал свою особу посохом. Ему было указано на то, что подобные вольности недопустимы, а он, рассердившись, возразил: “Еще чего! Мои сокурсники давно уже стали епископами, а мне не велят служить с посохом!” Без устали добивался он епископского рукоположения»¹⁴.

В 1917–1918 гг. архимандрит пребывал в Москве, где, по причине невозвращения в обитель ее настоятеля архимандрита Афанасия (Самбикина), в феврале 1919 г. его назначают временным настоятелем¹⁵. Эту должность он исправлял около полугода, затем опять пребывал в Москве, служил в ряде городских храмов.

12 июля 1920 г. «как старейший по возрасту архимандрит» он был хиротонисан во епископа Ковровского, викария Владимирской епархии. Хиротонию совершил Патриарх Тихон с сонмом архиереев. Чем определялось решение об этой хиротонии – доподлинно неизвестно. О недостатках и самолюбии архимандрита знали, свое властолюбие он в полной мере явил в произнесенной при наречении в Московском епархиальном доме речи. С архипастырями и патриархом хиротонисаемый говорил едва ли не как старший брат, в подробностях сказал о славе и многообразном служении своей семье, в том числе о своем родственнике – епископе Леониде, в честь которого он взял имя при пострижении (сама фиксация этого факта парадоксальна: в пострижении обычно избирают имя духовных подвижников, чьим подвигам стремятся соответствовать и чьей молитвенной помощи просят). История воинской службы, перипетии личной жизни, несправедливые обиды – в той речи было помянуто все, что предшествовало венцу жизни – епископской мантии и клобуку. Лишь затем, перечитав заготовленную речь, новопоставленный от руки дописал несколько фраз, соответствующих как этикету, так и собственно религиозному содержанию момента, отметив наконец: «Божественная благодать, всегда немощи врачующи и оскудевающее восполняюще, чрез возложение Ваших Святительских рук снизойдет на меня многогрешного и укрепит меня на непостыдное делание...»¹⁶.

Дальнейшие события показали, что «непостыдного делания» как раз в служении епископа и не вышло. В июне 1921 г. епископ Леонид был назначен епископом Верненским и Семиреческим, ви-

карием Туркестанской епархии. Но он не смог отбыть к месту назначения (город Верный в том же году переименован в Алма-Ату), так как связь Москвы со Средней Азией была из-за Гражданской войны прервана. Это перемещение вполне можно считать ссылкой уже немолодого епископа. Вероятно, он проявил себя настолько явно несоответствующим сану, что потребовалось хотя бы попытаться перевести его из древней Владимирской епархии.

Время было динамичным, и далеко не все нестроения в церковной жизни получали немедленное разрешение. Но наступил эпохальный для церкви 1922 г., когда на волне изъятия церковных ценностей и встреченного общественного сопротивления власти поддержали группу наиболее конформистски настроенного духовенства и примкнувших к ней церковнослужителей. Так начался обновленческий раскол. Вероятно, не добившийся высот честолюбивый епископ увидел в новом движении свой новый шанс и с присущим авантюризмом ринулся в новое движение. Вернее, по собственному свидетельству и воспоминаниям действительных основоположников раскола, он был призван к участию как находившийся в ту пору в Москве епископ, поскольку с апостольских времен епископское преемство было ключевым средством легитимации церковной власти. Примечательно, что историки раннего обновленчества и многие современники воспринимали Леонида как «старорежимного архиерея», а обновленческий лидер А.И. Введенский свидетельствовал, что «каждым третьим словом, которое он произносил, было: государь-император»¹⁷. Леонид был одним из старейших по возрасту архиереев (на 14 лет старше патриарха), и это стало еще одним обстоятельством, определившим его востребованность у обновленцев.

Есть непосредственное свидетельство роли Леонида в обновленческом движении, данное самим патриархом Тихоном, который в своем послании от 2(15) июля 1923 г. отметил значение епископов Антонина (Грановского) и Леонида (Скобеева) в легитимации Временного церковного управления¹⁸.

Значение Леонида для обновленческого движения сохранялось буквально несколько дней. С момента встречи 18 мая 1922 г., накануне ареста патриарха Тихона, на которой епископ согласился возглавить новое самочинное Высшее церковное управление, до начала июня, когда он вместе с Антонином (Грановским) совершил первые обновленческие хиротонии на Троицком подворье. 30 мая он был избран председателем Московского епархиального управления, но вскоре был оттеснен амбициозным Антонином¹⁹.

Обновленчество развивалось стремительно, внутри группы боролись разные группы и лидеры. Назначенный 18 июня управлять Московской епархией с титулом епископа Крутицкого (1 июля возведен в архиепископы), уже через несколько дней Леонид фактически был лишен влияния. О нравах, царивших на Троицком подворье при обновленцах, хорошо известно: откровенно аморальное поведе-

ние, соседство и прямое взаимодействие с ГПУ – штрихи к портрету обновленческих лидеров²⁰.

Уже в июле Леонид был, по сути, выслан из Москвы. Формально для урегулирования церковных дел – «путятинщины» – в Пензе. Известно, что по приезду в город, он заявил, в частности, что «никаких новшеств, никаких элементов “народной церкви” он не признает и что все должно пойти по-настоящему и древнецерковному». Вскоре, пользуясь мандатом от ВЦУ, Леонид сумел закрепить за собой несколько городских храмов, в том числе Покровскую церковь»²¹. Нельзя сказать ни об однозначном успехе, ни о провале миссии: результаты пребывания Леонида в Пензе вполне соответствовали общей логике событий той поры.

Известно, что в октябре 1922 г. последовало назначение Леонида на Орловскую обновленческую кафедру, но уже в начале 1923 г. он покинул вверенную епархию и поселился в Москве, где получил назначение на Крутицкое, затем Коломенское викариатство Московской епархии. Но, судя по обновленческой печати и советской периодике, значимой роли в развитии обновленчества уже не играл, хотя и участвовал в первых трех обновленческих «соборах». В сентябре 1924 г. был уволен на покой с назначением содержания.

В сохранившихся документах обновленческого архиепископа Леонида попадает немало свидетельств его самооценки. Настойчивое постулирование его уникального вклада в развитие движения, возможно, и стало причиной удаления от дел.

Так, в июне 1924 г. он оформил письмом членов предсоборного совещания такую характеристику самому себе: «Архиепископ Леонид, имевший громадное мужество первым взять на себя почин в обновленческом движении и вместе с тем и первые удары, посыпавшиеся на обновленческое движение, всю, так сказать, черновую работу обновления, до сих пор остается в тени, а деятельность Синода, начавшаяся только с Августа 1923 года, всегда и везде ярко выставляется на вид, о начале же обновленческого движения, начавшегося еще в мае 1922 года и до Августа 1923 года, до сих пор широкая публика совершенно не имеет никаких сведений, а самый же инициатор, так сказать, патриарх движения, Архиепископ Леонид, по возрасту старейший всех иерархов русских и до сих пор остается без всякого поощрения и удовлетворения, не состоя даже членом Синода, где бы он мог работать не менее полезно, чем и другие члены Синода, появившиеся на сцене гораздо позже, так сказать, уже на готовое место»²².

В октябре 1925 г. он уже восклицал: «Через мое же возглавление сохранилась каноническая и юридическая преемственность власти, по резолюции Патриарха Тихона от 5/18 Мая 1922 года и таковую получил ее и Священный Синод!!»²³.

В конце 1927 г. архиепископ, приводя массу аргументов, писал уже без всяких обиняков: «Прошу Пленум Священного Си-

нода о восстановлении меня в звании Члена Св. Синода с уравнением меня в иерархической степени с теми, которые моложе меня и по возрасту и по рукоположению, а также и об улучшении моего материального положения»²⁴

Как можно судить по материалам частного архива иерарха, последние годы его жизни (все эти годы он пребывал в Москве, служил в обновленческих храмах, в общем, несмотря на свои заявления в обновленческий Синод, не бедствовал) стали периодом яростной борьбы за признание его заслуг перед обновленчеством. Лишь в феврале 1931 г. обновленческий Синод признал его притязания, возвел в митрополиты без кафедры, назначил содержание и к 80-летию поднес почетное членство в Синоде²⁵.

Видимо, когда бороться стало не за что, энергия митрополита иссякла – скончался он в январе 1932 г.

Умер Леонид, не воссоединившись с патриаршей церковью.

В пору «дела истинно-православной церкви», когда по всей стране репрессированы были сотни и тысячи православных, обновленцы могли рассчитывать на новый расцвет своего движения. Сам Леонид не оставил свидетельство своего политизировано-непримиримого отношения к патриарху Тихону и даже после кончины святейшего заявлял: «Я и потом не соединился со врагом церковного обновления Патриархом Тихоном, когда он, будучи лишен своего сана Собором 1923 года, начал без всякого оправдания церковным Судом самолично и кощунственно священнодействовать и увлек за собой большинство духовенства и темной массы мирян»²⁶.

* * *

Быть может в силу своей «непримиримости» Леонид стал фигурой умолчания в новейшей историографии как обновленческого раскола, так и в целом церковной истории первой четверти XX в.

Поньше в довольно скудной историографии утвердилось представление о Леониде (Скобееве) как об авантюристе, человеке далеком истинному православию. Об этом свидетельствуют факты.

Однако нельзя не учитывать, что он успешно прошел все стадии православного посвящения. При этом в тяжелую пору 1920 г. первую, вполне подлинную, епископскую хиротонию над ним совершал патриарх Тихон.

Маргинализация же персоны Леонида в историографии осуществлялась уже, что называется, «задним числом».

Его личность и публичная деятельность, что совершенно очевидно, лишены героического пафоса: он принадлежит к числу церковно-иерархических маргиналов, не гнушавшихся интриг. Преисполненный честолюбия, долгие годы он искал положения в церковном мире. С легкостью поддержал обновленцев, суливших ему иерархические высоты, славу и первенство.

Его биография с очевидностью являет собой пример «негероической» и составляет особый, не массовый, но значимый в понимании сути глубоких трансформаций православного сознания, произошедших под влиянием ключевых событий отечественной истории XX в. И именно такие историко-биографические исследования позволяют расширить привычные рамки и шаблонные представления о настроениях и мировоззрении любой из групп и страт православного общества в новейшей истории православия.

Примечания Notes

¹ Лобанов В.В. Патриарх Тихон и советская власть (1917 – 1925 гг.). Москва, 2008; Сафонов Д. Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, и его время. Москва, 2013.

² Мраморнов А.И. Церковная и общественно-политическая деятельность епископа Гермогена (Долганова, 1858 – 1918). Саратов, 2006; Дамаскин (Орловский). Епископ Гермоген (Долганов). Москва, 2010.

³ Фирсов С.Л. Искусившийся властью: История жизни митрополита Петроградского Питирима (Окнова). Москва, 2011.

⁴ Зеленогорский М.Л. Жизнь и труды архиепископа Андрея (князя Ухтомского). Москва, 2011.

⁵ Лавринов В. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. Москва, 2016. С. 334.

⁶ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 845. Карт. 1. Ед. хр. 10. Л. 2.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 3–4.

¹⁰ Лавринов В. Обновленческий раскол в портретах его деятелей. Москва, 2016. С. 334.

¹¹ НИОР РГБ. Ф. 845. Карт. 1. Ед. хр. 10. Л. 3.

¹² НИОР РГБ. Ф. 845. Карт. 1. Ед. хр. 38. Л. 1–3.

¹³ Иоанн (Лудищев). История Московского Сретенского монастыря: 1919 – 1923 годы // Сретенский сборник. Вып. 3. Москва, 2012. С. 247.

¹⁴ Цыпин В. История Русской православной церкви: Синодальный и новейший периоды (1700 – 2005). Москва, 1997. С. 432.

¹⁵ НИОР РГБ. Ф. 845. Карт. 1. Ед. хр. 21.

¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 845. Карт. 1. Ед. хр. 10. Л. 4.

¹⁷ Краснов-Левитин А.Э., Шавров В.М. Очерки по истории русской церковной смуты (20-е – 30-е гг. XX в.). Москва, 1996. С. 73.

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. Л. 157–161; Лобанов В.В. Патриарх Тихон и советская власть (1917 – 1925 гг.). Москва, 2008. С. 261–263.

¹⁹ Краснов-Левитин А.Э., Шавров В.М. Очерки по истории русской церковной смуты (20-е – 30-е гг. XX в.). Москва, 1996. С. 91.

²⁰ Кривошеева Н.А. Троицкое Сергиево подворье при святейшем Патриархе Тихоне // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2006. № 2 (19). С. 338.

²¹ Крапивин М.Ю. Всеволод Путята в контексте религиозной политики органов ГПУ–ОГПУ–НКВД СССР (1922 – 1936 гг.) // Вестник церковной истории. 2014. № 1-2 (33-34). С. 235.

²² НИОР РГБ. Ф. 845. Карт. 1. Ед. хр. 14. Л. 1, 1об.

²³ НИОР РГБ. Ф. 845. Карт. 1. Ед. хр. 18. Л. 3.

²⁴ НИОР РГБ. Ф. 845. Карт. 1. Ед. хр. 20. Л. 4.

²⁵ НИОР РГБ. Ф. 845. Карт. 12. Ед. хр. 34. Л. 1.

²⁶ НИОР РГБ. Ф. 845. Карт. 1. Ед. хр. 18. Л. 4.

Автор, аннотация, ключевые слова

Каиль Максим Владимирович – канд. ист. наук, доцент, Смоленский государственный университет (Смоленск)

mvkail@mail.ru

В статье на основе обобщенных историографических материалов и лекции архивных источников исследуется биография епископа Леонида (Скобеева) (1851 – 1932). В переломную революционную эпоху он волею судьбы стал одним из руководителей обновленческого движения: инициаторы движения пригласили его стать формальным главой движения в мае 1922 г., поскольку он был епископом (в обновленчестве стал архиепископом и митрополитом). Персональная история Леонида (Скобеева), прошедшего большой жизненный путь и пришедшего в монашество и церковную иерархию из мира, представляет интерес и значение в связи с попыткой исторического осмысления глубоких трансформаций православного сознания, пришедшихся на первую треть XX в. в связи с российскими политическими реалиями той поры. Изучение жизни и церковной деятельности Леонида (Скобеева) приводит к заключению, что он до конца своих дней оставался случайным руководителем обновленческого движения, фактически его попутчиком, ибо сам он связывал с этим движением и его перспективами при власти большевиков прежде всего свои собственные честолюбивые планы и амбиции. Его персона и его деятельность лишены героического пафоса: он принадлежал к числу церковно-иерархических маргиналов, которые не гнушались самовосхваления, интриг, карьерного стремления к высотам церковной иерархии и материальным благам. Изучение его биографии показывает, что именно историко-биографические исследования обладают значительным эвристическим потенциалом, позволяют расширить привычные рамки и шаблонные представления о настроениях и мировоззрении любой из групп и страт православного общества в новейшей истории православия.

Русская православная церковь, православие, церковная иерархия, об-

новленчество, обновленческое движение, историография, биографика, Патриарх Тихон (Беллавин), епископ Леонид (Скобеев).

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Krapivin, M.Yu. Vsevolod Putyata v kontekste religioznoy politiki organov GPU–OGPU–NKVD SSSR (1922 – 1936 gg.) [Vsevolod Putyata in the Context of the Religious Policy of the Organs of the GPU–OGPU–NKVD of the USSR (1922 – 1936).]. *Vestnik tserkovnoy istorii*, 2014, no. 1-2 (33-34), pp. 231–282. (In Russian).

2. Krivosheeva, N.A. Troitskoye Sergiyev podvorye pri svyateyshem Patriarkhe Tikhone [Trinity-Sergiev Monastery under His Holiness Patriarch Tikhon.]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*, 2006, no. 2 (19), pp. 226–340. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. Ioann (Ludishchev). Istoriya Moskovskogo Sretenskogo monastyrya: 1919 – 1923 gody [The History of the Moscow Sretensky Monastery: 1919 – 1923.]. *Sretenskiy sbornik* [Sretensky Collection.]. Moscow, 2012, vol. 3, pp. 245–324. (In Russian).

(Monographs)

4. Damaskin (Orlovskiy). Episkop Germogen (Dolganov) [Bishop Germogen (Dolganov).]. Moscow, 2010, 399 p. (In Russian).

5. Firsov, S.L. Iskusiivshiyasy vlastyu: Istoriya zhizni mitropolita Petrogradskogo Pitirima (Oknova) [Tempted by Power: The Story of the Life of the Petrograd Metropolitan Pitirim (Oknov).]. Moscow, 2011, 232 p. (In Russian).

6. Krasnov-Levitin, A.E.; Shavrov, V.M. Ocherki po istorii russkoy tserkovnoy smuty (20-e – 30-e gg. XX v.) [Essays on the History of Turmoil in the Russian Church (1920s – 1930s).]. Moscow, 1996, 670 p. (In Russian).

7. Lavrinov, V. Obnovlencheskiy raskol v portretakh ego deyateley [The Renovationist Schism through the Portraits of its Prominent Figures.]. Moscow, 2016, 732 p. (In Russian).

8. Lobanov, V.V. Patriarkh Tikhon i sovetskaya vlast (1917 – 1925 gg.) [Patriarch Tikhon and Soviet Power, 1917 – 1925.]. Moscow, 2008, 351 p. (In Russian).

9. Mramornov, A.I. Tserkovnaya i obshchestvenno-politicheskaya deyatelnost episkopa Germogena (Dolganova, 1858 – 1918) [The Church and the Socio-Political Activities of Bishop Hermogen (Dolganov, 1858 – 1918).]. Saratov, 2006, 362 p. (In Russian).

10. Safonov, D. Svyatitel Tikhon, Patriarkh Moskovskiy i vseya Rossii, i ego vremya [Saint Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, and His Time.].

Moscow, 2013, 701 p. (In Russian).

11. Tsypin, V. *Istoriya Russkoy pravoslavnoy tserkvi: Sinodalnyy i noveyshiy periody (1700 – 2005)* [The History of the Russian Orthodox Church: Synodal and Modern Periods, 1700 – 2005.]. Moscow, 1997, 831 p. (In Russian).

12. Zelenogorskiy, M.L. *Zhizn i trudy arkhiepiskopa Andrey (knyazya Ukhtomskogo)* [The Life and Works of Archbishop Andrew (Prince Ukhtomskiy)]. Moscow, 2011, 448 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Maksim V. Kail – Candidate of History, Senior Lecturer, Smolensk State University (Smolensk, Russia)

mvkail@mail.ru

Based on selected historiographic materials and archival sources, the article examines Bishop Leonid's (Skobeev's) biography (1851 – 1932). During the ground-breaking revolutionary epoch he was destined to become one of the leaders of the Renovatist movement as he, being a bishop, was invited to be a formal leader by the movement initiators in May 1922. Later he became an archbishop and metropolitan. The personal life-story of Leonid Skobeev who made a long way from the world toward monkhood and Russian Orthodox Church hierarchy is a matter of relevance and interest now that attempts are being made to undertake a historical analysis of the profound transformations which effected the Orthodox consciousness in the first third of the 20th century in connection with Russian political situation of that time period. The analysis of Leonid's (Skobeev's) life and church activity leads to the conclusion that to the end of his days he was an accidental leader of the Renovatist movement and, actually, a fellow-traveler as he tied up his own ambitions and plans to this movement and its prospects under the Bolsheviks. His personality and activity are devoid of heroic pathos. He belongs to those marginals in Church hierarchy who would resort to self-praise, scheming, career-mindedness and ambitions to get to the top of Church hierarchy and material benefits. The study of his biography shows that biographical studies have a considerable heuristic potential, enable to expand the common frameworks and stereotypes about the sentiments and ideology of any of the groups and strata of Orthodox society in the recent history of Orthodoxy.

Russian Orthodox Church, Orthodoxy, Church hierarchy, Renovatist movement, historiography, biographical studies, Patriarch Tikhon (Bellavin), Bishop Leonid (Skobeev).

Научное издание

Новый исторический вестник

Младший редактор Я.В. Юркина
Компьютерная верстка А.В. Надточенко

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.
Подписано в печать 31.12.2018
Формат 60x90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11
Тираж 1 500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон (495) 970-72-63
E-mail nivestnik@yandex.ru
Сайт www.nivestnik.ru